

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Филология. Журналистика

2024

Том 24

Выпуск 3

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOLOGY. JOURNALISM

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2024 Том 24

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

Издается с 2005 года

Серия Филология. Журналистика, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

Андреева С. В. Опыт системного подхода к типологии вспомогательных единиц общения 242

Фурс Л. А. Специфика интерпретационных фокусов в медиадискурсе: когнитивный подход 250

Орлова Д. Г. Тенденции неологизации глагольной лексики в конце XX – начале XXI вв. 257

Лашкова Г. В., Матяшевская А. И. Телескопия как особый способ словообразования в современном английском языке (на материале интернет-источников) 264

Бурунский В. М. Лингвистические маркеры экстраверсивности/интроверсивности личности в тексте перевода: к постановке проблемы 271

Зайцева И. П. Персонаж современной драматургии в аспекте коммуникативной стратегии самопрезентации (на материале творчества Николая Коляды) 279

Махортова В. А., Кутьева М. В. Семантика энтомонима *abelha* / *пчела* в португальской поэзии 288

Александрова Т. А., Лазовская Н. В. Особенности функционирования числительных в субстандартной лексике афроамериканского социально-этнического диалекта 296

Литературоведение

Прозоров В. В. Семантический диапазон понятия «читатель» в современной русской культуре 302

Полужтова Т. А. Англоязычный фотоэпиграфический детектив второй половины XX в. (А. Кристи, Т. Финдли): традиция и новаторство 309

Анцыферова О. Ю. Топос североамериканского городка в произведениях Робертсона Дэвиса и Стивена Кинга («Пятый персонаж» и «Возрождение») 319

Чугунов Д. А. Об историко-культурном значении творчества Сибиллы Левичарофф 325

Салахова А. О. Мифопоэтика в романах Саши Соколова: от онтологического мифа «Школы для дураков» к деконструкции мифа «Палисандрии» 333

Дубаков Л. В. Образы буддийских иерархий в романе Л. А. Юзефовича «Поход на Бар-Хото» 340

Журналистика

Землянский А. В. Пандемия COVID-19 в зеркале СМИ: проблема медиавоздействия 346

Приложение

Представляем книгу

Дмитриева О. И. Тюркизмы в русском языке: проблема освоения и функционирования в концепции П. У. Бакирова 354

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “Филология. Журналистика”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76639 от 26 августа 2019 года. Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.9.1; 5.9.2; 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8; 5.9.9)

Подписной индекс издания 36011. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (bonjour.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.08.2024.

Подписано в свет 30.08.2024.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,0).

Тираж 100 экз. Заказ 102-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям *Лингвистика*, *Литературоведение*, *Журналистика* (специальности 5.9.1, 5.9.2, 5.9.5, 5.9.6, 5.9.8, 5.9.9), а также материалы в разделы *Проблемы высшей школы*, *Критика и библиография*, *Хроника научной жизни*.

К рассмотрению не принимаются материалы, представленные в другие журналы или ранее опубликованные.

Объем публикации – 25000–40000 знаков с пробелами (для разделов Критика и библиография, Хроника научной жизни – 15000–20000), список литературы – 15–25 наименований. Статья должна содержать аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (не более 15), сведения об авторе (место работы, ученая степень, должность, e-mail, ORCID) на русском и английском языках. Текст необходимо тщательно отредактировать и оформить в соответствии с требованиями журнала: формат MS Word для Windows, через один интервал, с полями (левое – 3,5 см, правое – 1,5 см, верхнее и нижнее – 2,5 см), шрифт Times New Roman, кегль 14 для основного текста, 12 – для вспомогательного. Для цитирования используются внутритекстовые ссылки, список литературы составляется в порядке упоминания источников в тексте.

Статьи проходят проверку на оригинальность в системе Антиплагиат.ВУЗ и на соответствие техническим требованиям (см. *Правила для авторов*), затем они подлежат обязательному рецензированию (см. *Порядок рецензирования*) и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию.

Поддача заявки на публикацию осуществляется через сайт журнала: <https://bonjour.sgu.ru>

После принятия редколлегией решения о публикации статьи автор обязан загрузить на сайт PDF-файлы подписанного Лицензионного договора, Экспертного заключения о возможности открытого опубликования статьи, Согласия на обработку персональных данных, а также прислать их оригиналы по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, редакция журнала.

Опубликованный номер размещается на сайте журнала, в российских и международных базах данных. Рассылка авторских экземпляров не предусмотрена.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Andreeva S. V.** An attempt of a systematic approach to the typology of supportive communicative units 242
- Furs L. A.** Specific features of interpretation focuses in media discourse: Cognitive approach 250
- Orlova D. G.** Trends in the neologization of verbal vocabulary in the late 20th – early 21st centuries 257
- Lashkova G. V., Matyashevskaya A. I.** Telescoping as a specific type of word formation in modern English (based on Internet resources) 264
- Burunskiy V. M.** Linguistic markers of extraversion/introversion of a personality in the translation text: Setting a problem 271
- Zaitseva I. P.** A character of modern drama in the aspect of communicative strategy of self-presentation (based on the oeuvre of Nikolay Kolyada) 279
- Makhortova V. A., Kutyeva M. V.** Semantics of the entomonym *abelha / bee* in Portuguese poetry 288
- Aleksandrova T. A., Lazovskaya N. A.** Features of the functioning of numerals in the substandard lexicon of the African American social and ethnic dialect 296

Literary Criticism

- Prozorov V. V.** Semantic range of the concept “reader” in contemporary Russian culture 302
- Poluektova T. A.** The English photoekphrastic detective novel of the second half of the 20th century (A. Christie, T. Findley): Tradition and innovation 309
- Antsyferova O. Yu.** A North-American small town as a topos of Robertson Davis’s and Stephen King’s novels (*Fifth Business and Revival*) 319
- Chugunov D. A.** About the historical and cultural significance of Sibylle Lewitscharoff’s work 325
- Salakhova A. O.** Mythopoeitics in the novels of Sasha Sokolov: From the ontological myth of *A School for Fools* to the deconstruction of the myth of *Palisandria* 333
- Dubakov L. V.** Images of Buddhist entities in L. A. Yuzefovich’s novel *Campaign to Bar-Khoto* 340

Journalism

- Zemlyanskiy A. V.** COVID-19 Pandemic in the media mirror: The issue of media influence 346

Appendix

Presentation of the Book

- Dmitrieva O. I.** Turkisms in the Russian language: The problem of assimilation and functioning in the concept of P. U. Bakirov 354

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)
Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Байкулова Алла Николаевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Бакиров Поян Уралович, доктор филол. наук, профессор (Термез, Узбекистан)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Голубков Андрей Васильевич, доктор филол. наук, профессор РАН (Москва, Россия)
Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)
Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Долинин Александр Алексеевич, Ph.D. (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Котелевская Вера Владимировна, кандидат филол. наук (Ростов-на-Дону, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Майга Абубакар Абдулвахиду, кандидат филол. наук (Бамако, Мали)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Мних Роман Владимирович, доктор гуманитарн. наук (славянские литературы), доцент (Варшава, Польша)
Мохаммед Газван Аднан Мохаммед, Ph.D., доцент (Баакуба, Республика Ирак)
Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Ратмайр Ренате Фелисите, Ph.D. (Вена, Австрия)
Се Чуньянь, доктор филол. наук (Харбин, Китай)
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Харламова Татьяна Валериевна, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, Китай)
Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)
Шестеркина Людмила Петровна, доктор филол. наук, доцент (Челябинск, Россия)
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOLOGY. JOURNALISM”**

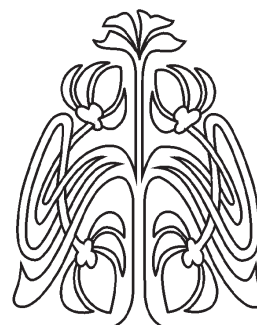
Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

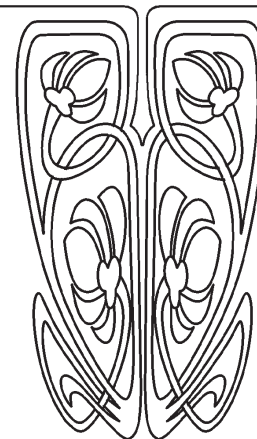
Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Rashid S. Alikhaev (Nalchik, Russia)	Roman V. Mnich (Warsaw, Poland)
Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)	Ghazwan Adnan Mohammed (Baqubah, Republic of Iraq)
Olga Yu. Anzyferova (St. Petersburg, Russia)	Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)
Alla N. Baikulova (Saratov, Russia)	Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)
Poyon U. Bakirov (Termez, Uzbekistan)	Lina V. Razumova (Moscow, Russia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)	Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Andrey V. Golubkov (Moscow, Russia)	Xie Chunyan (Harbin, China)
Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)	Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia)
Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)	Irina A. Tarasova (Saratov, Russia)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)	Tatyana V. Kharlamova (Saratov, Russia)
Elena G. Elina (Saratov, Russia)	Huan May (Beijing, China)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)	Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)
Vera V. Kotelevskaya (Rostov-on-Don, Russia)	Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)	Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)
Olga Yu. Kryuchkova (Saratov, Russia)	Lyudmila P. Shesterkina (Chelyabinsk, Russia)
Aboubacar Abdoulwahidou Maiga (Bamako, Mali)	Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)	

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 242–249
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 242–249
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-242-249>
EDN: OYNMFQ

Научная статья
УДК 811.161.1'27'42

Опыт системного подхода к типологии вспомогательных единиц общения

С. В. Андреева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

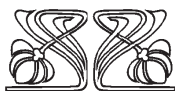
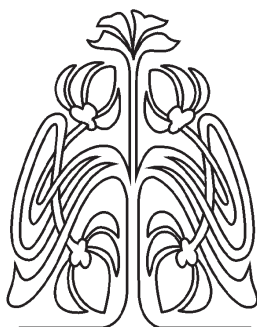
Андреева Светлана Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, svandreeva64@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8748-5896>

Аннотация. В статье обоснована необходимость разработки системного подхода к описанию коммуникативных единиц реальной речевой коммуникации. Представлен авторский опыт решения проблемы типологии единиц вспомогательного уровня общения. На основе ранее разработанных автором принципов и методики выделения коммуникативных единиц дискурса даются дефиниции основных и вспомогательных единиц. Определены типологические структурно-семантические и функциональные признаки единиц вспомогательного уровня общения. Проанализированы типологические признаки трех вспомогательных единиц: дискурсивов, коммуникативов и диалогических повторов; даны определения этих единиц, соответствующие современному уровню научного знания. Посредством функционального и количественного анализа устных дискурсов трех сфер общения (разговорно-бытовой, медийной и устной научной) выявлено соотношение в них основных и вспомогательных единиц. Показано, что для каждого типа устного дискурса характерно определенное взаимодействие информативного, регулятивного и структурирующего «векторов общения», что может рассматриваться как функционально-прагматическая характеристика дискурса. Самый большой удельный вес вспомогательных единиц обнаружен в устной научной речи. В разговорно-бытовом дискурсе используются преимущественно коммуникативы и диалогические повторы, в медийном – дискурсивы и коммуникативы, в научном – дискурсивы. На основе анализа современного состояния изучения вспомогательных единиц выделены проблемные вопросы, намечены перспективы дальнейших исследований, в частности, создание интенционально-коммуникативных словарей русской речи, использование теоретических и практических разработок для общения человека с интеллектуальными системами. Сделан вывод о том, что изучение вспомогательных единиц как средств повышения эффективности общения нужно считать актуальной теоретико-методологической проблемой лингвоэкологии.

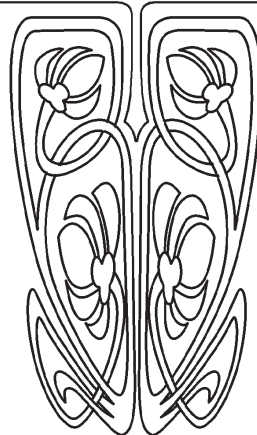
Ключевые слова: коммуникация, вспомогательная система, основные единицы, вспомогательные единицы, типология, дефиниция, дискурсивы, коммуникативы, диалогические повторы, лингвоэкология, коммуникативные риски

Для цитирования: Андреева С. В. Опыт системного подхода к типологии вспомогательных единиц общения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 242–249. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-242-249>, EDN: OYNMFQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

An attempt of a systematic approach to the typology of supportive communicative units

S. V. Andreeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Svetlana V. Andreeva, svandreeva64@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8748-5896>

Abstract. In the article the author explains the necessity to work out a systematic approach to the description of communicative units of real-life communication. The article presents an attempt to solve the problem of classifying the units belonging to the secondary communication level. Based on the previously suggested principles and methods of identifying communicative discourse units, the author provides definitions of primary and secondary (supportive) units. Also, the author defines typological structural, semantic and functional properties of supportive communicative units, analyzes typological properties of three supportive units: discourse markers, dialogue reaction markers and dialogue repetitions, and gives definitions of these units which correlate with the current state in modern linguistics. The functional and quantitative analysis of three spheres of communication (colloquial, media and spoken academic discourses) shows the balance of primary and secondary units in these spoken discourses. It is proved that all three spoken discourses demonstrate a specific level of the interaction of informative, regulative and organizational "vectors of communication" which can be regarded as a certain functional-pragmatic characteristic of the discourse. Spoken academic discourse demonstrates the highest proportion of supportive communicative units. Colloquial discourse uses mainly dialogue reaction markers and dialogue repetitions, media discourse – discourse markers and dialogue reaction markers, academic discourse – discourse markers. Taking into consideration the modern situation of studying supportive units the author singles out several problematic issues and outlines the prospects of their studying: namely, making up intentional-communicative dictionaries of Russian discourse, using theoretical and practical research results for the communication of a human being with artificial intelligence. In the conclusion the author emphasizes the role of supportive units as means of increasing communication efficiency and claims the importance of dealing with theoretical and methodological issues of supportive units' usage within linguistic ecology.

Keywords: communication, supportive system, primary units, secondary units, typology, definition, discourse markers, reaction phrases, dialogue repetitions, linguistic ecology, communication risks

For citation: Andreeva S. V. An attempt of a systematic approach to the typology of supportive communicative units. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 242–249 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-242-249>, EDN: OYNMFQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

На современном этапе развития лингвистики пришло понимание коммуникации как многоуровневого процесса, в котором можно выделить как минимум два уровня, или системы: первичную (primary system) и вторичную (побочную) (coltateral system) (см.: [1, 2]). Значение инсайта по поводу «миссии» вспомогательной системы общения трудно переоценить, поскольку без взаимодействия средств двух систем невозможна полноценная коммуникация. Реализация вспомогательной системы не является основной задачей речевого общения, но с ее помощью выстраивается, организуется основная коммуникация. Как известно, средства передачи «метаинформационного знания» (термин О. Б. Йокоямы) обнаружены в самых разных языковых системах. Следовательно, эти средства необходимы для «упаковки», «конвоя» основной информации, что свидетельствует об универсальности этой психолингвистической закономерности речевой коммуникации.

Одновременно с этим наблюдается переход от описания пропозициональных смыслов к исследованию смыслов интенциональных, а в итоге – к исследованию двусущностного

единства «язык–речь». В связи с этим возникла необходимость разработки системного подхода к описанию коммуникативных единиц реальной речевой коммуникации.

Как известно, «соединение структурно-семантического подхода с коммуникативно-прагматическим обеспечило выход из линейной системно-структурной плоскости в прагматическое объемное пространство» [3, с. 12]. Это привело к расширению наших знаний о средствах передачи коммуникативно значимых смыслов, к фокусировке внимания на периферийных (с точки зрения системы) явлениях языка–речи, но актуальных в коммуникативной деятельности. В традиционном синтаксисе, тесно связанном с «грамматикой мысли» информационной зоны общения, описаны высказывания, реализующие модели предложения. Считаем, что теоретические вопросы функционирования непредложенческих коммуникативных единиц метаинформационной зоны настоятельно требуют разработки и систематизации.

Обоснование системного подхода к выделению и исследованию коммуникативных единиц дискурса было опубликовано автором в журнале Российской академии наук «Вопросы языкознания» в 2004 г. Затем принципы и

методика их описания развивались и были изложены в монографиях. «Основой для выделения коммуникативной единицы служит ее самостоятельная функция в дискурсе (т.е. реализация информации определенного вида), что позволяет при необходимости разграничивать составные части высказывания, а не объединять их в единое целое (например, при выделении дискурсивов и т.п.)» [4, с. 112].

Обсуждение

Цель статьи – на базе разработанных и апробированных теоретических положений определить типологические структурно-семантические и функциональные признаки вспомогательных единиц общения. Ставим перед собой задачи: 1) на базе дифференциальных признаков дать дефиниции основных и вспомогательных единиц общения; 2) проанализировать проблемные моменты исследования вспомогательных единиц, наметить некоторые перспективы; 3) на основе выявленных типологических признаков дать определения дискурсивов, коммуникативов и диалогических повторов, соответствующие современному уровню научного знания; 4) с учетом данных проведенного количественного анализа определить взаимодействие основных и вспомогательных единиц в устных дискурсах разных сфер общения.

Для типологии единиц дискурса используется тщательно разработанный нами набор параметров: «вид передаваемой информации, выражение диктумно-модусных смыслов, соответствие грамматической и семантической модели предложения, реализация категории предикативности, степень коммуникативной самодостаточности, конкретная функциональная направленность» [5, с. 181].

Итак, в основе функционального разделения единиц лежит реализация ими информации определенного вида. Под фактуальной информацией понимаем всё то, «что пополняет интеллектуальный запас знаний человека или содержит сведения бытового характера, необходимые в момент коммуникации (пропозиционный план)» [4, с. 105]. Вместе с тем речевое взаимодействие предполагает реализацию также коммуникативно-прагматической информации – это стратегии и тактики собеседников, пресуппозиции, организация дискурса, ситуация общения (план интерперсональных отношений и регулирования контакта).

На данном этапе нашего исследования считаем возможным дать дефиниции основных и

вспомогательных единиц через выявленные как структурно-семантические, так и функциональные дифференциальные признаки. **Основными** называем коммуникативные единицы, реализующие фактуальную информацию путем передачи диктумного, номинативного содержания, предикативные, сконструированные на основе грамматических моделей, образующие «костяк» («тело») дискурса за счет коммуникативной полноценности и конститутивности.

Вспомогательными считаем единицы, реализующие коммуникативно-прагматическую информацию через выражение модусных смыслов, характеризующиеся отсутствием/потерей предикативности и факультативностью в дискурсе.

Вспомогательные единицы не входят в «тело» дискурса, однако из-за отсутствия в их семантике понятийного ядра/десемантизации и факультативности они отнюдь не второстепенны для процесса и результата коммуникации. Как известно, именно грамотное использование вспомогательных средств общения обеспечивает успешность речевого взаимодействия. В фокусе нашего внимания – такие вспомогательные единицы, как дискурсивы, коммуникативы и диалогические повторы. Не обращаясь к истории изучения указанных единиц, остановимся на проблемных и дискуссионных моментах их исследования.

Ядром единиц вспомогательного уровня общения можно считать дискурсивы. Они «весомо, зримо» отражают позицию говорящего (к *сожалению, бесспорно, признаться* – регулятивная функция), а также помогают организовать дискурс, ориентировать в нем собеседника (*с одной стороны, так, наконец* – структурирующая функция). Рассматривая коммуникацию как речевую форму управления адресатом, приходим к выводу, что такое управление легче всего осуществляется с помощью дискурсивных средств. Недостаток дискурсивных компонентов или неудачный их выбор мешает собеседнику воспринять смысл текста. Так нарушается ведущий принцип лингвоэкологии – забота об адресате.

Реестр дискурсивов как единиц «межуровневого класса» остается открытым. Данные наших исследований подтверждают, что состав дискурсивных средств расширяется, в частности, за счет предикативно оформленных единиц. Часть дискурсивов в результате процессов грамматикализации и прагматикализации оказываются в разной степени десемантизированными. Так, глагольные формы нередко используются

в качестве контактных стимулов (*Скажи / поедешь ты в этом месяце?*), для заполнения пауз хезитации (*Постой-ка... сейчас постараюсь вспомнить!*), актуализации (иногда неоднократной) фактуальной информации (*Ты знаешь / я тебе говорю / УЗИ бы надо сделать //*) и т.д.

Степень десемантизации знаменательных лексем коррелирует со степенью их «дискурсивизации». Так, финитный глагол скажем в дискурсивном употреблении уже не выражает предикативные признаки, поскольку наблюдается опустошенность его первичной семантики. Функция заполнителя паузы хезитации сочетается с семантикой приблизительности, «условной адекватности»:

Ну можно было бы добавить / скажем... штук 10–15 душистого горошка / ну или гвоздики / что ли //.

Интересной и дискуссионной оказывается проблема прагматического синкретизма. Часть дискурсивов характеризуются полифункциональностью и синкретичностью, когда одновременно служат, например, хезитативом и актуализатором. Так называемые хеджи наряду с функцией «снижения категоричности речи способны выполнять и другие функции: авторизации, перформативную, рефлексивную (*можно признать, трудно не согласиться* и др.)» [6, с. 127]. Дискурсивы, характеризующиеся функциональным синкретизмом, могут служить материалом для исследования диффузности как динамического процесса современной русской речи.

Несмотря на указанные проблемные моменты, дискурсивы должны изучаться «в совокупности лингвистических, социолингвистических, психолингвистических и культурных факторов, обуславливающих их использование и способы интерпретации» [7, с. 59]. Актуальны для современной коммуникативной ситуации интегральные описания дискурсивных единиц как структурных элементов организации высказывания и дискурса (см.: [8, 9] и др.). В зарубежной лингвистике «дискурсивные частицы», «прагматические маркеры» активно исследуются, получая освещение в современных описаниях языка и грамматиках (см.: [10–12]).

На основе разработанного набора параметров можно предложить следующее определение: **дискурсивы** – это коммуникативные единицы транскатегориального типа с ослабленным пропозитивным и ограниченным предикативным значением, реализующие коммуникативно-прагматическую информацию регулятивного и структурирующего характера, выполняющие речеоорганизующие функции.

В качестве вспомогательных единиц мы рассматриваем также коммуникативы. Как известно, коммуникатив может быть «функциональным заместителем» целого предложения: – *Верочка будет поступать в этом году? – Ни-ни-ни!* (= Не хочет/не собирается поступать). Вместе с тем можно ли считать предложение и коммуникатив однопорядковыми единицами? На вопрос о статусе коммуникативов, о соотношении с системой предложений исследователи отвечают неоднозначно. Согласно первой точке зрения эти единицы рассматриваются как особый тип простых предложений, возникающий в результате редуцирования соответствующих полнооформленных «на основе четко определённой схемы, диктуемой строгими законами языка» [13, с. 50]. Нам представляется адекватным второй, противоположный взгляд на коммуникативы как на самостоятельные единицы синтаксиса, поскольку он убедительно аргументируется их «функциональной ограниченностью, непонятностью, неспособностью войти в структуру предложения» [14, с. 94–95].

Терминологическая пестрота в обозначении лаконичных стереотипных реплик (*Ага. Угу. Да-да! Класс! Ни за что! Да ну!* и т.п.) отражает не только разные взгляды ученых, но и диффузный, синкретичный характер самих единиц: их обозначали как «релятивы», «слова-предложения», «метакоммуникативные сигналы слушающего», «фразоиды», «сентенсоиды», «рефлексивы», «коммуникемы». На современном этапе исследования общепризнанным становится термин «коммуникативы», подчеркивающий их речерегулирующую роль. По указанной причине ученые по-разному решают и проблему границ исследуемого явления. При узком понимании коммуникативов описываются только реактивные реплики (см.: [15, 16]). При более широкой трактовке в коммуникативы включаются и другие регуляторы общения (см.: [17, 18]). Наши исследования реальных диалогических дискурсов позволяют расширить понимание границ явления не только за счет «поддакиваний/поднекиваний», актуализаторов, но также и этикетных средств, обращений в контактоустанавливающей функции.

На каком основании мы относим коммуникативы к вспомогательным единицам общения? Представляется, что реализация коммуникативно-прагматической информации, функциональная специфика, ситуативность, функционирование только на речевом уровне позволяют квалифицировать рассматриваемые единицы как вспомогательные по сравнению с инвариантной единицей языка – предложением.

Вместе с тем нельзя не отметить, что поскольку речь без них не обходится, то и язык в них нуждается. Номинативно некоторые из коммуникативов вошли в лексическую систему языка (*Да, Нет, Ни за что* и некоторые др.). Дискуссионным остается вопрос о статусе модально-ответных коммуникативов *Да/Нет* и их вариантов. Считаем, что эти самостоятельные синтаксические единицы выражают отношения предцирования в ответ на модальные (общие) вопросы. Если определять информативную составляющую коммуникатива *Нет* (точнее, на наш взгляд, можно обозначить его как «коммуникатив-местоимение»), то она сводится к отрицанию объективной связи между субъектом и предикатом (темой и ремой) реплики-стимула.

Определим **коммуникативы** как стереотипные речевые единицы непредложенческого и непредикативного типа, представленные неноминативной/десемантизированной лексикой с ситуативно-прагматическим содержанием, выражающие большой диапазон модальных значений в качестве реакции на высказывание/ситуацию.

К коммуникативным средствам, осуществляющим стратегии и тактики слушающего, принадлежит диалогический повтор. Как квалифицировать повтор фрагмента высказывания собеседника: как коммуникатив, как разновидность неполного предложения или как переходное явление? Какова его функция?

1) А. *Ну а отчеты нужно выложить в БАРС / до сегодняшнего вечера // – Б. Хм... в бар?! – А. В БАРС // Система у нас такая / электронная //* (переспрос);

2) А. *Купи мазь / в аптеке нашей // Кеторол // – Б. Кеторол... Хорошо / зайду //* (уяснение, напоминание).

Диалогический повтор стал объектом изучения, только когда внимание лингвистов сосредоточилось на «человеке говорящем». Появилось несколько классификаций структурных типов повторов, где их коммуникативные функции лишь упоминались. Вместе с тем в отечественной науке до сих пор нет адекватного определения самого диалогического повтора, его статуса и места в системе единиц диалогического взаимодействия.

Так, вопрос о статусе диалогических повторов решается учеными по-разному. Одни исследователи включают диалогические повторы в состав коммуникативов, поскольку они тоже «выполняют функцию реакции на слова собеседника» [18, с. 4]. Другие отграничивают повторы от коммуникативов на том основании,

что «даже выступая в роли реагирующих реплик, они не приобретают структурных признаков коммуникативов (нечленимости и непредикативности)» [15, с. 49].

Что позволяет нам квалифицировать это речевое коммуникативное средство как вспомогательную единицу общения? Повторение реплики собеседника можно считать эффективным «вспомогательным коммуникативным шагом» (термин Т. В. Шмелевой), но никак не коммуникативно самодостаточным высказыванием. Действительно, дело в том, что с точки зрения лингвистической прагматики диалогический повтор представляет собой уникальное явление: он полностью обращен в сферу прагматических смыслов.

Современные исследования автора и ее ученицы позволили выйти за пределы структурно-семантического описания диалогического дискурсивного повтора как «конструктивного элемента диалога» и провести системное комплексное исследование этого явления с учетом сферы коммуникации, фактора воздействия на собеседника, психолингвистических и социоллингвистических закономерностей общения (см.: [19, 20, 4]).

В результате наших исследований установлено, что диалогические повторы не образуют единого функционального класса единиц, так как не характеризуются собственными дифференциальными структурно-семантическими признаками. Они не имеют автосемантического статуса в дискурсе, поскольку приобретают коммуникативный смысл за счет интонационного оформления, контекста, ситуации. Основой реагирующей реплики могут стать предикативная единица, ее фрагмент или даже часть слова.

Коммуникативно-прагматический анализ показал, что диалогический повтор обнаруживает функциональную двунаправленность: на организацию структуры диалога и на регуляцию коммуникативных отношений собеседников. Благодаря этому соотносятся и гармонизируются содержательный, модусный и интенциональный планы коммуникантов в диалоге. Такая «терапевтическая роль» диалогического повтора дает нам основание считать его вспомогательной единицей общения, служащей для преодоления коммуникативных барьеров.

В самом общем виде функциональная классификация диалогических повторов может быть представлена четырьмя основными типами: 1) средство осуществления коммуникативной поддержки собеседника; 2) показатель коммуникативных затруднений в общении; 3) средство

речевой самоорганизации; 4) эмоционально-оценочный повтор (см.: [19, 20]). Показательно, что диалогические повторы направлены на реализацию самых разных осознанных и подсознательных коммуникативных стратегий, в том числе и деструктивных.

При рассмотрении диалогических повторов через призму психолингвистических факторов (автоматизма/преодоления автоматизма речевой деятельности) выявлено, что одни из них обусловлены проявлением осознанной регуляции хода коммуникации или деструктивного речевого взаимодействия, другие – неосознанным регулированием речи (коммуникативная поддержка при гармоничном общении, скрепление реплик в качестве «разговорного клея»):

1) А. Да вышел уже сериал с Иваном Янковским / «Слово пацана» // Реклама мощная! Кто только не рекламирует / Курпатов даже... – Б. **Иван Янковский...** – А. Да! В фильме «Текст» / он еще играет // Похоже / восходящая звезда // Я о нем читаю / сейчас расскажу!.. (осознанная ретроспекция – возвращение к теме разговора, от которой уклонился собеседник);

2) А. Мне кажется / туда принимают после каких-нибудь студий / клубов // – Б. **После каких-нибудь студий / клубов...** Да-да // (повтор как рессорная реплика).

Посредством повтора как распространенного речевого феномена осуществляется экономия речемыслительных усилий слушающего. При таком «оперативном реагировании» на слова собеседника не требуется когнитивных операций грамматического моделирования, выбора речевых средств, так как копируется реплика-стимул. Это практически спонтанное использование «чужого» речевого материала с собственным «диалогическим жалом» (термин Н. Д. Арутюновой).

Можно предложить следующее определение: **диалогические повторы** – это синсемантические реплики-реакции слушающего на основе компонентов реплики-стимула говорящего, обеспечивающие за счет смысловозначительной роли интонации и конситуации «обратную связь» в диалоге: структурирование и регулирование хода коммуникации.

Для выявления соотношения единиц в конкретных дискурсах был проведен функциональный и количественный анализ реальной устной коммуникации на материале трех типов дискурса (повседневного общения, медийного и научного). Каждый тип дискурса был исследован на материале объемом 19 000 словоупотреблений, что позволило выявить процентное соотношение в

них основных единиц (информативная направленность) и вспомогательных единиц (регулятивная и структурирующая направленность).

Повседневное общение характеризуется небольшим количеством вспомогательных единиц – 5,4%. Это в основном единицы с регулятивной функцией (коммуникативы и диалогические повторы) – 4,9%. Здесь нет необходимости четкой организации дискурса: из-за наличия у знакомых собеседников общей базы данных нет опасности неоднозначного восприятия, недопонимания.

В медийном дискурсе удельный вес вспомогательных единиц (16,3%) увеличивается по сравнению с разговорно-бытовым: единицы с регулятивной функцией – 11,2%, со структурирующей – 5,1%. Здесь вспомогательные единицы (преимущественно дискурсивы и коммуникативы) позволяют акцентировать субъективно-модальный план, усилить аргументацию, обеспечить структурированность и логичность текста.

В устном научном дискурсе вспомогательные единицы активно используются для сопровождения фактуальной информации (18,3% – преимущественно дискурсивы): из них 9,8% – регулятивная функция, 8,5% – структурирующая. Незначительное превалирование первых обусловлено необходимостью метаязыкового комментария основной информации и регулирования общения с аудиторией.

Следовательно, можно говорить о том, что для каждого типа устного дискурса характерно определенное соотношение информативного, регулятивного и структурирующего «векторов общения» (термин В. Г. Костомарова), которое определяется взаимодействием в нем основных и вспомогательных единиц. Достаточный объем проанализированного материала позволяет сделать вывод о том, что выявленные характеристики имеют не случайный, а системный характер.

Выводы

На основе сформулированных нами дефиниций единиц основного и вспомогательного уровней коммуникации можно заключить, что дискурсивы, коммуникативы и диалогические повторы характеризуются общими структурно-семантическими признаками: отсутствие/ослабление пропозитивного содержания, дискурсивная модальность, непредложенческий характер, отсутствие/потеря предикативности, факультативность. В функциональном плане их объединяет реализация коммуникативно-прагматической информации, что обуславливает

речерегулирующую «миссию»: для коммуникативов – это регулятивная роль (функции контактоподдерживающая и оценочно-интерпретационная), для дискурсивов и диалогических повторов – как обозначенная регулятивная, так и структурирующая роль (функции организации и корректировки дискурса).

Дискурсивы, коммуникативы и диалогические повторы образуют вспомогательную систему трех типов проанализированных устных дискурсов (разговорно-бытового, медийного и научного). Подводя итоги анализа представленности в них основных и вспомогательных единиц, приходим к выводу, что соотношение указанных единиц можно рассматривать как своеобразную функционально-прагматическую характеристику каждого типа дискурса.

На основе анализа современного состояния изучения вспомогательных единиц можно обозначить и некоторые перспективы. Продуктивность дальнейших исследований зависит от решения вопросов методологии их исследования. Все актуальнее становятся методы корпусной лингвистики, дающие возможность более полного описания вспомогательных единиц с учетом постоянного пополнения новыми элементами.

Практическое значение исследований связываем с систематизацией речевых интенций, передаваемых посредством вспомогательных единиц. Важность такого аспекта обоснована работами по созданию словарей нового типа (интенционально-коммуникативных), в частности, работами Н. Ш. Галлямовой и соавторов по созданию словаря «Речь. Речевое общение» – активного прагматического словаря русской речи [21, с. 184]. В современной грамматике и словарях пока нет соответствующего описания коммуникативов. Вслед за И. А. Шароновым, считаем, что для адекватного изучения коммуникативов арсенал приемов, выработанный в рамках дискурсивного анализа, оказывается малоприспособленным. Ученый ставит задачу составления активного словаря русских коммуникативов, где акцент при описании будет сделан на выявление условий употребления таких единиц (см.: [16]).

В эпоху «компьютерно-цифровой цивилизации», как дамоклов меч, висит над нами риск недопонимания. Можно утверждать, что эффективность общения обеспечивается сбалансированным взаимодействием единиц основного и вспомогательного уровней коммуникации. Описание единиц вспомогательной системы как средств повышения эффективности общения нужно считать актуальной теоретико-

методологической проблемой лингвоэкологии. Реализация коммуникантами ресурсов вспомогательных единиц способствует преодолению рискогенности и повседневного, и профессионального общения.

В практическом плане наблюдения за употреблением вспомогательных единиц актуальны также для коммуникации в Интернете, для экспертно-криминалистической работы. Здесь внимание к вспомогательным метатекстовым подсказкам помогает «проявлять» в виртуальном образе коммуниканта реальную языковую личность. Результаты изучения вспомогательных единиц должны использоваться для повышения эффективности переводов на иностранные языки.

Научно обоснованное использование вспомогательных единиц общения является одним из факторов эффективности/неэффективности диалога «человек – машина». Здесь важно учитывать закономерности формирования и языкового выражения компонентов, реализующих информацию определенного вида и разного «семантического веса». При общении человека с интеллектуальными системами целесообразно представить все единицы дискурса «в виде шкалы: основные – вспомогательные – «информационный мусор», что позволит избежать избыточности текста за счет устранения единиц, получивших в ходе анализа малый информационный вес» [22, с. 38].

Представляется, что в учебной литературе для школьников и студентов при знакомстве со вспомогательными единицами общения целесообразно продвигаться от текстоориентированного подхода в сторону функционально-прагматического (функционально-речевого). Более полное раскрытие функционального потенциала вспомогательных единиц, их прагматической эффективности может положительно сказываться на формировании активной языковой личности.

Список литературы

1. Clark H. Pragmatics of language performance // Handbook of Pragmatics / ed. by L. R. Horn, G. Ward. Oxford : Blackwell, 2004. P. 365–382. <https://doi.org/10.1002/9780470756959.ch16>
2. Андреева С. В. Типология конструктивно-синтаксических единиц в русской речи // Вопросы языкознания. 2004. № 5. С. 32–45.
3. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М. : Икар, 2007. 480 с.
4. Андреева С. В. Речевые единицы устной русской речи: Система, зоны употребления, функции. М. : КомКнига, 2018. 192 с.

5. Андреева С. В. Новый подход к типологии единиц русской речи (парадигматико-синтагматический аспект) // *Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры*. Пловдив : Изд-во ун-та «Паисий Хилендарски», 2007. С. 178–188.
6. Викторова Е. Ю. Прагматический синкретизм в функционировании хеджей (на материале русскоязычного научного дискурса) // *Дискурс*. 2023. Т. 9, № 4. С. 127–138. <http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-127-138>
7. Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса. Саратов : ИЦ «Наука», 2015. 404 с.
8. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М. : Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
9. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М. : Азбуковник, 2003. 207 с.
10. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow : Pearson Education Limited, 2000. 1204 p.
11. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. Harlow : Pearson Education Limited, 2003. 853 p.
12. *Pragmatic Markers in Irish English* / ed. by C. P. Amador-Moreno, K. McCafferty, E. Vaughan. Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins Publ. Co., 2015. 449 p.
13. Меликян В. Ю. Проблема статуса и функционирования коммуникем: язык и речь. Ростов-на-Дону : Ростовское кн. изд-во, 1999. 200 с.
14. Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка. М. : Высшая школа, 1980. 143 с.
15. Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград : Изд-во Волгоградского ун-та, 2001. 260 с.
16. Шаронов И. А. Проблемы описания коммуникативов, состоящих из служебных слов // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 7–12. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2012-12-3-7-12>, EDN: РМУКРХ
17. Прибыток И. И. Английские сентенсоиды: Структура. Семантика. Прагматика. Сферы функционирования / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1992. 178 с.
18. Викторова Е. Ю. Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 195 с.
19. Андреева С. В. Дискурсивный повтор как фактор интерактивного взаимодействия собеседников // *Wschód-Zachód. Dialog języków i kultur w kontekście globalizacji* / pod redakcją Z. Nowożenowej i G. Lisowskiej. Słupsk : Pomorska Akademia Pedagogiczna w Słupsku, 2004. С. 185–189..
20. Плотникова А. В. Диалогический повтор как средство организации речевого взаимодействия : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 21 с.
21. Галлямова Н. Ш. Речевая интенция как объект лексикографического описания // *Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы* / сост. М. Л. Ремнева [и др.]. М. : Изд-во Московского ун-та, 2004. С. 184–185.
22. Андреева С. В. Вспомогательные единицы речи в лингвистической теории и «интеллектуальных» системах // *Пятый междисциплинарный семинар «Анализ разговорной русской речи» (АРЗ-2011)* / сост. А. Л. Ронжин. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та аэрокосмического приборостроения РАН, 2011. С. 33–41. EDN: STVAID

Поступила в редакцию 11.02.2024; одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 11.02.2024; approved after reviewing 04.03.2024; accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 250–256

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 250–256

<https://bonjour.sgu.ru>

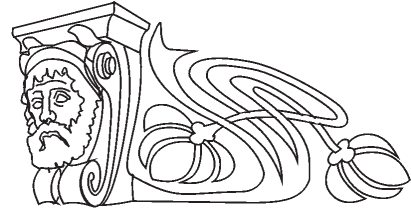
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-250-256>, EDN: WOYXHN

Научная статья

УДК 811.111'23'27'42:070

Специфика интерпретационных фокусов в медиадискурсе: когнитивный подход

Л. А. Фурс

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия, 392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Фурс Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, liudmila.furs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0353-748X>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации интерпретационных фокусов в описании политического события новостными изданиями разной идеологической направленности в русле когнитивного подхода. Данный подход позволяет выявить факторы и когнитивные механизмы, направленные на обработку информации и ее интерпретацию с учетом намерений автора новостного издания. Целью исследования является определение специфики интерпретационных фокусов в медиадискурсе. Установлено, что в этих процессах значимость имеет фактор «свой – чужой» и ряд когнитивных механизмов, на основе которых реализуются интерпретационные фокусы автора. Выделены следующие когнитивные механизмы: фреймовой рекуррентности, градуирования, повтора, противопоставления, перспективизации, концептуальной метафоры, концептуальной метонимии, концептуального сравнения. В качестве специфики реализации интерпретационного фокуса в медиадискурсе определено, что автором либерального издания активизируются все выделенные когнитивные механизмы, а наибольшая частотность употребления характерна для механизмов градуирования и концептуальной метафоры. В целом, для него свойственна большая интенсивность негативной тональности, которая реализуется всеми выявленными когнитивными механизмами. Автором консервативного издания не активизируется механизм концептуального сравнения. Установлено также, что механизмы градуирования, повтора, перспективизации, концептуальной метонимии востребованы для реализации разных интерпретационных фокусов. Наряду с этим выявлены и случаи совместной реализации некоторых когнитивных механизмов. Эти факты указывают на динамику интерпретационной деятельности автора в медиадискурсе. Перспектива исследования заключается в возможности использования полученных результатов как когнитивной основы формирования интерпретационного фокуса в медиадискурсе на анализе и других политических событий, а также на материале других языков.

Ключевые слова: интерпретационный фокус, когнитивный подход, фактор «свой – чужой», когнитивный механизм, медиадискурс

Для цитирования: Фурс Л. А. Специфика интерпретационных фокусов в медиадискурсе: когнитивный подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 250–256. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-250-256>, EDN: WOYXHN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Specific features of interpretation focuses in media discourse: Cognitive approach

L. A. Furs

Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392036, Russia

Liudmila A. Furs, liudmila.furs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0353-748X>

Abstract. The article examines the specific features of how the interpretation focuses are implemented in the description of a political event by news publications of different ideological bents from the perspective of the cognitive approach. This approach allows to identify factors and cognitive mechanisms aimed at processing information and its interpretation, taking into account the intentions of the author of the news publication. The purpose of the study is to determine the specific features of interpretation focuses in media discourse. The research has established the significance of the factor “friend or foe” and a number of cognitive mechanisms on the basis of which the author’s interpretation focuses are realized. The following cognitive mechanisms are identified: the mechanism of frame recurrence, gradation, repetition, opposition, perspectivization, conceptual metaphor, conceptual metonymy, conceptual metaphonymy, conceptual comparison. As a specific feature of the implementation of the author’s interpretation focus, it is determined that the author of the liberal publication activates all the identified cognitive mechanisms, and the highest frequency of use is characteristic of the mechanisms of gradation and conceptual metaphor. In general, this author is characterized by a high intensity of negative tonality, which is realized by all identified cognitive mechanisms. The author of a conservative publication does not activate the mechanism of conceptual comparison. It has also been established that the mechanisms of gradation, repetition, perspectivization, and conceptual metonymy are in demand for the implementation of various interpretation focuses. Along with this, cases of joint implementation

of some cognitive mechanisms have also been identified. These facts indicate the dynamics of the author's interpretive activity in media discourse. The prospect of the study lies in the possibility of using the obtained results as a cognitive basis for the formation of interpretation focuses in media discourse on the analysis of other political events, as well as on the material of other languages.

Keywords: interpretation focus, cognitive approach, "friend – foe" factor, cognitive mechanism, media discourse

For citation: Furs L. A. Specific features of interpretation focuses in media discourse: Cognitive approach. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 250–256 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-250-256>, EDN: WOYXHN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Одной из важнейших функций языка является интерпретирующая функция, которая, по мнению Н. Н. Болдырева, «опосредует ключевые познавательные процессы» [1, с. 22]. Характерно, что наметившийся в когнитивной лингвистике подход к изучению языковых явлений предполагает анализ не только «ментальных репрезентаций, которые возникают по ходу обработки и/или извлекаются из долговременной памяти, но также и процедур или операций, которые при этом используются» [2, с. 64; 3–5]. Существенным является то, что интерпретация как «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий» [6, с. 10] включает осмысление двух типов знания – декларативного и процедурного (подробнее см.: [7]). В этой связи важным является определение специфики интерпретационных фокусов в медиадискурсе с позиций когнитивного подхода, что и представляет цель данного исследования.

Значимой характеристикой медиадискурса является его ориентированность на фактор «свой – чужой», который реализуется на основе ряда когнитивных механизмов (см.: [8, 9]) и проявляется в медиадискурсе в виде доминирования интерпретационного фокуса в соответствии с идеологической направленностью информационного издания и во взаимосвязи с ожиданиями своей аудитории. С целью разъяснения этой специфики обратимся к анализу результатов интерпретации такого важного для Европейского союза события, как голосование премьер-министра Венгрии В. Орбана по оказанию финансовой помощи Украине двумя американскими новостными изданиями – либеральным (ABC News, February 3, 2024), журналист Дж. Спайк (J. Spike) [10], и консервативным (Breitbart News, February 1, 2024), журналист О. Лейн (O. Lane) [11]). Как свидетельствует фактический материал, в первом случае анализируемое событие сопровождается критикой венгерского премьер-министра, чуждого либеральной идеологии Евросоюза, во втором случае критика направлена на евробюрократию, и одновременно

реализуется позитивная оценка В. Орбана как руководителя, приверженного отстаиванию национальных интересов своей страны.

Методология исследования

Основными инструментами данного исследования выступают методы когнитивного моделирования и дискурсивного анализа. Метод когнитивного моделирования позволяет раскрыть специфику конструируемого знания и разъяснить интерпретационные фокусы авторов того или иного печатного издания, а также на основе этого метода моделируется когнитивная основа интерпретационных фокусов в медиадискурсе. В результате дискурсивного анализа раскрываются формируемые авторами в тексте статьи ассоциации, соотносимые с определенным оценочным знанием, осмысляемым либо как одобрение действий субъекта, либо как критика.

Реализация интерпретационных фокусов в медиадискурсе

Анализ интерпретационных фокусов авторов репортажей осуществляется за счет описания активизируемых когнитивных механизмов.

1. Механизм фреймовой рекуррентности

Фрейм представляет собой когнитивную модель, построенную в виде уровневой иерархии с различными компонентами стандартной ситуации. Образно фрейм осмысляется как «пакет» информации, хранящийся в памяти и активизируемый в комплексе всех компонентов. За счет механизма фреймовой рекуррентности осуществляется активизация всех взаимосвязанных компонентов типичной ситуации, и на их основе формируются различные ассоциации. Например:

*Unanimity is becoming a tool for **blackmail and extortion*** (J. Spike).

В этом случае активизируется фрейм ПРЕСТУПЛЕНИЕ за счет указания на конкретные виды правонарушений, такие как шантаж и вымогательство. Премьер-министр Венгрии критикуется за попытки получить бонусы для своей страны в случае согласованного с другими

членами Евросоюза голосования. Автор статьи за счет активизации механизма фреймовой рекуррентности формирует ассоциацию о преступности такого поведения.

Подобный механизм задействован и другим автором. В отличие от новостного издания либеральной направленности здесь объектом критики выступает уже Евросоюз:

The Union, meanwhile, has been accused of blackmailing Hungary (O. Lane);

Viktor Orban was pushed into dropping his demand that funding be subject to annual confirmation votes, allegedly on pain of severe punishment by the bloc if he didn't step aside (O. Lane).

Если в первом примере фрейм ПРЕСТУПЛЕНИЕ представлен номинацией конкретного правонарушения, то во втором случае активизируется другой компонент фрейма – наказание за преступление. Негативный фокус оценки действий Евросоюза подчеркивается ситуативным контекстом (*was pushed, pain, severe*). Примечательно, что активизируемый фрейм и характер оценки являются тождественными, но интерпретационный фокус направлен на разные объекты.

2. Механизм градуирования

Данный механизм репрезентируется градуаторами и направлен на увеличение воздействующего потенциала высказывания. Специфика реализации интерпретационных фокусов на основе этого механизма заключается в формировании противоположных оценок в зависимости от выбора объекта оценки. Для либеральной аудитории В. Орбан является объектом для критики, а Евросоюз – объектом похвалы:

Orbán is seeking to “weaken” EU institutions (J. Spike);

I can't understand, I can't accept this very strange and very egoistic game of Viktor Orbán (J. Spike);

“We have Orbán fatigue now in Brussels,” Polish Prime Minister Donald Tusk told reporters ahead of an EU summit (J. Spike).

По мнению автора статьи, все усилия премьер-министра Венгрии направлены на ослабление Евросоюза (первый пример), а его действия называются странными и эгоистичными (второй пример). В последнем примере лексема *fatigue* (extreme tiredness [12]) репрезентирует высшую степень усталости от таких действий. В этих примерах градуатор представлен как отдельным структурным элементом в предложении (второй пример), так и семантикой лексемы.

Однако для руководителей в Брюсселе характерны большой энтузиазм и желание работать, о чем автор статьи высказывается одобительно:

Orbán campaigns against the EU at home, portraying himself as a “freedom fighter” against an overzealous Brussels bureaucracy (J. Spike).

Градуатор представлен семантикой лексемы *overzealous* (too enthusiastic and eager [12]).

В свою очередь, автор консервативного издания задействует механизм градуирования для обоснования действий В. Орбана, признающего сумму оказания финансовой помощи Украине чрезвычайно высокой:

Making a decision today would commit Europe over four years and involves an enormous sum! (O. Lane).

Градуатор здесь также представлен семантикой лексемы (*enormous – extremely large* [12]).

3. Механизм повтора

За счет механизма повтора удается акцентировать фокусы «своего» и «чужого», а также усилить идеологическую направленность издания. Так, Дж. Спайк неоднократно использует синонимичные выражения для критики антиевропейской позиции В. Орбана: *anti-EU movement, the anti-European camp, euroskeptic parties, his antagonism towards the European institutional system*. В свою очередь, журналист О. Лейн ставит акцент на консервативной политике премьер-министра Венгрии: *the far right is on the rise, a right-wing resurgence*. Одобрение этих взглядов автором статьи подчеркивается в контексте (*on the rise, resurgence*).

4. Механизм противопоставления

Этот механизм является также значимым для обоих журналистов, однако интерпретационные фокусы расставляются ими по-разному:

He has endorsed Donald Trump in each of his runs for the U.S. presidency, and is hoping for a Trump victory over President Joe Biden in elections in November (J. Spike).

Для Дж. Спайка важно указать на лидеров двух направлений на политической арене США – Д. Трампа как представителя консервативных взглядов и Дж. Байдена, действующего президента и сторонника либеральных взглядов. За счет противопоставления автору удается подчеркнуть политические приоритеты В. Орбана.

О. Лейн сфокусирован на противоречиях между Венгрией и Евросоюзом в вопросе финансовой поддержки Украины:

Hungary standing aside for the cash package is the second such climbdown over Ukraine (O. Lane).

В этом случае ситуативный контекст подчеркивает контраст в позициях двух стран (*standing aside*).

5. Механизм перспективизации

Данный механизм сфокусирован на представлении точки зрения на обсуждаемую ситуацию. Для Дж. Спайка важной является точка зрения представителя аналитического центра в Венгрии, указавшего, что причина неговорчивости В. Орбана не только финансовая:

Péter Krekó, director of the Budapest-based think tank Political Capital, said that while securing the funds is important to Orbán to shore up Hungary's ailing economy, Europe's longest-serving leader is motivated by more than just cash (J. Spike).

В фокусе внимания О. Лейна находится мнение самого премьер-министра:

"As if the opinion of the people had no importance and whatever the result of the European elections in June" Orbán said (O. Lane).

Квазипридаточная конструкция с союзом *as if* подчеркивает протест В. Орбана и его раздражение в ситуации, когда игнорируются национальные интересы населения.

6. Механизм концептуальной метафоры

Этот механизм позволяет сформировать оценочное суждение на основе создания аналогии по сходству. Часто этот механизм активизируется Дж. Спайком для формирования негативного интерпретационного фокуса в отношении В. Орбана:

But with his veto power, the nationalist leader will have plenty of further opportunities to sow discord within the EU <...> and he's prepared to "slam the brakes" on Ukraine's path toward joining the bloc (J. Spike).

Критика В. Орбана со стороны Дж. Спайка достигается за счет двух структурных метафор. В первом случае знание о том, как высаживают семена и получают плоды, проецируется на область межсубъектных отношений. В результате создается имплицуемое знание – «посеять раздор в Евросоюзе». Во втором случае областью-источником является знание о том, как используется тормозная система у автомобиля, а областью-целью выступает путь Украины в ЕС. В. Орбан готов «нажать на тормоза» в этом вопросе.

Hungarian Prime Minister Viktor Orbán's role as Europe's perennial spoiler has frequently brought the European Union to a breaking point (J. Spike).

Этот пример также негативно оценивает В. Орбана как разрушителя планов Европы.

Orbán is the sand in the machinery, the splinter under the fingernail (J. Spike).

Концентрация негативного интерпретационного фокуса достигается за счет таких структурных метафор, как: «песок в двигателе», «заноза под ногтем», которые характеризуют действия В. Орбана.

Brussels had been braced for a "showdown" between heads of state at a crunch summit today (O. Lane).

В этом примере областью-источником является знание об игре в карты и таком приеме, как раскрытие карт, которое проецируется на принятие важного, давно назревшего решения, откладываемого из-за разногласий. С учетом выделительного знака препинания – кавычек, лексема *"showdown"* звучит уничижительно как «разборки». Негативный оценочный фокус направлен на брюссельскую бюрократию.

7. Механизм концептуальной метонимии

Этот механизм опирается на формирование отношений «часть – целое». Так, в следующем примере аналогия по смежности представлена отношениями «человек – деятельность»:

That "stick between the spokes" tactic, and <...> again he has blocked crucial decisions to leverage concessions from the bloc, forcing its leaders to scramble to find workarounds (J. Spike).

Дж. Спайк оценивает действия премьер-министра Венгрии как тактику «помещения палок в колеса», которая ставит ЕС в затруднительное положение (*to scramble – to move or climb quickly but with difficulty, often using your hands to help you* [12]).

Indeed, both sides have accused each other of using "strong-arm tactics" (O. Lane).

Активизация данного механизма позволяет О. Лейну образно описать тактические приемы противоборствующих сторон. Метонимический перенос представлен отношениями «человек – тактика сильной руки», что позволяет подчеркнуть сильные позиции и нежелание каждой стороны идти на уступки.

8. Механизм концептуальной метафоры

Этот механизм опирается на взаимодействие метонимической и метафорической моделей и используется для создания образной оценочности:

His government has also dragged its feet on approving Sweden's NATO accession (J. Spike).

Аналогия по смежности представлена в этом примере отношениями «человек – часть тела», а за счет аналогии по сходству правительство В. Орбана сравнивается с человеком, который буквально еле передвигается (*drag one's feet – to*

do something slowly or not start it because you do not want to do it [12]). В результате Дж. Спайку удается выразить критику действий венгерского правительства.

Журналист О. Лейн также обращается к механизму концептуальной метафтонимии:

The Union has been accused of blackmailing Hungary with threats of financial “armageddon” if it doesn’t fall into line (O. Lane).

Метонимический перенос представлен отношениями «страна – ее бюджет», а метафорический перенос реализуется на основе переноса знания о битве между силами добра и зла на область финансового положения страны (*armageddon – a final war between good and evil at the*

end of the world, as described in the Bible [12]). В результате автором критикуется ЕС, угрожающий устроить Венгрии финансовый армагеддон.

9. Механизм концептуального сравнения

Реализация этого механизма сопровождается привлечением эталонного знания, сравнение с которым позволяет автору охарактеризовать свой интерпретационный фокус:

He referred to liberalism as a “virus” (J. Spike).

Сравнение либерализма с вирусом позволяет подчеркнуть негативное отношение В. Орбана к этому политическому направлению.

Полученные результаты обобщены в таблице.

Специфика интерпретационных фокусов в соотношении с когнитивными механизмами

Либеральное издание		Консервативное издание	
Позитивный фокус	Негативный фокус	Позитивный фокус	Негативный фокус
	Механизм фреймовой рекуррентности		Механизм фреймовой рекуррентности
Механизм градуирования	Механизм градуирования		Механизм градуирования
	Механизм повтора	Механизм повтора	
	Механизм противопоставления		Механизм противопоставления
	Механизм перспективизации	Механизм перспективизации	
	Механизм концептуальной метафоры		Механизм концептуальной метафоры
	Механизм концептуальной метонимии	Механизм концептуальной метонимии	
	Механизм концептуальной метафтонимии		Механизм концептуальной метафтонимии
	Механизм концептуального сравнения		

Как продемонстрировано в таблице, фактор «свой – чужой» обеспечивает динамику интерпретационного фокуса автора печатного издания. В проекции на «своего» интерпретационный фокус является позитивным, а по отношению к «чужому» он будет негативным. Анализ статей, посвященных рассмотрению одного и того же политического события, подтвердил обусловленность интерпретационного фокуса в медиадискурсе идеологической доминантой. Дж. Спайк, автор либерального издания, выражает критику действий премьер-министра Венгрии с опорой на активизацию механизмов фреймовой рекуррентности, градуирования, повтора, противопоставления, перспективизации,

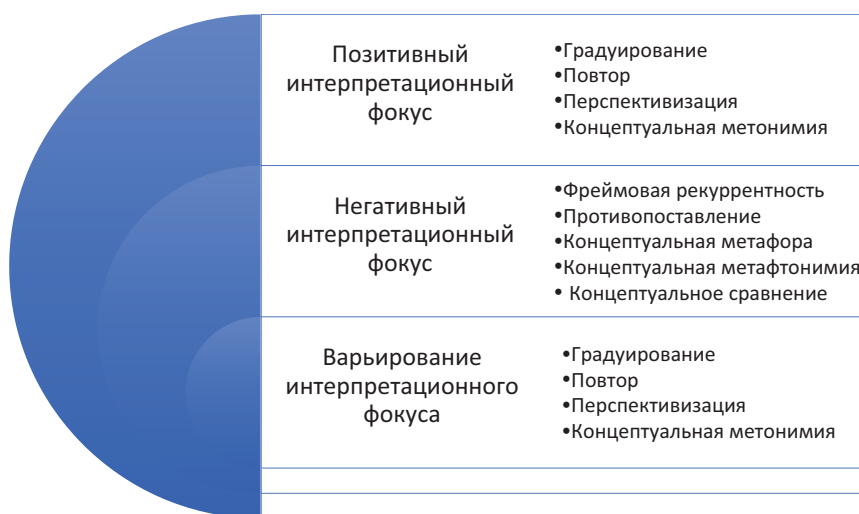
концептуальной метафоры, концептуальной метонимии, концептуальной метафтонимии, концептуального сравнения. Одобрение действий Евросоюза реализуется за счет механизма градуирования. Напротив, О. Лейн, автор консервативного издания, одобрительно высказывается о действиях В. Орбана на основе активизации механизмов повтора, перспективизации и концептуальной метонимии. Выражение критики действий Евросоюза обеспечивается механизмами фреймовой рекуррентности, градуирования, противопоставления, концептуальной метафоры и концептуальной метафтонимии. Специфика реализации интерпретационного фокуса автора заключается в том, что в издании

либеральной направленности активизируются все выделенные когнитивные механизмы, в то время как у автора консервативного издания не востребованным оказался механизм концептуального сравнения. К тому же для Дж. Спайка характерна большая интенсивность негативной тональности, которая реализуется всеми выявленными когнитивными механизмами. Этим автором использован только один механизм – градуирования – для реализации позитивной оценки. О. Лейн, автор консервативного изда-

ния, активизирует три когнитивных механизма (повтора, перспективизации и концептуальной метонимии) для выражения одобрения действий В. Орбана и пять механизмов – фреймовой рекуррентности, градуирования, противопоставления, концептуальной метафоры и концептуальной метафтонимии – для репрезентации критики действий Евросоюза.

Данные положения дают основание смоделировать когнитивную основу интерпретационных фокусов в медиадискурсе (рисунок).

Модель когнитивной основы интерпретационных фокусов в медиадискурсе

На рисунке в первом блоке проиллюстрированы когнитивные механизмы, задействованные для реализации позитивного интерпретационного фокуса, это механизмы градуирования, повтора, перспективизации и концептуальной метонимии. Во втором блоке отмечены механизмы фреймовой рекуррентности, противопоставления, концептуальной метафоры, концептуальной метафтонимии и концептуального сравнения, активизируемые для репрезентации негативного интерпретационного фокуса. В третьем блоке схемы представлены когнитивные механизмы, позволяющие варьировать интерпретационный фокус. К ним относятся механизмы градуирования, повтора, перспективизации, концептуальной метонимии. Наметившийся повтор в блоках 1 и 3 свидетельствует о динамике интерпретационного фокуса, когда автор новостного издания использует одни и те же механизмы для реализации разных интерпретационных фокусов. К тому же встречаются и случаи совместной реализации некоторых когнитивных

механизмов, что в целом позволяет подчеркнуть креативность речемыслительной деятельности автора медиадискурса.

Заключение

Познавательная деятельность человека не является зеркальным отражением мира. Человек всегда «переживает» объекты, а не просто «встречается с ними глазами» (подробнее см.: [13, с. 141]). Показательно, что человек оценивает объекты на основе системы своих ценностей и представлений. Многие процессы познавательной деятельности человека скрыты от прямого наблюдения, однако их осмысление доступно за счет разъяснения когнитивных механизмов, активизируемых в процессах конструирования смысла. Это удается сделать в рамках когнитивного подхода. В этой связи указывается, что когниция представляет собой «разновидности мыслительных операций, обслуживающих и сопровождающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и

языковых выражений для этих знаний» [14, с. 5]. Что касается анализа специфики интерпретационного фокуса познающего субъекта, то важным является и положение о том, что познавательная деятельность человека носит активный, подвижный и управляемый характер (подробнее см.: [15, с. 47–48]). Проведенный анализ подтвердил данные положения. Посредством раскрытия действия того или иного когнитивного механизма была описана специфика интерпретационных фокусов авторов либерального и консервативного новостных изданий, а также показана роль фактора «свой – чужой» в формировании позитивной или негативной оценки одного и того же политического события.

Перспективой исследования является возможность использования разработанной когнитивной основы формирования интерпретационного фокуса в медиадискурсе на анализе других политических событий и на материале других языков.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 1 (48). С. 19–79. EDN: ORJOKC
2. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Изд-во МГУ, 1997. 245 с.
3. Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний : сб. науч.-аналит. обзоров / редкол. : Лузина Л. Г., Стрельцова Г. Д. (ред.-сост.) [и др.]. М. : ИНИОН, 1992. С. 4–38. (Теория и история языкознания).
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
5. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
6. Демьянков В. З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. 1999. № 2. С. 5–13.
7. Фурс Л. А. Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 74–78.
8. Фурс Л. А. Когнитивная доминанта «свой – чужой» в американском президентском дискурсе // Перевод. Язык. Культура : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 28–29 мая 2021 г.). СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. С. 98–101. EDN: MPQRIT
9. Фурс Л. А. Специфика конструирования знания в предвыборном дискурсе: когнитивный подход // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах : материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Курган, 24 марта 2023 г.). Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2023. С. 491–498. EDN: EATPAL
10. Spike J. Viktor Orbán's anti-woke resistance has made him the “splinter under the fingernail” of the EU. February 3, 2024. URL: <https://abcnews.go.com> (дата обращения: 10.02.2024).
11. Lane O. J. EU Signs Off \$54 Billion Ukraine Aid After Hungary's Orban Steps Aside. February 1, 2024. URL: <https://www.breitbart.com> (дата обращения: 10.02.2024).
12. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 10.02.2024).
13. Фоллесдаль Д. Понимание и рациональность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18: Логический анализ естественного языка / сост., вступ. ст., общ. ред. В. В. Петрова. М. : Прогресс, 1986. С. 139–159.
14. Демьянков В. З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5–10.
15. Лурия А. Р. Ощущения и восприятие. М. : Изд-во МГУ, 1975. 319 с.

Поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 06.03.2024; принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 06.03.2024; accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 257–263

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 257–263

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-257-263>, EDN: YKIIEO

Научная статья

УДК 811.161.1'367.625'373.43

Тенденции неологизации глагольной лексики в конце XX – начале XXI вв.

Д. Г. Орлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Орлова Дарья Григорьевна, аспирант кафедры русской филологии и медиаобразования, dasha.g.orlova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-0068>

Аннотация. В статье рассматривается проблема неологизации языка на примере суффиксальных глагольных неологизмов, появившихся в конце XX – начале XXI вв. Процесс неологизации в языке происходит с разной степенью интенсивности в различные языковые периоды. В конце XX – начале XXI вв. язык пополняется большим количеством неологизмов, что обусловлено экстралингвистическими факторами – значительными изменениями, происходившими в обществе. В качестве материала исследования были взяты неологические словари: «Толковый словарь русского языка конца XX в.: языковые изменения», трехтомный словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX в. «Новые слова и значения», словарные материалы «Новое в русской лексике» 2015–2022 гг., «Словарь языка интернета.ru». Процесс образования новых глаголов в рассматриваемый период является довольно активным. Неологическая суффиксальная глагольная лексика представлена словообразовательными неологизмами, которые образованы от русскоязычных основ, от уже освоенных русским языком заимствований, а также от слов, пришедших непосредственно из английского языка. В период рубежа тысячелетий пополнение словаря идет чаще всего за счет глаголов функционально-семантического поля деятельности и поведения. Характерной особенностью в русском языке конца XX – начала XXI вв. является образование суффиксальных глагольных неологизмов от имен собственных: и русскоязычных, и иноязычных. Помимо этого, в статье показано, что суффиксальные новообразования вступают в словопроизводственные отношения, тем самым становясь производящей базой для префиксальных глаголов разных модификаций, а также в отношения омонимии и словообразовательного варьирования.

Ключевые слова: неологизация, суффиксальные глаголы, словообразовательное варьирование, семантические неологизмы

Для цитирования: Орлова Д. Г. Тенденции неологизации глагольной лексики в конце XX – начале XXI вв. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 257–263. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-257-263>, EDN: YKIIEO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Trends in the neologization of verbal vocabulary in the late 20th – early 21st centuries

D. G. Orlova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Daria G. Orlova, dasha.g.orlova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-0068>

Abstract. The article deals with the problem of language neologization on the example of suffixal verbal neologisms that appeared in the late 20th – early 21st centuries. The process of neologization occurs in a language with varying degrees of intensity in different language periods. In the late 20th – early 21st centuries, the language is replenished with a large number of neologisms due to extralinguistic factors – significant changes taking place in society. Dictionaries of neologisms were taken as research material: “Explanatory dictionary of the Russian language in the late 20th century: language changes”, a three-volume dictionary-reference book on press and literature materials of the 1990s of the 20th century “New words and meanings”, dictionary materials “New in the Russian vocabulary” 2015–2022, “Dictionary of the internet language.ru”. The process of forming new verbs in the period under review is quite active. Neological suffixal verbal vocabulary is represented by word-forming neologisms, which are based on the Russian-language stems, on borrowings already assimilated by the Russian language, as well as on words that came directly from the English language. At the turn of the millennium, the vocabulary was most often replenished by verbs of the functional-semantic field of activity and behavior. A characteristic feature of the Russian language in the late 20th – early 21st centuries is the formation of suffixal verbal neologisms from proper names: both

Russian and foreign ones. In addition, the article shows that new suffixal formations enter word-production relations, thereby becoming a productive base for prefixed verbs of various modifications, as well as relations of homonymy and word-formation variation.

Keywords: neologization, suffixal verbs, word-formation variation, semantic neologisms

For citation: Orlova D. G. Trends in the neologization of verbal vocabulary in the late 20th – early 21st centuries. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 257–263 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-257-263>, EDN: YKIIEO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Процесс возникновения новых слов – очевидное свидетельство динамики языка. Неологизмы появляются в языке регулярно, это закономерный процесс, поскольку новые явления требуют новых наименований. Процесс неологизации в языке происходит с разной степенью интенсивности: в отдельные периоды он не отличается большой активностью, в другие – происходит так быстро, что ощущается каждым носителем языка. Например, согласно данным словарей-ежегодников «Новое в русской лексике», в 2019 г. было зафиксировано 337 лексем [1, с. 23], в то время как в 2020 г. в словарь было включено 3588 новых слов [2, с. 15], что, несомненно, определяется экстралингвистическими причинами – пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, которая оказала влияние почти на все сферы жизни общества и, как следствие, породила значительное количество номинаций. Периодом пополнения языка большим количеством неологизмов можно считать конец XX в. (1990-е гг.) – начало XXI в. (2000–2020-е гг.). В конце XX в. в русском языке происходили значительные изменения: под влиянием внешних причин активное вхождение в систему языка новой лексики сопровождалось одновременным уходом в пассив значительного числа советизмов [3, с. 3]. Как отмечают исследователи, «события второй половины 80-х – начала 90-х годов по своему воздействию на общество и язык подобны революции, ослабляется цензура, возрастает личностное начало в речи, расширяется сфера спонтанного общения и др.» [4, с. 12]. Очевидно, что в этот период язык претерпевает значительные изменения под влиянием политических, экономических, социальных, культурологических, психологических факторов.

В поле нашего внимания находится глагольная подсистема языка. Отметим, что глагольная лексика, в отличие от именной, является менее активной с точки зрения неологизации. Имеются исследования, посвященные проблеме глагольной неологизации в исторической динамике, в том числе в период формирования единого национального русского литературного языка [5, 6].

В связи с изучением глагольного словообразования затрагивался вопрос о префиксальных глагольных неологизмах, поскольку префиксация является основным способом внутриглагольного словопроизводства. Отдельные аспекты изучения суффиксальных глагольных новообразований в разные периоды языковой истории также оказывались в поле исследовательского интереса [7, 8]. Цель данной статьи – выявить тенденции процесса неологизации глагольной подсистемы русского языка в конце XX – начале XXI вв. на материале суффиксальных глагольных новообразований. Отметим, что начало XXI в. мы рассматриваем широко: временной промежуток с 2000 г. по настоящее время.

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования были взяты лексикографические источники: «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» под редакцией Г. Н. Складчиковой [3], трехтомный словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX в. «Новые слова и значения» [9–11], составителями которого являются Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко и другие, а также словарные материалы «Новое в русской лексике» 2015–2022 гг. [1, 2, 12–17] и Словарь языка интернета.ru под редакцией М. А. Кронгауза [18]. Обращение к лексикографическим источникам материала позволяет дать системный анализ глагольной лексики. Важной особенностью словарей неологизмов является то, что они представляют собой тип исторических словарей, отражающих изменения словарного состава языка в определенный период языковой истории. Особенность многих словарей новых слов, в первую очередь словарей-ежегодников, состоит в фиксации слов, не вполне освоенных говорящими, часто являющихся фактами речи, а не языка, но именно такие источники позволяют проследить новейшие тенденции языковой динамики.

Нами было отобрано примерно 220 языковых единиц – суффиксальных глагольных новообразований, зафиксированных словарями новых слов. Неологизмы, их дефиниции и иллюстратив-

ный материал, который показывает особенности их употребления, взяты из перечисленных выше лексикографических источников.

Результаты обсуждения

Анализ глагольной лексики, появившейся в конце XX – начале XXI вв., позволил выявить ряд тенденций глагольной семантико-словообразовательной подсистемы русского языка.

Заметная тенденция неологизации суффиксальной глагольной лексики на рубеже тысячелетий – активизация глагольного функционально-семантического поля деятельности и поведения.

Значительная часть неологизмов представлена агентивными глаголами, т. е. глаголами с общей семантикой «деятельности и поведения». Глаголы деятельности и поведения можно разделить на несколько подгрупп. Первая многочисленная подгруппа – глаголы с общим значением «поступка и поведения»: *беспредельничать* '1. Вести себя нагло, превышать свои служебные полномочия, нарушать закон, преследуя корыстные цели. 2. Заниматься бандитизмом, разбоем; зверствовать. 3. Непристойно, вызывающе вести себя', *жлобствовать* 'вести себя подобно жлобу; демонстрировать безвкусицу, пошлость или скупиться', *люмпенствовать* 'вести образ жизни, свойственный для люмпенов', *спонсировать* 'оказывать, оказать финансовую поддержку кому-, чему-л.' и др. В отдельную большую подгруппу можно выделить глаголы с семантикой «профессионально-трудовой деятельности»: *бизнесменствовать* 'заниматься коммерцией, предпринимательством', *генералить* '1. Будучи генералом, командовать войсками. 2. Возглавлять что-л., руководить кем-, чем-л.', *дизайнерствовать* 'работать дизайнером, заниматься дизайнерскими разработками', *жюриить* 'оценивать кого-, что-л. в составе жюри фестиваля, конкурса' и др. Немногочисленны следующие группы глаголов:

1) социальная деятельность (*люмпенизировать* 'превратить (превращать) в люмпенов'; *роскомнадзорнуть* 'запретить доступ к какому-л. источнику информации в интернете' и др.);

2) интеллектуальная деятельность (*ботанить* 'слишком старательно (по мнению лодырей) учиться, зубрить' и др.);

3) созидательная деятельность (*пиарить* 'формировать общественное мнение о ком-, чем-л., создавать имидж (обычно положительный) кого-, чего-л., возбуждать интерес к кому-, чему-л.; заниматься пиар-деятельностью', *сэмплировать* и *семплировать* 'создать

(создавать), воспроизвести (воспроизводить), отредактировать (редактировать) звуковые сэмплы (семплы)' и др.).

Агентивные глаголы образуются как от русских (*пиратить* < *пират*), так и от иноязычных основ (*промоутировать* < от англ. *to promote*) с помощью суффиксов *-и-*, *-нича-*, *-ствова-*, *-прова-*, *-ова-*, *-ну-*.

Другая тенденция процесса неологизации в русском языке конца XX – начала XXI вв. – образование новых глаголов от имен собственных.

Активность образования новых слов на базе имен собственных на рубеже тысячелетий неоднократно отмечалась исследователями [19, 20]. Отметим, что в процессе образования глагольных неологизмов от имен собственных в качестве производящей базы используются как русские, так и иноязычные основы, а словообразовательное значение новых производных можно определить следующим образом: «вести себя как лицо, обозначенное производным словом». Приведем примеры таких новообразований и их употреблений: *ахеджакнуть* 'неол., неодобр. принести извинения за что-либо, что не требует извинений или к чему извиняющийся не имеет никакого отношения. *У тебя прощения, что ли, надо попросить, ахеджакнуть, так сказать?*' (от Лия Ахеджакова – актриса), *ванговать* 'неол., интернет., шутл. или ирон. предсказывать, пророчить. *Вангую: ничем хорошим эта авантюра не закончится*' (от Ванга – слепая прорицательница), *трампнуть* '1. Резко изменить что-л., вызвать значительное потрясение. 2. Об утрате способности правильно мыслить, действовать' (от Дональд Трамп – президент США в 2017–2021 гг.).

Образование подобных глаголов, безусловно, ситуативно и определяется действием экстралингвистических факторов – конкретных ситуаций, связанных с отдельными личностями, чьи имена использованы в качестве производящей основы, их качествами, родом деятельности. Употребление таких неологизмов чаще всего привязано к определенному промежутку времени, поэтому и их речевое функционирование чаще всего кратковременно. Например, глагол *депардировать* 'переехать в Россию, получить российское гражданство' появился благодаря событиям, связанным с французским актером Жераром Депардье, который получил гражданство Российской Федерации в 2013 г. Этот неологизм был популярен в течение непродолжительного времени, однако в дальнейшем утратил свою актуальность и не воспринимается носителями языка без соответствующего пояснения его значения.

Наиболее интенсивным образование суффиксальных глагольных неологизмов (нами зафиксировано 6 новообразований) от имен собственных было в 2022 г., что, несомненно, связано с политическими событиями, оказавшими влияние на весь мир: *байденить* (от Джозеф Робинетт Байден), *макронить* (от Эммануэль Макрон), *меркелить* и *меркельнуть* (от Ангела Доротея Меркель), *пелосить* (от Нэнси Пелоси), *шольцевать* (от Олаф Шольц), что еще раз подтверждает обусловленность образования подобных глаголов экстралингвистическими факторами.

Часть неологизмов, образованных от имен собственных, например *ванговать*, *трампнуть*, *фургалить*, прочно вошли в интернет-среду, о чем свидетельствуют результаты поисковых запросов. Кроме этого, глагол *ванговать* зафиксирован Национальным корпусом русского языка [21]. Особенность этого глагола в том, что он чаще всего употребляется в первом лице единственного числа, реже – в инфинитиве: «*Писал курсач в последнюю ночь. Вангую, что с такими привычками не видать мне диплома*» [18, с. 26].

Анализ суффиксальных неологизмов рубежа тысячелетий показал, что тенденция к образованию новых суффиксальных глаголов, относящихся к функционально-семантическому полю действия, по-прежнему сохраняется в языке.

Глаголы с такой семантикой образуются с помощью суффиксов *-и-* (*бодяжить* ‘жарг. Готовить самодельным способом суррогат спиртного, жидкое наркотическое вещество’), *-ева-* (*ланчевать* ‘разг., шутол. Кормить, угощать кого-л. ланчем’), *-а-* (*фоткать* ‘разг.-сниж. Фотографировать’), *-ова-* (*факсовать* ‘посылать, отправлять какое-л. сообщение’), *-ирова-* / *-изирова-* / *-изова-* (*маркетизировать* ‘переводить плановую, регулируемую экономику на рыночные модели хозяйствования’). Тематически неологизмы с семантикой действия, направленного на определенный объект, можно разделить на несколько групп:

1) экономика (*ваучеризировать* ‘1. Безвозмездно обеспечить кого-л. ваучером, ваучерами для участия в приватизации госсобственности. 2. Приватизировать госпредприятие, отрасль с помощью ваучеров (о госсобственности)’);

2) политика (*суверенизировать* ‘предоставить (предоставлять) суверенитет, политическую независимость народу, государству или регионам’);

3) сфера услуг (*мелировать* ‘осветлять способом мелирования’);

4) компьютерные и информационные технологии (*спамить* ‘разг.-проф. Рассылать спам’);

5) психология (*газлайтить* ‘разг. Осуществлять газлайт’, т. е. заставлять жертву сомневаться в собственных воспоминаниях, обесценивать восприятие) и др.

Наиболее продуктивным суффиксом, участвующим в глагольном словообразовании в конце XX – начале XXI вв., становится суффикс *-и-*, который присоединяется как к русскоязычным основам (*кукловодить* ‘публ. Выполнять роль кукловода’), так и к иноязычным основам (*флексить* ‘жарг. Ритмично двигаться под музыку или бит’ от англ. *flex* «гнуть, сгибать»). При этом глаголы, образованные с помощью данного суффикса, могут быть разной стилистической окраски, например, *пиарить* – «публ.», *рендерить* – «проф.», *хомячить* – «жарг.». Они могут в лексикографической практике фиксироваться и как нейтральные, например, у глагола *кейшбэчить* не зафиксировано стилистических помет. В связи с этим мы можем рассматривать суффикс *-и-* как один из универсальных суффиксов, участвующих в глагольном словопроизводстве.

Продуктивными являются также суффиксы *-ирова-* / *-изирова-* / *-изова-*, которые могут присоединяться и к русскоязычным, и к иноязычным основам, например, *вербализовать* ‘выразить, описать словами что-л.; воплотить в словесную (вербальную) форму (чувство, мысль, состояние и т.п.’ от *вербальный* + суффикс *-изова-*; *вестенизировать* ‘изменять (изменить) кого-, что-л. по образцам западной цивилизации’ от англ. *western* + *-изирова-*; *донировать* ‘проф. Предоставлять свою кровь, яйцеклетки, клетки спинного мозга и другие биоматериалы для пересадки другому человеку, а также разрешать использовать после смерти свои органы в качестве донорских’ от *донор* + *-ирова-*. Преимущественно глаголы, образованные с помощью этих суффиксов, либо являются нейтральными с точки зрения стилистической окраски, либо сопровождаются словарной пометой «проф.», реже – «неодобр.», например, *дебилизировать* ‘неодобр. 1. Сделать (делать) ограниченными, бездуховными (о народе, его представителях). 2. Примитивизировать что-л. интеллектуально’.

Характерной тенденцией большинства динамических языковых процессов, в том числе и процесса глагольной неологизации, является словообразовательное варьирование, т. е. «передача одинаковых или максимально близких словообразовательных значений разными формальными способами» [7, с. 8].

Словообразовательные варианты были предметом исследований Э. П. Кадькаловой [8, 22–24], которая подвергла системному анализу большой пласт словообразовательных вариантов и выстроила шкалу соответствия/несоответствия характеру вариативных отношений в языковых параллелях [8]. Исходя из этой шкалы, мы проанализировали словообразовательные параллели, возникшие в подсистеме суффиксальных глагольных неологизмов новейшего времени.

Большинство современных вариантов – это парные объединения, такие как *капитанить* – *капитанствовать* ‘разг.-проф. Быть капитаном спортивной команды’, *пиратировать* – *пиратить* ‘разг. Незаконно, без лицензии копировать, тиражировать и распространять чужие книги, компьютерные программы, аудио- и видеозаписи и т.п.; заниматься пиратством’ и др. Реже встречаются трехкомпонентные цепочки, например, бомжевать – *бомжировать* – *бомжить* ‘разг. Быть бомжом; вести образ жизни бомжа’ – данные новообразования являются словообразовательными вариантами в 1 значении.

По степени формальной близости / дистанцированности компонентов ряда, как на уровне словообразовательных формантов, так и на уровне исходных основ, неологизмы представлены в основном формально близкими словообразовательными вариантами: *кринжевать* – *кринжить* ‘жарг. Стыдиться чего-л.; чувствовать отвращение, возмущение и т.п. из-за чего-л. (сделанного другим человеком)’, *ремиксовать* – *ремиксовать* – *ремикшировать* ‘создать (создавать) ремикс’.

По направленности и диапазону мотивационных связей компонентов вариативного ряда неологизмы преимущественно являются мономотивированными, например, *факсировать* и *факсовать* ‘посылать, отправлять факсом какое-л. сообщение; факсовать’ от *факс*.

Относительно видовой характеристики вариантных рядов можно сказать, что преимущественно словообразовательные варианты представлены глаголами несовершенного вида (*капитанить* (несов.) – *капитанствовать* (несов.)), представлены также пары с двувидовыми глаголами (*виртуализировать* (сов. и несов.) – *виртуализовать* (сов. и несов.)) и пары, в которых один глагол двувидовой, а второй – одновидовой (*сканировать* (сов. и несов.) – *сканить* (несов.)).

Словообразовательные варианты – это чаще всего либо семантически тождественные друг другу глаголы (*факсировать* ‘посылать, отправлять факсом какое-л. сообщение; факсовать’ – *факсовать* ‘то же, что факсировать’), либо

производные, совпадающие лишь в отдельных значениях (*виртуализировать* ‘1. Смоделировать, моделировать что-л. с помощью компьютерной техники, интернет-технологий. 2. проф. Перевести, переводить в виртуальные формы.’ – *виртуализовать* ‘то же, что виртуализировать (см. 2-е знач.)’).

Появление словообразовательных вариантов обусловлено конкурированием словообразовательных моделей. В большей части словообразовательных рядов один из словообразовательных вариантов представлен глаголом с суффиксом *-и-*, который, как мы уже отмечали, является традиционным глагольным формантом и может присоединяться как к русскоязычным, так и к иноязычным производящим основам: *дэбать* – *дэбить*, *пиратить* – *пиратировать*.

Отметим, что пары типа *твитить* – *твитнуть*, *кликнуть* – *кликать*, *хайпить* – *хайпануть* являются не словообразовательными вариантами, а видовыми парами. В таких парах глаголы совершенного вида чаще всего реализуют семантику однократности действия: *пранковать* (несов.) – *пранкануть* (сов., однокр. к пранковать).

Появление семантических неологизмов – актуальная тенденция неологизации глагольной подсистемы русского языка на рубеже тысячелетий.

Процесс образования семантических неологизмов отличается внутренней динамикой, т. е. новые значения появляются у неологизмов в определенный временной промежуток. Например, по данным словаря [14], глагол *сталкерить* зафиксирован в 2006 г. со значением ‘посещать заброшенные, труднодоступные места, исследуя их’, а уже в 2017 г. этот глагол становится семантическим неологизмом со значением ‘жарг. Следить за кем-л., регулярно просматривая информацию о нем в социальных сетях’. Представляется, что в первом значении данный глагол уже с некоторой долей условности можно относить к неологизмам, в то время как семантический неологизм от него – явление действительно новое. Другой пример – глагол *бодяжить*, согласно данным словаря [9], в 1997 г. имел значение ‘жарг. Готовить самодельным способом суррогат спиртного, жидкое наркотическое вещество’, в настоящее время имеет новое значение ‘жарг. Смешивать что-либо, перемешивать, делать смесь из чего-либо (готовить пищу, микшировать музыкальную композицию и т. п.)’. Подобные примеры свидетельствуют о развитии многозначности у новообразований, а следовательно, о динамике процесса неологизации лексической системы языка.

Семантические неологизмы относятся к разнообразным тематическим группам: экономика (*монетаризировать* ‘проф. Перевести что-л. на денежные расчеты; монетаризовать’), компьютерные и информационные технологии (*архивировать* ‘производить (произвести) архивацию’), социальное взаимодействие (*дружить* ‘шутл.-ирон. Объединяться на почве общей вражды к кому-, чему-л.’), поведения (*звездить* ‘разг. 1. Ирон. Быть звездой (знаменитостью); вести себя подобно звезде. 2. Проявлять свой талант; блистать’), криминальная деятельность (*крестить* ‘жарг. Возвести в какой-л. воровской ранг’) и др.

Следует отметить, что некоторые глагольные неологизмы вступают с другими словами в отношения лексической омонимии. Например, неологизм *форсить* ‘жарг. Навязывать, проталкивать’, образованный от англ. *to force* «оказывать давление, заставлять, принуждать, вынуждать», является омонимом по отношению к глаголу *форсить* ‘разг. Держаться с форсом, важничать, выставляя что-л. напоказ; фасонить’, образованному от существительного *форс* ‘разг. Важность, спесь; хвастливое щегольство’ [25], который, в свою очередь, был мотивирован франц. *force* «сила, вес, значение». То же самое можно сказать и о глаголе *кликать* ‘разг.-проф. Нажать (нажимать) клавиши (кнопки) компьютерной мыши, мышки или ее аналога при фиксированном положении курсора’, образованному от существительного *клик* ‘разг.-проф. Нажатие клавиши (кнопки) компьютерной мыши (мышки) или ее аналога при фиксированном положении курсора на экране монитора для отметки объекта, запуска выполнения каких-л. операций’, которое мотивировалось англ. *click* «щелчок», и его омониме *кликать* ‘1. Нар.-разг. Звать, призывать. 2. Нар.-разг. Называть, именовать. 3. Кричать (о птицах). 4. Кричать, голосить (об истеричных больных, кликушах)’ [25], образованному от существительного *клич* ‘высок. Громкий зов, призыв к чему-л.’. Исследование системных лексических связей, формирующихся в связи с процессом неологизации, представляет несомненный научный интерес.

Заключение

Результаты анализа, проведенного с опорой на данные лексикографических источников, позволили сделать вывод о том, что процесс неологизации глагольной лексической подсистемы в конце XX – начале XXI вв. является

активным. Неологическая суффиксальная глагольная лексика анализируемого периода представлена словообразовательными неологизмами, которые образованы либо от русскоязычных основ (*бардачить* ‘разг.-сниж. Шумно веселиться, вести себя неподобающим образом, устраивая бардак где-л.’ от бардак + суффикс -и-, к//ч), либо от уже освоенных русским языком заимствований (*кэшировать* и *кешировать* ‘проф. Осуществлять операции кэширования (кеширования); использовать кэш (кеш)’ от кэш (кеш) + суффикс -ирова-), либо от слов, взятых непосредственно из английского языка (*юзать* ‘разг.-проф. Использовать компьютер, Интернет, компьютерную программу; пользоваться каким-л. техническим приспособлением, прибором’ от англ. *to use* «использовать, пользоваться, применять, употреблять» + суффикс -а-), а также семантическими неологизмами (*листать* ‘разг. Последовательно переключать телевизионные каналы с помощью дистанционного пульта (обычно в поисках интересной передачи, избегая рекламы)’).

Процесс глагольной неологизации в конце XX – начале XXI вв. связан с появлением суффиксальных глаголов, образованных по традиционным словообразовательным моделям на базе русскоязычных основ, а также глаголов, мотивированных иноязычными основами. Тенденцией данного периода является и образование глаголов от имен собственных. Процесс неологизации сопровождается словообразовательным варьированием, в результате которого образуются вариативные ряды, различающиеся по характеру вариативных связей. В исследуемый период развития языка появляются семантические глагольные неологизмы, в том числе и как новые лексико-семантические варианты многозначных лексем. В ходе анализа отмечается и развитие омонимических отношений, сопровождающее процесс появления новых глагольных слов. Описанные тенденции процесса неологизации глагольной лексики за счет суффиксальных глаголов на рубеже тысячелетий, т. е. в конце XX – XXI вв., свидетельствуют о его активности и о его роли в развитии лексической системы языка.

Список литературы

1. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2019 / сост. Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, Ю. С. Ридецкая ; отв. ред. Ю. С. Ридецкая. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2021. 110 с.

2. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2020 / ред. колл. : А. С. Павлова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Ю. С. Ридецкая. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2021. 486 с.
3. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складаревской. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
4. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М. : Языки русской культуры, 2000. 480 с.
5. Буцева Т. Н., Зеленин А. В. Глаголы как объект описания аспектных неологических словарей // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. В. Рацибурская. М. : Флинта, 2021. С. 125–137.
6. Николина Н. А. Тенденции современного глагольного словопроизводства // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 80–85. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-5-80-85>, EDN: BWLVIA
7. Дмитриева О. И. Динамика глагольной семантико-словообразовательной подсистемы в русском языке XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание 2014. № 1 (20). С. 6–12.
8. Кадькалова Э. П. К изучению законов словообразования: Агентивные глаголы в русском языке. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. 216 с.
9. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 3 т. Т. 1 (А–К) / ред. : Т. Н. Буцева (отв. ред.), Ю. Ф. Денисенко, Е. А. Левашов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. 815 с.
10. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 3 т. Т. 2. (Клиент-банк – Паркетный) / под ред. Т. Н. Буцевой, Е. А. Левашова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 1392 с.
11. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 3 т. Т. 3 (Паркомат – Я) / под ред. Т. Н. Буцевой, Е. А. Левашова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 1360 с.
12. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2015 / отв. ред. С. Д. Левина. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2020. 106 с.
13. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2016 / отв. ред. С. Д. Левина. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2018. 122 с.
14. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2017 / отв. ред. А. Ю. Кожевников. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2019. 138 с.
15. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2018 / отв. ред. Н. В. Козловская. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2020. 104 с.
16. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2021 / отв. ред. Н. В. Козловская, А. С. Павлова. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2022. 318 с.
17. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2022 / сост. Е. С. Громенко, А. Е. Дёмина, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2023. 254 с.
18. Словарь языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. М. : АСТ-Пресс, 2016. 288 с. (Словари для интеллектуальных гурманов) (Словари XXI века).
19. Земская Е. А. Активные процессы современного словообразования // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 90–141.
20. Безрукова А. А. Имена собственные как базовые основы словообразования в 1990-е годы // Динамические аспекты русского словообразования / под ред. О. И. Дмитриевой, О. Ю. Ключковой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2021. С. 80–101.
21. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 27.12.2023).
22. Кадькалова Э. П. К перспективам изучения вариантных единиц языковых систем // Язык и общество в синхронии и диахронии. Труды и материалы Международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения проф. Лидии Ивановны Баранниковой / сост. В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова, С. П. Хижняк. Саратов : Научная книга, 2005. С. 24–33.
23. Кадькалова Э. П. Развитие отношений между словообразовательными моделями одной семантико-словообразовательной категории: принципы и перспективы изучения // Исследования по историческому словообразованию / отв. ред. И. С. Улукханов. М. : Ин-т русского языка РАН, 1994. С. 62–78.
24. Кадькалова Э. П. Выход в теорию словообразования: к вопросу о соотношении понятий словообразовательная производность и словообразовательная мотивированность. Саратов : ООО «Буква», 2015. 341 с.
25. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

Поступила в редакцию 29.01.2024; одобрена после рецензирования 10.03.2024;
принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 29.01.2024; approved after reviewing 10.03.2024;
accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 264–270

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 264–270

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-264-270>, EDN: XPCIPX

Научная статья

УДК [811.111+811.161.1] 373.611

Телескопия как особый способ словообразования в современном английском языке (на материале интернет-источников)

Г. В. Лашкова, А. И. Матяшевская ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лашкова Галина Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, gvlashkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4845-4696>

Матяшевская Ангелина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, angelinacaribe@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4465-2089>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению одного из необычных способов сокращения, получившего в английском языке название «телескопные образования». Как известно, первые телескопные слова были отмечены в произведениях знаменитого английского писателя Льюиса Кэрролла, который и придумал им соответствующее название. Это был целенаправленно созданный автором каламбур. В дальнейшем этот способ усечения оказался довольно продуктивным в английском языке. Изучение данного сложного словообразовательного явления приводит некоторых исследователей к выводу о том, что телескопные слова в настоящее время являются также результатом вызванной случайной оговоркой ассимиляции и наложения двух одинаковых слогов первого и второго компонентов исходного словосочетания в ходе спонтанной устной речи. Ряд лингвистов относят телескопные усечения к словам-слиткам, что не совсем верно, поскольку эти два вида сокращений отличаются по способу своего образования. Телескопия – это двухэтапный процесс, включающий в себя усечение первого и второго компонентов, а далее наложение совпадающих элементов, в результате чего образуется так называемый морфемный шов. Анализ материала показал, что в настоящее время такого рода единицы имеют место не только в художественной литературе, но также в различного рода рекламных слоганах, в устной разговорной речи, например в сленге. Как правило, эти своеобразные лексические единицы являются основой создания игры слов, т.е. каламбура. Следует отметить, что в силу целого ряда причин русский язык заимствует большое количество английских слов и многие из них, проходя определенные уровни ассимиляции, пополняют его словарный состав. Среди английских заимствований, особенно в настоящее время, встречаются и телескопные образования, которые используются для обозначения новых предметов и явлений действительности, например *glamping* – глэмпинг. При этом модель телескопного образования была заимствована русским языком, в результате чего появились и собственно русские телескопные слова, например *банкомат*, *паркомат* и некоторые другие.

Ключевые слова: телескопные образования, морфемный шов и морфологические осколки, языковая креативность, каламбур, английские заимствования, ассимиляция

Для цитирования: Лашкова Г. В., Матяшевская А. И. Телескопия как особый способ словообразования в современном английском языке (на материале интернет-источников) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 264–270. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-264-270>, EDN: XPCIPX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Telescoping as a specific type of word formation in modern English (based on Internet resources)

G. V. Lashkova, A. I. Matyashevskaya ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Galina V. Lashkova, gvlashkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4845-4696>

Angelina I. Matyashevskaya, angelinacaribe@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4465-2089>

Abstract. The article studies an unusual type of shortening known in English linguistics as telescope words. It is well known that Lewis Carroll was the first to introduce this new type of shortening and defined it using the term telescope words. It was one of his purposes to create a pun. Later this type of word formation proved to be highly productive in the English language. Some linguists suggest that this phenomenon is based on an incidental slip of the tongue and blending of one or two sounds of the full prototype's clipped components in free speech. Other linguists believe

that telescope words are simply blends, but it is not exactly so because the two groups are different from the point of view of their formation. Telescoping is a two-stage process which involves clipping of the final part of the first component of a two-word group and the initial component of the second on the second stage. Unlike blending these parts of a new formation are joined by a morphemic seam. The empiric evidence suggests that telescope shortenings are widely used not only in fiction, but also in slang, advertising slogans and mass media. They are usually a part of the intended pun. It is worth mentioning that the Russian language borrows a lot of English words, many of which get assimilated on different levels and then enrich its vocabulary. Nowadays among English borrowings there appear some telescope words, which are used to nominate new objects and phenomena of reality. One of such examples is the widely used telescope word of the English origin – glamping. Telescoping as a special type of lexical shortening (clipping) was borrowed by the Russian language, resulting in the formation of some Russian telescope words, for example, банкомат (ATM), паркомат (parking meter) and some other words.

Keywords: telescope words, morphemic seam and morphemic fragments, linguistic creativity, pun, English borrowings, assimilation

For citation: Lashkova G. V., Matyashevskaya A. I. Telescoping as a specific type of word formation in modern English (based on Internet resources). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 264–270 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-264-270>, EDN: XPCIPX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сокращение, как один из весьма продуктивных способов словообразования, давно изучается и отечественной, и зарубежной лингвистикой (уточним, что в данной работе термины «аббревиация» и «сокращения» используются как абсолютные синонимы). Как известно, данное языковое явление есть результат проявления дихотомии: экономии и избыточности языковых ресурсов, что является его главной экстралингвистической причиной. К собственно лингвистическим факторам, которыми обусловлен данный способ словообразования, относятся следующие: закон аналогии (основополагающий для словообразовательных систем всех языков), а также типичные для английского языка факторы – тенденция к моносиллабизму, фиксированность первичного ударения на корневой морфеме [1, 2], ритмическая организация фразы [3].

Отечественные специалисты по лексикологии английского языка (И. В. Арнольд, О. С. Ахманова, Г. Б. Антрушина, Л. Ф. Амельченко, В. В. Борисов, Р. И. Могилевский, П. М. Карашук, Г. В. Лашкова, Н. А. Лаврова и др.) предлагают большое количество различных классификаций сокращений, при этом все классификации сокращенных лексических единиц основаны на источниках их появления: письменная и устная речь.

Некоторые современные отечественные лингвисты, в том числе Н. А. Лаврова, рассматривают явление контаминации как «следствие потребности выражения нового смысла новой уникальной малопредсказуемой в плане своей морфологии словесной формой» [4, с. 10] в процессе образования сокращенных лексических единиц. Безусловно, это положение важно, поскольку оно представляет определенную функцию в процессе познания окружающей действительности, но рассматривать это явление как единственное и основополагающее в процессе

словообразования вообще и сокращения в частности было бы не совсем корректно: в этом случае учитываются только его экстралингвистические причины. Однако словообразование базируется, главным образом, на некоторых факторах, часть из которых, а именно закон аналогии, является исключительно лингвистическим, характерным для всех языков.

Принимая во внимание особую знаковую природу лексического сокращения (как всякая лексическая единица языка, лексическое сокращение есть знак), кратко рассмотрим те требования, которым должны отвечать означаемое и означаемое такого языкового знака. Означаемое должно представлять собой линейную последовательность *n*-количества согласных и гласных, характер сочетаемости которых должен быть типичным для фонетической системы как английского, так и русского языков, что создает возможность удобного произношения данного лингвистического знака. Важным для закрепления в языке лексического сокращения оказывается принцип эстетичности, который связан с благозвучностью этой единицы, отсутствием у нее нежелательных ассоциаций. Означаемое должно быть достаточно прозрачно, ясно и точно выражено означаемым.

Диахронный подход к изучению данного словообразовательного процесса [5] свидетельствует о том, что первые лексические сокращения (усечения) в английском языке зарегистрированы еще в XV в. (в произведениях Уильяма Шекспира, например в «Гамлете»). В это время и позже в английской поэзии формируется целый ряд лексических сокращений, которые создаются для поддержания в стихотворном произведении определенного размера и ритма стиха (тенденция к ритмической организации).

Как известно, сокращения делятся на две большие группы согласно источникам их

возникновения: графические (появляются в письменной речи) и лексические (возникают в устной речи). Обращение к фактам становления лексических сокращений в английском языке в диахронном плане дает возможность утверждать, что в английском языке лексические усечения появились в устной речи, а затем начали фиксироваться в письменной речи, которая, в свою очередь, становится источником разнообразных типов усечения. Сокращения, появившиеся в письменной речи и заменяющиеся своими полными наименованиями в устной речи, как правило, являются лишь вариантами своих полных наименований. Так, например, в английском языке существует большое количество латинских сокращений, которые в устной форме речи заменяются на свои полные английские эквиваленты, например *e.g.* < *for example*, *i.e.* < *that is*, *c.f.* < *compare* и др. Вторым источником сокращений является устная речь, в которой в результате тенденции к экономии речевых ресурсов появляются различного рода усечения: финальные, инициальные и медиальные. Финальные усечения оказываются наиболее продуктивными в английском языке благодаря тенденции к моносиллабизму: *exam* < *examination*, *doc* < *doctor*, *prof* < *professor* и др. В русском языке этот тип сокращений также является довольно продуктивным, поскольку усекаемая часть слова, как правило, представлена суффиксами и окончаниями, а корневая морфема либо полностью сохраняется, либо частично усекается, но при этом лексическое значение всегда является легко узнаваемым.

В качестве примеров английских частотных инициальных и медиальных усечений можно привести следующие: *phone* < *telephone*, *specs* < *spectacles*, *math* < *mathematics*. Следует отметить и вариант смешанного усечения, когда усекаются начальная и финальная части и сохраняется срединная: *flu* < *influenza*. Названные три типа усечений представляют собой сложное словообразовательное явление из двух этапов [6]: вначале происходит усечение, а затем стяжение усеченных компонентов в одно целое. Так, в случае медиального усечения происходит усечение срединной части, как правило, многосложного слова, а затем стяжение начального и финального компонентов.

При этом многие лингвисты выделяют сокращения, состоящие из начальных букв и возникающие, как правило, в письменной речи, но затем начинающие функционировать и в устной

речи, например, *BBC* < *Би-Би-Си* или *UNESCO* < *ЮНЕСКО*. В начале 70–80-х гг. XX в. некоторые американские и отечественные лингвисты, такие как J. Algeo [7] и Г. В. Лашкова [5], отнесли этот тип сокращений к переходной группе, которая получила название графо-лексической. Тип сокращений, которые произносятся согласно названиям букв в алфавите, был определен как алфабетизмы, а второй тип стал называться акронимами. В дальнейшем многие зарубежные лингвисты стали использовать термин *акроним* вместо термина *сокращения*.

Как уже упоминалось ранее, лексические сокращения образуются в устной речи и представляют собой различного рода усечения, среди которых присутствуют слова-слитки (иногда отечественные лингвисты в этом случае употребляют заимствованный термин *бленд*). При образовании этих единиц наблюдается опущение финальной части одного слова и инициальной части другого слова. На втором этапе происходит их сложение через нулевой интерфикс. К слиткам относится особый тип усечений, искусственно созданный английским писателем Льюисом Кэрроллом в его известной книге «Алиса в стране чудес». Сам писатель назвал эти слова телескопными, поскольку их образование предполагает слияние двух усеченных морфем. Так как в исходных словах существуют одинаковые слоги или буквы, которые накладываются друг на друга, в процессе сокращения образуется так называемый морфемный шов. Льюис Кэрролл сравнил это явление с частями телескопа, которые вдвигаются друг в друга, становясь более компактным единством. Как и в предыдущей группе слов-слитков, процесс является двухступенчатым: на первом этапе происходит усечение финального компонента первой лексической единицы и начального компонента второй лексической единицы. Как уже было упомянуто выше, наблюдается наложение совпадающих слогов или букв, например: *smog* < *smo[ke]* + *[f]og*, *motel* < *mot[orist]* + *[h]otel*, *glamping* < *glam[orous]* + *[c]amping*. В процессе терминообразования компрессия помогает кратко и емко выразить основное содержание термина, благодаря чему получившийся слиток оказывается довольно стабильным и нередко практически вытесняет свою более полную форму: *bit* < *bi[nary]* + *[dig]* *it*, *escalator* < *escalat[ing]* + *[elev]ator*, *genome* < *gen[e]* + *[chromos]ome*, *positron* < *posit[ive]* + *[elec]tron*, *transistor* < *trans[fer]* + *[re]sistor*, *pul-*

sar < *pulsa[ting]* + *[st]ar*, *quasar* < *quas[i]* + *[stell]ar*, *vlog* < *v[ideo]* + *[b]log*. Широко известны и следующие сокращения-слитки: *Bollywood* < *Bo[mbay]* + *[H]ollywood*, *Brexit* < *Br[itain]* + *exit*, *Clintonomics* < *Clinton* + *[ec]onomics*, *Eurasia* < *Eur[ope]* + *Asia*. По мнению лингвистов [8], подобного рода образования заполняют лексическую лакуну, благодаря чему достигается компрессия формы и значения. В результате имеет место своего рода семантическая конденсация, и получившаяся лексическая единица закрепляется в определенной области науки или в медиадискурсе.

Как показывают исследования [9] в области терминологического словообразования и, в частности аббревиации, довольно продуктивным представляются некоторые типы усечений, которые со временем начинают функционировать в качестве словообразовательного элемента, создающего определенную группу терминов с общим элементом значения, важным в данной терминологической системе. Так, например, словообразовательный элемент *cyber-*, представляющий собой связанную основу, образует следующие термины: *Cyberbullying has been deemed a public health problem, with the prevalence of cyberbullying doubling from 2007 to 2019,1 and 59% of teens in the United States reporting that they have been bullied or harassed online* (Verywell Mind); *Still, at home, typing my symptoms into the internet, all rationality goes out of the window. Google is my worst enemy, but it's so addictive. It always suggests the worst-case scenario. <...> I'd spend hours and hours searching for answers, terrifying myself with gory pictures. They call it cyberchondria* (The Guardian); *We all cyberloaf – and the science says that it can make us more productive at work* (BBC); *There is no doubt that the Internet has made a positive impact on people's lives by enabling connectivity and access to a wealth of information. It has also given rise to cyberslacking behaviours in organisations which influence employees' behaviours* (National Institutes of Health). Подобное явление наблюдаем в русском языке: **кибернетик**, **кибератака**, **киберпространство**, **киберсталкинг** и др.

Помимо финальных усечений, были выявлены случаи усечения, когда часть лексической единицы подвергается инициальному усечению и оставшийся элемент начинает функционировать в качестве связанной основы, находящейся в конце новой лексемы. Например, связанную основу *-cation* можно рассматривать в качестве

сложного суффикса, состоящего из трех элементов, два из которых являются продуктивными суффиксами английского языка (*-ati* + *-ion*), к ним добавляется новый элемент *-с*, что позволяет определить эту единицу как морфему: *Daycation in a city near you! Leave your luggage in the room and hit the city to explore* (Hotels by Day); *Forget staycations, now it's greycations: Families take grandparents along to spread holiday costs Millions have already abandoned their foreign holiday in favour of a 'staycation'. However, as families continue to find money short in the fallout from the recession, millions more are rediscovering the 'greycation' to ensure they get a break* (Daily Mail). Другим подобным примером является *-ashion* при описании модных тенденций: *The Future Is Trashion. We make too much and buy too much. But maybe there is a way not to waste too much* (The New York Times).

Важными лингвистическими факторами, определяющими аббревиацию как один из продуктивных способов словообразования в английском языке [10], являются следующие: уже названная тенденция к моносиллабизму, фиксированность первичного ударения на корневой морфеме и ритмическая организация слов в английском языке. Последняя играет важную роль в образовании некоторых телескопных сокращений, например, *multimediocrity* < *multi-medi[a]* + *mediocrity*, *netiquette* < *[Inter]net* + *etiquette*: *Lots of small ideas delivered to lots of small audiences via lots of small tactics and technologies add up to small returns – if any. We politely call this ginormous waste of time, money and effort multimediocrity* (Immortology Advertising); *The golden rule of netiquette boils down to one basic guideline: Do not do or say online what you would not do or say offline* (Verywell Mind).

Данный способ словообразования продолжает оставаться чрезвычайно продуктивным как в английском, так и в других языках [11]. Уже отмечалось, что телескопные усечения создаются как в области различных терминологий, так и в повседневной устной речи (в сленге и др.). Будучи стилистически окрашенными в сленге, многие из этих своеобразных лексических единиц начинают использоваться в различных стилях и жанрах. Например, находим подобные усечения в отзывах на отели (*acknowledgement* < *acknowledgement* + *mention*), текстах песен (*alcoholiday* < *alcohol* + *holiday*), обзорах меню (*croissandwich* < *croissan[t]* + *sandwich*), книгах (*adultescent* < *adult* + *[adol]*

escent и *gastronautical* < *gastro[nomical]* + *nautical*) и массмедиа (*affluenza* < *affluen[t]* + [*in*] *fluenza*). Далее приведем некоторые примеры из вышеупомянутых типов дискурса: *I booked a return ticket to Goa with finnair through you at the end of November to the end of February price was 460 pounds I've done everything that was asked and still not received any confirmation or any **acknowledgement*** (Tripadvisor); *'Cause every weekend it's an **alcoholiday**, I'll drink to that* (Charlie Farley); *Esquires Coffee has been shortlisted for their **Croissantwich** in the Grab & Go category at this year's Irish Cafe Food Quality Awards which will be held in Dublin on 8th September* (Esquires Coffee Ireland); *The literature question whether behaving like an **adultescent** is the result of an escapist desire or whether the divide between children and adults has disintegrated* (Cracking Facebook: The Importance of Understanding Technology-Based Communication); *The section on "Take Out" copycats is a mouthwatering cruise through a **gastronautical** journey of cuisine that should feed your family for weeks* (Copycat recipes cookbook); *Can't buy me love: The fever, aches and pains of "**affluenza**," America's hidden illness* (Almanac News).

Новые телескопные усечения активно функционировали для описания изменений в повседневной жизни из-за пандемии коронавируса, например: *The **Coronacoaster** is back. Thanks to Omicron and yet another WFH order, we're back on the emotional **Covid rollercoaster**. Things were looking up but then of course, we hit yet another speed bump on the coronacoaster with the spread of yet another variant: Omicron* (Glamour); ***Zumping**: the rise of **Zoom breakups*** (The Guardian). Как видим, подобные неологизмы обычно дополнены контекстным пояснением, иначе их точное значение могло бы остаться не до конца понятным массовой аудитории. В отдельных случаях исходное словосочетание, состоящее из трех элементов, подвергается финальному усечению, а на втором этапе происходит слияние сохраненных элементов в единую структуру: ***Skousers – Or Skirts Over Trousers – Are Officially Back*** (Vogue); *The idea of a **Turducken – a chicken stuffed into a duck stuffed into a turkey** – is just so damn appealing. How could three such glorious birds not taste all the more glorious together?* (Serious Eats). Следует отметить, что данный словообразовательный тип довольно продуктивен и в русском словообразовании. Наиболее известные примеры относятся к советскому периоду: *комсомол* < *коммунистический союз молодежи*,

совнархоз < *совет народного хозяйства*; существуют и более новые трехкомпонентные усечения: *роspotребнадзор* < *федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей*; *центризбирком* < *центральная избирательная комиссия*.

Нередко телескопные образования являются результатом гаплогии: в процессе устной речи говорящий меняет очередность некоторых слогов, что приводит к образованию подобной телескопической единицы. Это одна из причин заимствования русским языком [12] лексической единицы *глэмпинг*, которую носители русского языка, не знающие английского, не всегда могут расшифровать, но при этом понимают, что она обозначает: ***Glamping** is where stunning nature meets modern luxury* (Glamping); *В центре лесного массива в селе Ушаково, на территории Уфимского района Башкирии, открылся **глэмпинг**. Этот проект, названный «**Глэмпинг Шелтер**», был предложен предпринимательницей Эмилией Выдриной (Уфимские Нивы); **Владельцы глэмпингов и модульных гостиц в России будут получать субсидии от государства – такой законопроект сейчас разрабатывается для поддержки внутреннего и въездного туризма (РБК); Откройте для себя умиротворяющую силу природы вдали от городской суеты – в **глэмпинге** на берегу Балтийского моря (Новый Калининград); Шатры, юрты, бунгалo, домики на воде и даже на дереве – **глэмпингов** в России за год стало в три раза больше*** (Улпресса). В разных источниках встречается и вариант написания с гласной *e* – *глемпинг*. Подобное сочетание транслитерации и трансфонации представляет собой смешанный тип, являющийся наиболее частотным видом заимствования иноязычных слов в русском языке.

При изучении феномена телескопии исследователи [13] отмечают значимость эмоционально-оценочной характеристики объекта или явления, в этом случае немаловажную роль играет общий контекст. Особый интерес представляет использование этого словообразовательного приема в появлении новых глаголов в английском языке. Как известно, самые частотные английские глаголы представляют собой односложные морфемы, и появление телескопных глаголов является, с одной стороны, новым способом их образования, с другой стороны, происходит осложнение исходной семантической структуры глагола в его первичном значении: *cryell* < *cry* + *yell*, *chooselect*

< *choose* + *select*, *glimpsee* < *glimpse* + *see*, *guesstimate* < *guess* + *estimate*, *incentivate* < *incentiv[e]* + *[mo]tivate*. Приведем следующий отрывок, в котором употребляется телескопный глагол: *Top Guesstimate Questions to Nail Your Next Interview. Although guesstimate questions don't produce pinpoint accurate answers, you can still embrace certain habits and tactics that can improve the quality of your answers* (Simply Learn).

С точки зрения частеречной принадлежности в исследуемом материале преобладают именные и глагольные основы сокращений. Что касается прилагательных, то в нашем материале были отмечены следующие окказионализмы, имеющие яркую стилистическую окрашенность: *ginormous* < *gi[gantic]* + *[e]normous*, *wisensible* < *wise* + *sensible*. Это является свидетельством того, что данный способ словообразования потенциально способен возникать на основе любых знаменательных лексических единиц и продолжит свое развитие в дальнейшем.

Все перечисленные лингвистические новообразования, безусловно, являются неологизмами, и хотя они уже зафиксированы некоторыми словарями, считать их широко употребляемыми пока невозможно, поскольку их функционирование весьма ограничено сферой употребления. В ходе исследования особенностей устной речи лингвисты [4] приходят к выводу, что во многих случаях первичным источником подобных неологизмов оказываются незапланированные оговорки при подборе слова и так называемые неизбежные перебивы в устной речи. Являясь весьма необычными лексическими единицами по форме и значению, они становятся своеобразными ярлыками, которые широко используются маркетологами и журналистами для решения ситуативных коммуникативных задач и привлечения внимания к бренду, например: *Fight climate change with Britain's greenest energy supplier. Switch to Ecotricity's renewable green electricity and gas for your home or business. Joining Ecotricity is one of the biggest things you can do to help fight climate change* (Ecotricity UK); *Marilyn Roy developed the EyeRobics system after successfully correcting her own deteriorating eyesight at age 47* (EyeRobics: How to Improve Your Eyesight).

Благодаря яркой экспрессивной окрашенности многих слов-телескопов, они нередко играют определенную роль в создании каламбура [14], что, безусловно, заинтересовывает потенциальную аудиторию [15, 16]. В собранном нами материале представлены примеры

каламбура, основанного на замене всего лишь одной гласной в корневой морфеме и созвучии остальных составляющих эту единицу элементов: *HOLLYWOOD VS HOLLYWOULDN'T: 12 Tips to Help Actors Navigate the Hollywood Landscape* (Brian Medavoy); *Are You Driving Intoxicated? Whether it's texting, calling, navigating, or something else, using your cellphone while driving can be dangerous. Tips to Help You Prevent Driving Intoxicated* (The American Automobile Association). Особую группу в рамках данного стилистического приема представляют контакминированные образования, состоящие из как полной, так и усеченной морфем: *Some people have re-named the process of globalization and called it McDonaldization or CocaColonization* (Clute Journals); *Rishi Sunak: Failed to even persuade his own wife to pay him tax – though that's not mentioned in the campaign video he just dropped, which goes big on something called "payriotism"* (The Guardian).

Как и все остальные виды лексических сокращений, телескопные усечения появляются в языке и речи прежде всего как стилистические варианты своих полных прототипов, но с течением времени и в зависимости от частотности употребления могут терять коннотации и становиться стилистически нейтральными, функционируя либо параллельно с полным прототипом, либо как полностью самостоятельная лексическая единица. Многие телескопные единицы (например, *смог*, *мотель*, *геном*) давно считаются самостоятельными, их полные варианты уже перестали употребляться.

Итак, как показывает проведенное исследование, телескопные образования, представляющие особую разновидность усечений-слитков, являются одним из своеобразных способов сокращения, который изначально возник как часть стилистического приема каламбур. В дальнейшем он оказался довольно продуктивным в словообразовательной системе английского языка и, как показывают отдельные примеры в русском языке, был вначале заимствован им в середине XX в. с целью создания комического эффекта (*спекульторг* < *спекул[ация]* + *культорг* в журнале «Крокодил»), а затем начал функционировать и в нейтральных контекстах для краткости – *банкомат*, *паркомат* и др.

Таким образом, изучение аббревиации (сокращения) как особого средства пополнения лексического фонда английского, русского и других языков представляется чрезвычайно

важным в современную эпоху, когда темпы развития всех сфер жизни общества постоянно ускоряются, данный способ словообразования становится еще более продуктивным. Одним из факторов, поддерживающих это явление, оказывается повсеместное использование различных интернет-технологий. При этом разного рода сокращения, образованные в основных двух группах, а именно графической и лексической, а также переходной – графо-лексической, являются одинаково продуктивными в разных сферах их употребления. В силу перечисленных причин изучение этого особого словообразовательного способа представляется перспективным и важным, особенно в сопоставительном плане, когда исследуется материал неблизкородственных языков.

Список литературы

1. Arndt-Lappe S., *Plag I*. The role of prosodic structure in the formation of English blends // *English Language and Linguistics*. 2013. Vol. 17, iss. 3. P. 537–563. <https://doi.org/10.1017/S1360674313000154>
2. Kubozono H. Phonological constraints on blending in English as a case for phonology-morphology interface // *Yearbook of Morphology*. 1990. Vol 3. P. 1–20. <https://doi.org/10.1515/9783112420744-001>
3. Mattiello E. *Extra-grammatical Morphology in English: Abbreviations, Blends, Reduplicatives and Related Phenomena*. Berlin ; Boston : De Gruyter Mouton, 2013. 340 p. <https://doi.org/10.1515/9783110295399>
4. Лаврова Н. А. Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 47 с.
5. Лашкова Г. В. Аббревиация как один из способов пополнения терминологического фонда современных языков (на материале терминологии вычислительной техники в английском и русском языках) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1983. 150 с.
6. Дюжилова Е. А. Аббревиация сравнительно со словосложением: структура и семантика (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 50 с.
7. Algeo J. The Acronym and Its Congeners // *The first LACUS FORUM* / ed. by A. Makkai, V. Makkai. Columbia, S.C. : Hornbeam Press, 1974. P. 217–234.
8. Кульчицкая Л. В. Проблема лакунарности в терминосистемах русской и англоязычной традиции переводоведения // *Лакуны в языке и речи* : сб. науч. тр. / под ред. Ю. А. Сорокина, Г. В. Быковой. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. С. 93–102.
9. Ермоленко Ю. П. Номинативные модели формирования новых слов методом стяжения в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. М, 2007. 296 с.
10. Gries S. Th. Isn't that *fantabulous*? How similarity motivates intentional morphological blends in English // *Language, Culture and Mind* / eds. : M. Achard, S. Kemmer. Stanford, CA : Center for the Study of Language and Information (CSLI), 2004. P. 415–428.
11. Ярмашевич М. А. Телескопия как модель осложненного усечения // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2015. № 3 (35). С. 71–84.
12. Лашкова Г. В., Матяшевская А. И. Англицизмы в современном русском языке: к проблеме лингвотолерантности // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 151–157. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-151-157>
13. Сухорукова О. Н. Структурно-семантические и функциональные особенности телескопических единиц в массово-информационном дискурсе (на материале англоязычной прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 20 с.
14. Нухов С. Ж. Языковая игра в словообразовании (на материале лексики английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 370 с.
15. Lehrer A. *Blendalicious* // *Lexical Creativity, Texts and Contexts* / ed. by J. Munat. Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins Publ. Co., 2007. P. 115–136. <https://doi.org/10.1075/sfsl.58.16leh>
16. Renner V. *Lexical Blending as Wordplay* // *Metadiscursive Reflection: Authors, Contexts, Techniques, and Meta-Reflection* / ed. by A. Zirker, E. Winter-Froemel. Berlin ; München ; Boston : De Gruyter, 2015. P. 119–134. <https://doi.org/10.1515/9783110406719-006>

Поступила в редакцию 11.02.2024; одобрена после рецензирования 01.03.2024; принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 11.02.2024; approved after reviewing 01.03.2024; accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 271–278

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 271–278

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-271-278>, EDN: EDUVOU

Научная статья

УДК [811.161.1+811.11+811.13]25+159.923

Лингвистические маркеры экстраверсивности/интроверсивности личности в тексте перевода: к постановке проблемы

В. М. Бурунский

Курский государственный университет, Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33

Бурунский Владимир Маркович, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, vburun@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7233-1197>

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвистических маркеров экстраверсивности/интроверсивности языковой личности переводчика и выявлению их влияния на порождение качественного – гармоничного текста перевода. Материалом для настоящего исследования послужил поэтический текст В. С. Высоцкого «Тот, который не стрелял», созданный в 1970-х гг. В статье представлен анализ переводов данного текста на французский и английский языки, выполненных отечественными и зарубежными переводчиками. В качестве методологии исследования выбрана концепция переводческого пространства Л. В. Кушниной, согласно которой порождение гармоничного перевода происходит в результате синергетического взаимодействия гетерогенных смыслов, предполагающего приращение новых смыслов, естественно воспринимаемых реципиентами принимающей культуры. Этот процесс происходит в сознании переводчика, который принадлежит, согласно прирожденным психологическим характеристикам, либо к интровертному, либо к экстравертному психотипу. Актуальность исследования обусловлена недостаточным вниманием к данному аспекту анализа языковой личности переводчика. В основу исследования положена идея о том, что письменный перевод содержит «следы» психотипа – лингвистические маркеры. Цель статьи состоит в выявлении и интерпретации лингвистических маркеров, характеризующих переводчика-интроверта и переводчика-экстраверта. В результате исследования установлено, что в совокупности с другими характеристиками языковой личности переводчика (национально-культурная принадлежность, гендерная принадлежность, профессиональные компетенции, мастерство, знание исходной и принимающей культур, способность к эмпатии и др.) психотип оказывает определенное влияние как на процесс, так и на результат перевода. Исследование показало общую тенденцию, требующую верификации на материале корпуса текстов.

Ключевые слова: языковая личность переводчика, психотип личности, переводчик-экстраверт, переводчик-интроверт, переводческое пространство, гармония, синергия

Для цитирования: Бурунский В. М. Лингвистические маркеры экстраверсивности/интроверсивности личности в тексте перевода: к постановке проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 271–278. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-271-278>, EDN: EDUVOU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Linguistic markers of extraversion/introversion of a personality in the translation text: Setting a problem

V. M. Burunskiy

Kursk State University, 33 Radishcheva St., Kursk 305000, Russia

Vladimir M. Burunskiy, vburun@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7233-1197>

Abstract. The article studies linguistic markers of extraversion/introversion of the translator's linguistic personality and identifies their influence on the production of a high-quality balanced translation text. The material for this study was the poetic text of V. S. Vysotskiy "The One Who Didn't Shoot", created in the 1970s. The article presents an analysis of the translations of this text into French and English, made by Russian and foreign translators. The concept of translation space by L. V. Kushnina was chosen as the research methodology, according to which the balanced translation is produced as a result of the synergetic interaction of heterogeneous meanings, which involves the increment of new meanings naturally perceived by the recipients of the receiving culture. This process occurs in the mind of the translator, who, according to his innate psychological characteristics, belongs to either an introverted or an extroverted psychological type. The research is relevant since this aspect of the analysis of the translator's linguistic personality is understudied. The study is based on the idea that the written translation contains "traces" of a psychological type – linguistic markers. The purpose of the article is to identify and interpret linguistic markers that characterize an introverted and an extroverted translator. As a result of the study, it has been established that, in combination with other

characteristics of the translator's linguistic personality (national-cultural affiliation, gender, professional competencies, skill, knowledge of the source and host cultures, ability to empathize, etc.), the psychological type has a certain influence on both the process and the result of the translation. The study showed a general trend that requires verification using text corpus material.

Keywords: translator's linguistic personality, personality psychological type, translator-extrovert, translator-introvert, translation space, balance, synergy

For citation: Burunskiy V. M. Linguistic markers of extraversion/introversion of a personality in the translation text: Setting a problem. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 271–278 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-271-278>, EDN: EDUVOU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Историография изучения языковой личности уходит корнями в психологическую теорию личности, разработанную советскими психологами Б. Г. Ананьевым, Л. С. Выготским, С. Л. Рубинштейном, В. С. Мерлиным и др. Позднее языковая личность изучалась в аспекте лингводидактики (Г. И. Богин), лингвистики (трехуровневая модель Ю. Н. Караулова), теории перевода (А. Б. Бушев, Л. А. Нефедова, Л. П. Тарнаева, Т. Г. Пшенкина, Е. В. Чистова и др.).

Современные воззрения на языковую личность переводчика отражены в многочисленных публикациях. Представленная Т. Г. Пшенкиной модель переводческой языковой личности акцентирует внимание на том, что индивид способен осваивать письменный перевод, называя его «специфическим видом речевой деятельности» [1, с. 22]. Как отмечает Л. П. Тарнаева, «языковая личность переводчика может создавать письменные и устные тексты каждого из пяти функциональных стилей» [2, с. 57]. В работе Л. В. Кушниковой и М. С. Силантьевой, посвященной языковой личности переводчика, делается вывод о том, что «переводчик при создании текстов, предназначенных для другого человека, сам получает черты элитарной языковой личности, преобразуя и совершенствуя самого себя, окружающую действительность и людей, которые его окружают» [3, с. 74].

В настоящее время, совершив герменевтический круг, оказавшись в пространстве когнитивного переводоведения, исследование языковой личности переводчика вернулось к психологическим истокам на новом уровне с учетом предшествующих достижений. Появились исследования, посвященные изучению экокognитивной модели перевода, а также работы, направленные на выявление роли переводчиков-экстравертов и переводчиков-интровертов в достижении качественного перевода.

В рамках данного исследования мы намерены рассмотреть языковую личность переводчика сквозь призму интроверсивности/экстраверсив-

ности как его врожденных психологических характеристик, которые, в совокупности с другими характеристиками, как врожденными, так и приобретенными (гендерная принадлежность, национально-культурная принадлежность, эмпатийные способности, профессиональная компетентность и мастерство, эрудиция и интуиция и др.), оказывают определенное влияние на процесс и результат перевода. На наш взгляд, эти исследования откроют новые горизонты современного когнитивного переводоведения.

Прежде чем приступить к анализу, поясним содержание теоретических источников нашего исследования.

Представитель немецкой школы перевода В. Виллс указывает на то, что необходимо учитывать индивидуальные психологические особенности переводчика. Исследователь выявляет взаимосвязь процесса принятия решения переводчика с его характерным типом поведения. В. Виллс выделяет ряд оппозиций, свойственных поведению переводчика: «целеустремленный-колеблющийся («синдром Пилата»), упрямый-скептический, вдумчивый-честолюбивый, находчивый-ограниченный, логичный-непоследовательный» [4, р. 74]. Как отмечает лингвист, переводчик должен избавиться от бессознательного влияния характеристики собственной личности, преобразовать бессознательное в сознательное. В. Виллс отводит важную роль интуиции, однако, по его мнению, интуиция всегда должна следовать за размышлением [4, р. 76].

Немецкий исследователь Г. Эгер обращает внимание на факторы, которые могут помешать достижению функциональной эквивалентности перевода. Среди них: компетенции переводчика, особенности и условия выполнения перевода. Влияние указанных причин ведет за собой неполную коммуникативную эквивалентность перевода или даже ее потерю [5].

К психологическим особенностям переводчика можно отнести также его принадлежность к экстравертам и интровертам.

Еще с древних времен возникла классификация темпераментов, которую связывают

с Гиппократом. Выделяются четыре основных типа темперамента: холерический, сангвинический, меланхолический и флегматический. Исследование экстравертного и интровертного типов личности впервые было предпринято швейцарским психологом К. Юнгом. Как отмечает исследователь, экстравертный тип личности характеризуют такие качества, как интерес к внешнему объекту, отзывчивость и готовность к восприятию внешних событий, желание оказывать влияние и быть под влиянием событий [6, с. 652]. Что касается интроверта, то он пытается постоянно отступить перед другой личностью, старается ее игнорировать, держаться на расстоянии от происходящих явлений и событий, не взаимодействует с ними, выражает очевидную антипатию и негатив, оказавшись в кругу большого количества незнакомых или малознакомых людей [6, с. 654]. Британским исследователем Г. Айзенком также было доказано, что экстраверты обладают высокой социальностью и импульсивностью, у интровертов же эти качества выражены в неявной степени, показатели по этим критериям являются очень низкими [6, с. 688]. Исследователями также выделяется промежуточный тип между экстравертом и интровертом – амбиверт [7]. Согласно теории Г. Айзенка, холерики и сангвиники – это экстраверты, а меланхолики и флегматики – интроверты [7]. С. Л. Рубинштейн отмечает, что все указанные выше типы темперамента могут быть определены корреляцией между импульсивностью и впечатлительностью. Исследователь называет данные критерии основными психологическими характеристиками темперамента. Он отмечает, что холерики обладают сильной импульсивностью и большой впечатлительностью; сангвинический темперамент характеризуется незначительной впечатлительностью и высокой импульсивностью; меланхолический тип обладает сильной впечатлительностью и небольшой импульсивностью; флегматический темперамент имеет малую впечатлительность и слабую импульсивность [8, с. 615].

Г. Айзенк делает вывод, что лишь небольшое количество людей принадлежит только к одному из четырех известных типов [7]. Данный вывод коррелирует с утверждением К. Юнга о том, что контраст между интровертами и экстравертами иногда является неявным, и у части людей данная фундаментальная оппозиция не доминирует в полной степени [6, с. 688].

Существуют классификации, связанные с психологической характеристикой личности в

зависимости от его типа телосложения. В этой связи следует упомянуть эксперимент Ван дер Хорста, который изучал ассоциативные реакции на разные слова. Г. Айзенк отмечает, что, по результатам эксперимента, люди астенического телосложения (3,1%) дают «наиболее бессмысленные и несвязанные ассоциации» [7, с. 63]. Пикники в меньшей степени выражают подобные ассоциации (0,2%). Автор исследования подчеркивает, что подобного рода ассоциации показывают предрасположенность индивида к абстрагированию [7, с. 63]. Данное исследование опирается на типологию Э. Кречмера, который противопоставил четыре вида телосложения человека: лептосоматик, пикник, атлетик, диспластик [9]. А. Г. Асмолов приводит следующие характеристики конституционных типов телосложения. Например, лептосоматики имеют вытянутое лицо, узкие плечи, длинные худые ноги. Крайняя степень лептосомного телосложения обозначается термином *астеник*. Пикники характеризуются следующими параметрами: сильная полнота, живот, круглая голова, маленькая, плотная шея. Мощная мускулатура и широкие плечи характеризуют атлетиков. Диспластиков отличает бесформенное, неправильное строение тела [10, с. 249].

В. П. Казначеев и С. В. Казначеев предлагают называть людей, «реагирующих быстро и сильно на значительные физические нагрузки, но отличающихся слабой переносимостью длительных слабых, монотонных нагрузок... людьми I типа конституции, а других, адекватно реагирующих на сильные и кратковременные нагрузки, – людьми II типа конституции» [11, с. 45]. Авторы приходят к выводу о некоторой соотнесенности типа конституции, типа характера человека и высшей нервной деятельности: например, холерики и сангвиники чаще всего представляют первый тип конституции, а флегматики и меланхолики – второй тип [11, с. 92].

В основу нашего исследования положена идея о том, что письменный перевод содержит «следы» психотипа (интроверта, экстраверта, амбиверта) – лингвистические маркеры. Цель статьи состоит в выявлении и интерпретации лингвистических маркеров, характеризующих переводчика-интроверта и переводчика-экстраверта.

В качестве методологии исследования выбрана синергетическая модель переводческого пространства Л. В. Кушпиной, согласно которой порождение качественного – гармоничного

текста перевода, смыслы которого соразмерны смыслу текста оригинала, становится возможным в результате синергии гетерогенных смыслов [12].

Обращаясь к изучению экстраверсии и интроверсии в профессиональной деятельности переводчика, подчеркнем, что мы разграничиваем понятия *языковая личность переводчика* и *психотип переводчика*.

Языковая личность переводчика – широкое понятие, включающее в себя совокупность психических, этических, социальных, национальных компонентов, преломленных в переводных текстах и дискурсах. Психотип – это врожденное психологическое свойство личности. Иными словами, между этими понятиями возникают родо-видовые отношения. В рамках данной статьи мы намерены акцентировать внимание именно на видовом понятии.

Материал и методы исследования

В качестве материала для анализа мы использовали поэтический текст В. С. Высоцкого «Тот, который не стрелял», созданный в 1970-х гг., а также его переводы на французский и английский языки, выполненные отечественными и зарубежными переводчиками. Стихотворение наполнено большим количеством безэквивалентной лексики, советских реалий. Без наличия экстралингвистических знаний у переводчика передать смысл стихотворения представляется сложным. Л. С. Бархударов отмечает, что у машинного перевода в отличие от человека отсутствуют экстралингвистические знания. Этот фактор и является, с точки зрения исследователя, существенным недостатком машинного перевода [13, с. 37]. По мнению Я. И. Рецкера, экстралингвистический контекст существенно влияет на выбор способа перевода [14, с. 100].

Методология работы строится на нескольких основаниях. Во-первых, мы исходим из положения, доказанного П. В. Симоновым и М. П. Ершовым, о связи между четырьмя типами темперамента, описанных Гиппократом, типами высшей нервной деятельности И. П. Павлова, а также интро- и экстраверсии Айзенка: а) гипоталамус – лобные доли (формирующая сильный, возбудимый тип Павлова и холерика Гиппократа); б) миндалина – гиппокамп (формирующая слабый тип Павлова и меланхолика Гиппократа); в) гипоталамус – гиппокамп (формирующая сильный, уравновешенный, подвижный тип

Павлова и сангвиника Гиппократа); г) миндалина – лобные доли (формирующие сильный, уравновешенный, инертный тип Павлова и флегматика Гиппократа); д) лобные доли – гиппокамп (формирующая экстраверта, слабочувствительного, склонного к торможению типа человека по материалам, приведенным Л. Мартоном и Я. Урбана; е) гипоталамус – миндалина (формирующая интроверта или сильного малочувствительного, неуравновешенного человека по Мартону, Урбана) [11, с. 90].

Во-вторых, мы опираемся на результаты исследований Джона Палмиера, приведенных в работе К. Юнга «Психологические типы», в которой подтверждается гипотеза о том, что склонность продуцировать фантазию наблюдается больше у интровертов, чем у экстравертов [6]. В соответствии с ожиданиями личности интровертного типа получили высокие баллы фантазии, сформулировав больше слов и идей, чем экстраверты [6, с. 688].

В-третьих, в основу анализа положены идеи Л. В. Кушниковой, автора синергетической модели перевода – переводческого пространства, согласно которой в результате синергии смыслов в переводческом пространстве порождается гармоничный текст перевода, смыслы которого соразмерны смыслу текста оригинала и естественно воспринимаются представителями принимающей лингвокультуры [12].

Кроме того, мы опираемся на результаты исследования Л. В. Кушниковой, представленные в главе коллективной монографии «Дискурсивные основания речеведения: научный текст – новое знание – перевод», где понятия *экстраверсивности* и *интроверсивности* впервые рассматриваются в переводческом аспекте [15]. Изучая результаты письменного перевода художественного текста, выполненного в рамках лингвопереводческого эксперимента переводчиками-экстравертами и переводчиками-интровертами, автор выявил некоторые лингвистические параметры, которые являются своего рода маркерами психотипа личности. Речь идет о доминирующих языковых средствах, характерных для того или иного типа личности: «1) доминирование абстрактных языковых и речевых средств в текстах экстраверсивных переводчиков либо доминирование конкретных языковых средств в текстах интроверсивных переводчиков; 2) доминирование скрытых импликаций, характерное для текстов переводчика-интроверта, либо доминирование эксплицитной информации в текстах экстраверта;

3) доминирование креативных языковых единиц в текстах экстраверсивных переводчиков либо доминирование стереотипных языковых единиц в текстах интроверсивных переводчиков; 4) определенность, точность, однозначность высказывания характерны для текстов экстраверсивных переводчиков, в то время как неопределенность, неоднозначность высказывания присущи текстам интроверсивных переводчиков; 5) наличие избыточной информации в текстах экстраверсивных переводчиков либо отсутствие избыточной информации в текстах интроверсивных переводчиков; 6) преимущественное использование информативно значимых слов интроверсивными переводчиками либо широкое использование информативно как значимых, так и “несущественных” слов, включая дополнительные коннекторы и другие связующие слова, для экстравертов; 7) обращенность к читателю со стороны экстравертов, безличность или неопределенно-личностность для интровертов; 8) увеличение объема текста перевода экстраверсивными переводчиками либо уменьшение объема текста (или сохранение исходного объема) интроверсивными переводчиками; 9) преобладание модальности неуверенности, сомнения, размышления в текстах интроверсивных переводчиков и преобладание модальности категоричности, уверенности, неизбежности в текстах экстраверсивных переводчиков; 10) нетривиальные, импульсивные, непредсказуемые, окказиональные переводческие решения в текстах переводчиков-экстравертов либо регулярные, традиционные, предсказуемые, общепринятые переводческие решения, свойственные текстам переводчиков-интровертов» [15, с. 242].

Данные положения послужили теоретической базой проводимого нами эмпирического анализа.

Результаты исследования

В рамках данной статьи мы попытались проанализировать различные варианты переводов фрагментов поэтического текста В. С. Высоцкого с русского языка на французский с позиций доминирования того или иного психотипа языковой личности переводчика. В нашем распоряжении оказались переводы стихотворения «Тот, который не стрелял» на французский язык, выполненные французскими переводчиками братьями Робером и Мишелем Беденами (2003 г.) и Мишель Кан (1977 г.), Леша

(2022 г.) и российским переводчиком Алексеем Тихомировым (2017 г.). Все перечисленные переводы озаглавлены авторами как «Celui qui n'a pas tiré». Мы также обратили внимание на переводы стихотворения на английский язык, которые звучат как «The one who didn't shoot». Это переводы Алека Вагапова (1998 г.), Алексея Тихомирова (2012 г.), Кирилла Толмачева (2022 г.), Петера Струвела.

Отметим, что Мишель Кан – знаменитая французская переводчица, хорошо знакомая и работавшая вместе с В. С. Высоцким. Мишель Беден – известный французский журналист, переводивший Высоцкого вместе со своим братом Робером. Братья Бедены являются тонкими знатоками российской культуры. Благодаря своему опыту, профессионализму, знанию русской и советской культуры французским переводчикам удается гармонично и адекватно перевести строки поэта.

Строка из данного стихотворения «Однажды “языка” я добыл, да не донёс» [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?460>] интерпретируется переводчиками по-разному из-за непривычного значения лексемы *язык*. Так, термин *язык* употребляется в речи работников силовых структур, например в армии, разведке, контрразведке и имеет значение «наименование представителя вражеских сил, захваченного с целью его последующего допроса и, возможно, перевербовки» [17]. Именно в таком значении использует это слово В. С. Высоцкий. Французские переводчики М. Кан, братья М. и Р. Бедены, а также российский переводчик А. Тихомиров успешно нашли адекватный эквивалент *prisonnier (allemand)*: «Un Allemand finit de me fusiller» [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?460>].

В то же время в переводе французского переводчика Леша употреблен фразеологизм *la langue bien pendue* («хорошо подвешенный язык»), не имеющий отношения к жаргонному значению лексемы *язык* [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?14>]. В английских переводах наблюдается аналогичная ситуация. В большинстве интерпретаций русскоязычных переводчиков термин *язык* гармонично переводится с помощью существительных *prisoner, captive*: «My prisoner was captured behind front line one day» [16, <https://wysotsky.com/1033.htm?1584>]. В то же время в переводе П. Струвела употребляется слово *tongue* («язык»): «One day I added a tongue, but didn't report it» [16, <https://wysotsky.com/1033.htm?1794>].

Главный герой произведения В. С. Высоцкого «Тот, который не стрелял» использует большое

количество разговорной лексики («Я вам мозги не пудрю – / Уже не тот завод»). И если фразеологизм *пудрить мозги* удачно компенсируется французскими фразеологизмами *vendre des salades, raconter des salades, raconter des histoires*, то лексему *завод*, обозначающую в данном случае *запал*, удастся точно перевести только М. Кан: «Je n'en ai même plus la force» [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?95>]. При этом *force* не рифмуется со словом из следующей строки.

Братья Бедены используют антонимический перевод, передавая строки «Я вам мозги не пудрю – уже не тот завод» («Je vous assure que c'est la stricte vérité») [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?460>]. В переводе сохраняется рифма: *vérité*, которая рифмуется с *fusillé*. Несмотря на отсутствие перевода лексемы *завод*, перевод можно назвать гармоничным, так как смысл, заложенный автором, сохраняется.

Рассмотрим такую характеристику как увеличение объема текста перевода экстраверсивными переводчиками, либо уменьшение объема текста (или сохранение исходного объема) интровертивными переводчиками на примере стихотворения «Тот, который не стрелял».

Так, переводчики М. и Р. Бедены при передаче строки «Немецкий снайпер дострелил меня» не употребляют слово *allemand*. При переводе фразы «Я пил чаек из блюдца» опускается лексема *блюдце*: «Je buvais du thé ...» [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?460>]. Авторские строки

«Он выволок на свет и приволок», содержащие два однокоренных глагола, переведены братьями Беденами следующим образом: «Il a sorti hors de l'obscurité...» [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?460>]. Как видно из примера, два глагола заменяются одним *sortir*.

В изучаемом нами переводе опускается также сравнение *как собака*. Сравним оригинал и перевод братьев Беденов: «Я раны, как собака, лизал, а не лечил» («Je ne me suis pas soigné mais j'ai léché mes plaies») [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?460>].

В переводах этих же строк, выполненных французской переводчицей М. Кан, наблюдается сохранение исходного объема текста. Например: «Я пил чай из блюдца» («Je buvais du thé à la soucoupe») [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?95>]. Строки *Он выволок на свет и приволок* передаются двумя глаголами *ressortir* и *amener*. Слово сочетание *немецкий снайпер* дословно переводится как *un tireur allemand*: «Un tireur allemand m'avait achevé» [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?95>].

В переводе строк, выполненном М. Кан, «Я раны, как собака, лизал, а не лечил» присутствует слово *chien*, благодаря чему максимально близко передаются авторские строки: «Mes blessures, je ne les ai pas soignées, je les ai léchées comme un chien» [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?95>]. Сравнительный анализ переводов представлен в таблице.

Сопоставительный анализ переводов стихотворения В. Высоцкого «Тот, который не стрелял»

Оригинальный текст В. Высоцкого	Перевод братьев Беденов	Перевод Мишель Кан
Немецкий <i>снайпер</i>	Un Allemand	Un <i>tireur</i> allemand
Я пил чаек из <i>блюдца</i>	Je buvais du thé	Je buvais du thé à <i>la soucoupe</i>
Я раны, как <i>собака</i> , лизал, а не лечил	Je ne me suis pas soigné mais j'ai léché mes plaies	Mes blessures, je ne les ai pas soignées, je les ai léchées <i>comme un chien</i>
Он выволок на свет и <i>приволок</i>	Il a sorti hors de l'obscurité	Et pues il a <i>ressort</i> et <i>amené</i>

Подобные расхождения в текстах переводов могут быть объяснены различными факторами. Одним из них, возможно, является такая психологическая характеристика переводчиков Беденов, как интровертность, поскольку в анализируемых переводах наблюдается сокращение объема текста. Уменьшение объема текста, на наш взгляд, в некоторых случаях не позволяет передать все тонкости авторского текста.

В то же время, если сравнивать переводы братьев Беденов и М. Кан, то очевидно, что переводческие произведения Мишеля и Робера

Беденов в большей степени зарифмованы, что говорит о мастерстве переводчиков, а Мишель Кан стремится максимально точно передать язык стихотворения В. С. Высоцкого, зачастую пренебрегая рифмой.

Обсуждение результатов

В нашей понимании, перевод может быть признан гармоничным, т.е. предполагающим соразмерность смыслов текстов оригинала и перевода, при условии владения переводчиком

гармоничным переводческим мировоззрением. Иными словами, и свойства языковой личности переводчика в широком смысле, и его свойства интроверта/экстраверта в узком смысле являются важнейшими факторами создания качественного переводческого продукта. Во-первых, большую роль играет языковая личность переводчика, его национальная и гендерная принадлежность, знание культуры языка-источника и целевого языка, профессиональное мастерство. Во-вторых, нельзя исключить влияния психотипа языковой личности на порождение текста перевода. Как показало наше исследование, особую роль психотип личности может сыграть при передаче безэквивалентной лексики. Можно предположить, что переводчики одного типа темперамента более склонны к передаче устных текстов, другие – письменных текстов. Одни переводчики более удачно передают тексты художественного стиля, другие – научного или публицистического. Переводчики могут передавать авторскую мысль либо креативно, либо стереотипно. Важную роль играет характер влияния интуитивности и рациональности на порождение гармоничного текста перевода.

В рамках данной работы проанализированы тенденции, которые мы можем наблюдать, изучая результаты переводческой деятельности, соотносимые с психотипом личности.

Заключение

Завершив наши рассуждения наблюдением о том, что проблема интроверсивности/экстраверсивности личности, научное осмысление которой началось в первой половине XX в., приобретает новый импульс в настоящее время в связи с развитием междисциплинарных исследований. Антропоцентризм в лингвистике и в теории перевода, а также современное когнитивное переводоведение обращают взоры ученых к субъекту, индивиду, личности, в связи с чем отечественные ученые успешно разрабатывают теорию языковой личности переводчика. В рамках данной теории мы намерены изучить психологический аспект деятельности переводящего субъекта, изучая профессиональную деятельность переводчика-интроверта и переводчика-экстраверта. Мы намерены дальше изучать, каким образом принадлежность переводчика к интровертам или к экстравертам влияет на выбор переводческой стратегии и конкретных переводческих решений. Очевидно,

что индивидуально-личностные, психологические, когнитивные свойства языковой личности переводчика, которые находят лингвистическое воплощение в тексте перевода, требуют дальнейшего изучения и верификации на большом корпусе текстов.

В настоящем исследовании мы проанализировали влияние некоторых субъективных факторов при переводе, попытались проанализировать параметры, раскрывающие связь между сокращением объема текста перевода и интроверсивностью переводчика. Однако это только один из критериев, который мог бы свидетельствовать о данной взаимосвязи. Дальнейшие исследования помогут эмпирически проверить другие критерии интроверсивности и экстраверсивности, о которых мы писали выше, а также выявить соотношение объективных и субъективных факторов при переводе.

Исследование объективных и субъективных факторов с точки зрения переводческого пространства и переводческого времени позволяет выделить «семиотическую ауру» (термин Ю. М. Лотмана) в едином пространстве культуры, которое является частью общего семиотического пространства.

Список литературы

1. Пшенкина Т. Г. Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. 240 с.
2. Тарнаева Л. П. Концепции языковой личности в контексте проблем переводоведения // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия: Филология. 2008. Т. I, № 2 (13). С. 55–70.
3. Кушнина Л. В., Силантьева М. С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (12). С. 71–75.
4. Wilss W. Kognition und Übersetzen: Zu Theorie und Praxis der menschlichen und der maschinellen Übersetzung. Berlin ; Boston : De Gruyter, 1988. 267 p. <https://doi.org/10.1515/9783110935844>
5. Jäger G., Müller D. Kommunikative und maximale Äquivalenz von Texten // Äquivalenz bei der Translation / herausgegeben von G. Jäger und A. Neubert. Leipzig : Verlag Enzyklopädie, 1982. S. 42–58. (*Übersetzungswissenschaftliche Beiträge*. Bd. 5).
6. Юнг К. Г. Психологические типы / пер. с нем. С. Лорие, перераб. и доп. В. Зеленским. М. : Университетская книга ; АСТ, 1996. 716 с.
7. Айзенк Г. Ю. Структура личности. М. : КСП+; СПб. : Ювента, 1999. 463 с. (Теория личности).

8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2007. 713 с.
9. Кречмер Э. Строение тела и характер : пер. с нем. М. : Апрель-Пресс ; ЭКСМО-Пресс, 2000. 336 с.
10. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития личности : учебник. 3-е изд. испр. и доп. М. : Смысл ; Академия, 2007. 528 с. (Психология для студента).
11. Казначеев В. П., Казначеев С. В. Адаптация и конституция человека. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1986. 122 с.
12. Введение в синергетику перевода / под ред. Л. В. Кушниковой. Пермь : Изд-во Пермского нац. исслед. политехнического ун-та, 2014. 278 с.
13. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М. : Изд-во ЛКИ, 2013. 235 с.
14. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М. : Международные отношения, 1974. 216 с.
15. Дискурсивные основания речеведения: научный текст – новое знание – перевод / под общ. ред. М. П. Котюровой. Пермь : ПГНИУ, 2023. 300 с. EDN: VAVUBH
16. Vysotsky V. in different tongues (Владимир Высоцкий на разных языках). URL: <http://www.wysotsky.com> (дата обращения: 14.09.2023).
17. Язык // Толковый словарь Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwi> (дата обращения: 14.09.2023).

Поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 16.03.2024; принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 16.03.2024; accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 279–287

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 279–287

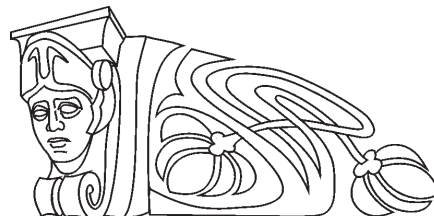
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-279-287>, EDN: FZEAAA

Научная статья

УДК 821.161.1.09-2+929Коляда

Персонаж современной драматургии в аспекте коммуникативной стратегии самопрезентации (на материале творчества Николая Коляды)

И. П. Зайцева

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Беларусь, 210038, г. Витебск, пр-т Московский, д. 33

Зайцева Ирина Павловна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых языков, irinazaj91@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2528-3874>

Аннотация. В статье на материале творчества Николая Коляды (пьеса «Клин-обоз» из драматургического диптиха «Два плюс два») анализируется своеобразие воплощения в драматургическом дискурсе одной из коммуникативно-речевых стратегий, которая «с подачи» автора достаточно активно реализуются в современных пьесах действующими в них персонажами, – стратегии самопрезентации. Наделение персонажей пьес такого рода речеповеденческими линиями в значительной степени обуславливается параметрами драматургии как литературного рода, существенно ограничивающими в произведении «присутствие» автора и несколько сужающими возможности проявления в нём действующих лиц (в частности, в сравнении с персонажем прозы). В коммуникативно-речевой стратегии, реализуемой в процессе развёртывания драматургического действия, на разных этапах её воплощения могут актуализироваться различные коммуникативно-речевые тактики, выбор которых (как на сознательном, так и на подсознательном уровнях) обуславливается прежде всего коммуникативными целеустановками адресанта; однако безусловное влияние на него оказывает тип языковой личности коммуниканта, а также его эмоционально-психологическое состояние в конкретной ситуации общения. В процессе коммуникативного взаимодействия речеповеденческая линия коммуниканта может трансформироваться (иногда – довольно существенно), в связи с чем на разных этапах общения актуализируются те или иные тактики (набор тактик). Перечень коммуникативно-речевых тактик, выделяемых в настоящее время, может быть дополнен и/или уточнён в том числе и при рассмотрении с позиций коммуникативной стилистики текста современных драматургических дискурсов, которые представляются в этом случае весьма «выгодным» исследовательским материалом.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика текста, пьеса, персонаж, речевые проявления, диалог, коммуникативно-речевая стратегия, коммуникативно-речевая тактика, стратегия самопрезентации

Для цитирования: Зайцева И. П. Персонаж современной драматургии в аспекте коммуникативной стратегии самопрезентации (на материале творчества Николая Коляды) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 279–287. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-279-287>, EDN: FZEAAA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A character of modern drama in the aspect of communicative strategy of self-presentation (based on the oeuvre of Nikolay Kolyada)

I. P. Zaitseva

Vitebsk State University named after P. M. Masharov, 33 Moskovskiy Ave., Vitebsk 210038, Belarus

Irina P. Zaitseva, irinazaj91@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2528-3874>

Abstract. The article analyzes the unique manifestation of one of the communicative speech strategies – the strategy of self-presentation, which, “at the suggestion” of the author, is quite actively implemented in modern plays by their characters. The analysis is based on the work of Nikolay Kolyada (the play *Wedge-Wagon* from the dramatic diptych *Two Plus Two*). The fact that the characters in the plays are imbued with this kind of speech-behavioral lines is essentially determined by the parameters of drama as a literary genre, which significantly limit the “presence” of the author in the work, and somewhat narrow the possibilities for the manifestation of the characters in it (as compared to the character of prose, in particular). In a communicative-speech strategy implemented in the process of unfolding the dramatic action, at different stages of its implementation various communicative-speech tactics can be actualized, the choice of which (both at the conscious and subconscious levels) is determined primarily by the communicative goals of the addressee; however, it is unconditionally influenced by the type of the linguistic personality of the communicator, as well as his emotional and psychological state in a specific communication situation. In the process of

communicative interaction, the communicator's speech-behavioral line can transform (sometimes quite significantly), and therefore at different stages of communication certain tactics (set of tactics) are actualized. The list of communicative speech tactics currently identified can be supplemented and/or clarified by means of considering the text of modern drama discourses from the perspective of communicative stylistics as well, which in this case seem to be very "valuable" research material.

Keywords: communicative stylistics of the text, play, character, speech manifestations, dialogue, communicative-speech strategy, communicative-speech tactics, self-presentation strategy

For citation: Zaitseva I. P. A character of modern drama in the aspect of communicative strategy of self-presentation (based on the oeuvre of Nikolay Kolyada). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 279–287 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-279-287>, EDN: FZEAAA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В начале 90-х гг. прошлого столетия, в связи с утверждением в языкознании научной парадигмы, объединившей ряд аспектов, которые во второй половине XX в. выдвинулись на первый план как наиболее значимые (среди них – *функциональный, коммуникативный, прагматический, социальный* и т. д.), во взаимодействии с рядом других наук сформировалось такое направление, как **коммуникативная стилистика текста**, которое «развиваясь в рамках современной функциональной стилистики ..., значительно вышло за её рамки, интегрируясь с комплексом других наук как форме коммуникации» [1, с. 223]. Коммуникативная стилистика текста особое внимание обращает на *деятельностный* аспект системно-структурной организации текстов разных типов, детально исследуя средства и способы достижения поставленных адресантом коммуникативных целей (как декларируемых, так и не заявленных прямо, а иногда и скрывааемых им), которые реализуются с помощью определённого комплекса коммуникативно-речевых стратегий, тактик и приёмов.

Подводя итоги развития коммуникативной стилистики текста за четверть века (до 2018 г. включительно) в подробном системном обзоре, Н. С. Болотнова отмечает, что основным объектом коммуникативной стилистики как отдельного научного направления в первые два десятилетия её существования явился **художественный** текст [2, с. 32]. Разделяя полностью положения, высказанные одним из основателей коммуникативной стилистики текста, всё же заметим, что внимание представителей этого направления к художественным произведениям, репрезентирующим разные литературные роды и жанры, оказывается весьма неравномерным (на это обстоятельство уже указывалось в одной из наших работ [3]). В большинстве случаев объектом рассмотрения становятся *поэтические* произведения, чаще всего – лирические (это следует в том числе и из упомянутого обзора

Н. С. Болотновой); иногда – художественные *прозаические* произведения и крайне редко – произведения *драматургические*.

Такое положение видится несколько несправедливым, поскольку драматургический дискурс самой своей природой ориентирован на воплощение – в различных его ипостасях – процесса речевой коммуникации. Это заложено в конструктивных параметрах произведений этого литературного рода: пьеса предполагает «изображение жизни в динамике, выраженной в диалогах, а героев в действии, основанном на драматическом конфликте. ... Диалоги, составляющие структурную основу драмы как литературного рода, вводят её в ряд литературных произведений со всеми законами их текстопостроения» [4, с. 64].

В течение XX–XXI вв. внутри этого литературного рода произошли довольно существенные трансформации, на основе которых сформировались и новые направления драматургического творчества: в последние десятилетия XX в. – драматургия «новой волны», вслед за этим – драматургия «новой-новой волны», или «новейшая драма», и т. п. В драматургии XX–XXI вв. появились новые типы персонажей, отразились авторские эксперименты в композиционном оформлении пьес и авторские поиски более точной жанрово-стилистической квалификации собственных произведений и т. п. Перечисленные особенности в большей степени требуют осмысления с позиций литературоведения; лингвиста же в первую очередь интересуют средства и способы языкового воплощения всех ключевых параметров драматургии в тексте пьесы; комплексный филологический анализ драматургического произведения, объединяя оба означенных аспекта, сосредоточивается на *литературной* ипостаси пьесы, в ряде случаев учитывая и особенности её *сценической* ипостаси.

Подытоживая сказанное, принципиально важно акцентировать внимание на том, что, не-

смотря на все метаморфозы, которые претерпел в последние десятилетия и продолжает претерпевать в настоящее время драматургический род литературы в большинстве воплощающих его жанрово-стилистических форм, действующие в пьесах лица по-прежнему по большей части проявляют себя в различных формах речи.

Это преимущественно **прямая (внешняя)** речь, осуществляемая в формах *диалога, монолога и полилога*; иногда – *проговариваемая внутренняя* речь; при этом в драматургическом дискурсе возможны обуславливаемые многими факторами самые разные варианты сочетания всех перечисленных речевых форм. Так, к примеру, в такой популярной для современного периода жанровой разновидности драматургии, как *монопьеса*, ожидаемо преобладает *монолог*, нередко являющийся единственной формой воплощения персонажной речи в пьесах этого жанра.

Представляется, что отмеченные и иные качества художественных драматургических дискурсов обуславливают их очевидную значимость для исследования с позиций как обозначенного выше направления, так и *коммуникативной стилистики художественного текста* – области, которая в рамках коммуникативной стилистики текста уже в достаточной степени автономизировалась, о чём свидетельствует, в частности, помещение её определения в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» [5, с. 157].

Принимая во внимание бóльшую, нежели у текстов-репрезентантов иных родов литературы, коммуникативную направленность драматургического произведения (на что указывал, в частности, австрийский лингвист и психолог первой половины XX в. Карл Людвиг Бюлер, отмечая выраженную *апеллятивность* драматургических произведений в сравнении с прозаическими и лирическими [6]), целесообразно при его исследовании сосредоточить внимание на основных составляющих коммуникативно-речевого процесса. Последний, в соответствии с приоритетностью в любом произведении художественной словесности эстетической функции, представлен в пьесах в образно-концептуальном авторском осмыслении, что формирует у него ряд особенностей, не имеющих особого значения или вообще отсутствующих при использовании языка в целях сугубо практических. Представляется, что установление и анализ таких особенностей будет бесполезным и для уточнения некоторых моментов

коммуникативно-речевого взаимодействия (прежде всего – межличностного) в принципе.

Одной из принципиально значимых характеристик речевой коммуникации является использование её участниками стратегий, которые определяются исследователями как *речевые*, или *коммуникативные*, реализуемых при помощи набора *речевых (коммуникативных)* тактик и приёмов, или ходов. С нашей точки зрения, эти категории процесса речевой коммуникации точнее было бы определять как *коммуникативно-речевые стратегии* (далее – КРС) и *коммуникативно-речевые тактики* (далее – КРТ). Одно из существующих определений так квалифицирует обозначенный феномен: «Речевая (коммуникативная) стратегия – это общий план или общая линия речевого поведения, определяемые коммуникативной целью (целями) говорящего / пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации, под которой понимается совокупность факторов, влияющих на ход коммуникации (время и место коммуникации, интенции участников коммуникации, их профессиональные, возрастные и гендерные характеристики, социальные статусы и роли, особенности характера, тип межличностных отношений, эмоциональное состояние и другие факторы)» [7, с. 229]. Исследователи при этом практически единодушны во мнении, что набор КРС (как и КРТ), объединяемых в классификации на основе различных принципов, не только весьма многочислен, но и априори не может быть представлен закрытым списком – ср., например: «Следует иметь в виду, что законченных списков, как и общепринятых классификаций речевых стратегий и речевых тактик не существует. Они открыты для пополнения» [7, с. 230].

Поскольку персонажи драматургического дискурса пребывают в процессе коммуникативно-речевого общения практически постоянно, выработка в этом взаимодействии как общей линии поведения, так и конкретных речеповеденческих шагов по достижению поставленной цели приобретает для каждого из них (и, соответственно, а возможно, и в первую очередь – для автора-драматурга) безусловную значимость.

Переходя к рассмотрению КРС, воплощаемых в современных драматургических дискурсах, необходимо учитывать, что возможности для выражения авторской позиции в пьесах существенно ограничены: автор-драматург может проявить себя (относительно прямо) лишь

в ремарках и в иных так называемых *рамочных* элементах пьесы, большая часть которых имеет факультативный характер (*посвящение, эпиграф, перечень действующих лиц* и т. д.).

Драматургический персонаж по сравнению с литературными героями других произведений – например прозаических – тоже находится в несколько «стеснённых» обстоятельствах, поскольку может проявить себя почти исключительно в речи, в драматургическом диалоге. Помимо этого, о личности персонажа пьесы, его поступках становится известно лишь из авторских ремарок, а также из высказываний других персонажей, причём последние могут быть весьма субъективными. Именно этим в значительной степени обуславливается востребованность действующими лицами современных пьес (бесспорно, «с подачи» автора) одной из КРС, выделяемой практически всеми исследователями, которыми предложены классификации общих речеповеденческих линий. Эта довольно активно реализуемая в ситуациях общения, художественно воссоздаваемых в пьесах, стратегия чаще всего определяется как стратегия **самопрезентации** (О. С. Иссерс [8], О. Н. Паршина [9] и др.). Характер реализации данной КРС, во многом предопределяемой психологическим обликом личности, явно соотносим с трактовкой феномена самопрезентации специалистами-психологами: как процесса *представления себя* способами действия и поведения, базирующимся на использовании определённых стратегий, которые ориентированы на формирование у других определённого мнения о себе и при этом принятыми социально и культурно [10]; как «совокупности поведенческих актов личности, разделённых во времени и пространстве, направленных на создание определённого образа в глазах окружающих» [11, с. 227].

Особый интерес психологов к процессу *презентации себя* подтверждается, в частности, тем, что в рамках этой научной области разработано несколько *классификаций стратегий самопрезентации*, детализирующих характер подобного поведения личности в конкретных ситуациях общения. Одна из первых таких классификаций, включающая пять стратегий, была создана в 1982 г. Э. Джонсом и Т. Питтманом; в неё входят следующие стратегии: *инграциация* (цель – казаться привлекательным); *самопродвижение* (демонстрация компетентности); *примерность* (цель – казаться морально безупречным); *запугивание* (демонстрация силы);

самоуничижение (демонстрация слабости с целью получения помощи) [12]. В коммуникативной лингвистике столь подробная типология разновидностей КРС самопрезентации пока не разработана; между тем детальное изучение с позиций коммуникативной стилистики словесно-художественных дискурсов, прежде всего драматургических, могло бы, по нашему мнению, существенно способствовать решению и этой задачи.

Николай Коляда принадлежит к числу драматургов, произведения которых уже прочно завоевали признание разных групп адресатов – и читателей / зрителей, и режиссёров: его пьесы с успехом ставятся на сценах столичных и областных театров в течение трёх десятилетий. Интерес к творчеству драматурга обусловлен в том числе и оригинальностью выведенных в его произведениях персонажей, которые, принадлежа к различным социальным слоям (причём нередко именно это несовпадение становится и компонентом конфликта пьесы), как правило, отличаются оригинальностью жизненной позиции, нестандартностью мировосприятия и т. п., что, конечно же, находит отражение в их речевом поведении. Типы выведенных в пьесах этого автора персонажей весьма разнообразны; это разнообразие проявляется и в их желании / нежелании общаться: одни стремятся к речевому взаимодействию чрезвычайно активно, другие всячески пытаются уйти от него. КРС самопрезентации ожидаемо реализуется преимущественно персонажами, входящими в первую из этих групп; однако и уклоняющиеся поначалу от общения лица в ходе развёртывания драматургического действия могут «втянуться» в коммуникативное взаимодействие, реализуя себя в нём в том числе и с помощью КРС такого же свойства.

Одно из последних произведений Н. Коляды, драматургический диптих «Два плюс два», жанрово квалифицированный как «Две грустные комедии для двух актрис и двух актёров», включает небольшую по объёму пьесу «Клин-обоз» [13]. В ней, как и обещано автором, участвуют два женских персонажа, представленные в списке действующих лиц лишь по имени и с указанием возраста: Ирина – 50 лет; Наталья – 50 лет; это является косвенным подтверждением того, что при их характеристике нагрузка ложится преимущественно на речевые проявления.

Предваряя анализ речевой ткани пьесы, необходимо указать ещё на одну характерную для

произведений Н. Коляды особенность, которая наиболее отчётливо проявилась в позднем периоде его творчества: чрезвычайно развёрнутая, явно выходящая за рамки традиционных представлений об этом компоненте драматургического текста, начальная ремарка, предваряющая собственно диалог (подробнее см. об этом в одной из наших работ [14]); эта особенность отличает и обе пьесы диптиха. В начальных ремарках подобного свойства, представляющих собой своего рода «тексты в тексте», помимо детального описания места действия, нередко очевидно присутствие автора, проявляющееся прежде всего в использовании образно-оценочных речевых средств. Отмеченные качества присущи и ремарке, начинающей пьесу «Клин-обоз», фрагмент из которой приводится далее:

«Зима. Декабрь. Маленький домик на окраине села. Одно единственное окно в комнате. <...>

Наталья (она в халате, в вязаных носках) сидит за столом, слушает Ирину – молодящуюся городскую бабёнку лет 50-ти. Наталье столько же лет. Наталья букву «ё» в словах не произносит.

Ирина в валенках расшитых, в цветном платке, вся такая под русскую работает. Полушубок у неё расшит узорами. Она русская писательница, очень за русский народ переживает, и это во всём видно» [13].

Последние два абзаца приведённого текста содержат явную ироничную оценку автором одной из участниц драматургического действия – Ирины, достигаемую разговорно-ироничной тональностью высказывания, которая создаётся преимущественно включением в описание сниженных лексических элементов: *вся такая; работает* (в значении ‘хочет казаться’) *под русскую* и т. п. При этом Наталья и Ирина явно диссонируют друг с другом по внешнему облику, чем косвенно указывается на то, что они, будучи ровесницами, явно принадлежат к разным «мирам» – к разным социальным слоям. Это подтверждается и первыми репликами их беседы (Ирина по-соседски пришла просить Наталью присматривать за только что купленным её домом; встречаются женщины впервые, до этого они никогда не только не виделись, но и не слышали друг о друге):

«ИРИНА. Я ни к чему вас не обязываю, Наташа. Что вы! Упаси Господь Бог! (*Широко перекрестилась на икону*). Как хорошо, что у вас икона в углу, как по-русски это! Так вот, просто присмотрите за домом, Наташа. Он ведь

напротив, наискосок. Просто иногда от нечего делать выгляните в окошко: а стоит ли дом Ирины – меня Ирина зовут, я сказала? Ну вот, гляньте: а на месте ли он, а не украли ли его, а не убежал ли он куда по дорожке на одной ножке? (*Смеётся*). Шутка!

НАТАЛЬЯ (*улыбается, скривив губы*). Да у меня одно окно. Я в него все время гляжу. Утром встану – гляжу, вечером – гляжу. И днём гляжу. А-а, нет, наврала, нет – два окна у меня. Одно – телевизор, другое – вот это. Телевизор – окно в мир, говорят, ага? Так говорят. Ну и я так скажу. (*Смеётся*).

ИРИНА. О, Наташа, не надо смотреть телевизор! Ну, зачем вы?! Это зомбо-ящик! Он превращает русский народ в быдло! Выкиньте, вынесите немедленно на мороз, на улицу, на снег! Хотите, я помогу вам, прямо сейчас?

НАТАЛЬЯ. Чего? Телевизор на улицу? Я не поняла?» [13].

Инициатором начавшегося общения, безусловно, является Ирина – она, судя по всему, чувствует себя просветительницей Натальи как тёмной представительницы русского народа, что подтверждают как её речевые проявления и поступки (она, как следует из ремарки, широко крестится на икону), так и ироничная характеристика, намеченная автором в начальной ремарке, о которой уже упоминалось выше. Пытаясь достичь своей собственной цели (убедить соседку бесплатно следить за её домом), Ирина постоянно акцентирует свою причастность к народу, которого – в данном случае в лице Натальи – пытается уберечь от пагубного, по её мнению, влияния средств массовой коммуникации, в конкретной ситуации исходящего от телевизора, презрительно именуемого ею *зомбо-ящиком, превращающим русский народ «в быдло»*. На данном этапе речевого взаимодействия Ирина, таким образом, реализует преимущественно КРТ, которую, используя термины психологии, можно обозначить как **инграциационную**, воплощающую стремление субъекта речи казаться для собеседника привлекательным. При этом рекомендации Наталье, весьма напоминающие назидания, она формулирует с не очень уместной для данной ситуации пафосностью, в особенности присущей второй из её реплик, в которой четырём из пяти фраз, обращённым непосредственно к Наталье, свойственна восклицательная интонация. Тем самым в реализуемой КРС одной из приоритетных тактик становится КРТ **демонстрации собственной компетенции (самопродвижения** – в терминах

психологии). Впрочем, в целом общение между Ириной и Натальей на этой стадии развёртывания драматургического сюжета протекает вполне «мирно»: коммуниканты в принципе «слышат» друг друга, о чём свидетельствуют их реплики-реакции, в той или иной степени связанные с репликами-стимулами; в высказываниях обеих отсутствуют резкие и грубые оценки собеседника и т. п.

Иной характер приобретает реализация Ириной КРС самопрезентации на следующем этапе развития драматургического действия, началом которого является её повторный приход к Наталье:

«... Дверь открывается. В дом снова входит Ирина, подходит к лежащей на кровати Наталье, вырывает у неё из рук пульт, выключает телевизор, начинает кричать:

ИРИНА. Я не могу так уйти!

НАТАЛЬЯ (*вскочила, села, глаза таращит*). Господи, Господи, да что ж я не закрылась на щеколду-то?! Чего, чего тебе, чего пугаешь?!

ИРИНА. Я не могу так уйти! До города сто сорок километров, я буду ехать и думать про наши разорванные взаимоотношения!

НАТАЛЬЯ. Какие взаимоотношения?! Я тебя в первый раз вижу!

ИРИНА. Не тыкайте мне, Наташа! Я ведь с тобой на «вы»! Поймите, Наталья, теперь мы будем видеться часто, ежедневно! На этой улице в конце деревни только два дома – ваш и мой! Я специально выбрала такой, чтобы ничто не мешало моему творчеству! Так и вы не мешайте же мне. **Прошу, прошу, умоляю о пощаде! Не губите меня ненавистью! Мы – русские женщины, мы должны жить дружно, рожать детей, воспитывать их на благо общества!**

НАТАЛЬЯ. Каких детей?! Ты про что?! Вы про что?!

ИРИНА. Таких детей! Летом я тут буду постоянно, зимой – наездами, я так решила. Мы стали соседи, вот как складывается жизнь! Мы были абсолютно незнакомы, а теперь – знакомы! **Я хочу вдунуть немножко огня в вашу скучную, размеренную и никому не нужную жизнь!**

НАТАЛЬЯ. Куда вдунуть? Кому вдунуть? Какого огня?!

ИРИНА. Ну, **чтоб вы жили со смыслом, а не так, как вы сейчас живёте!**

НАТАЛЬЯ. А как я живу?!

ИРИНА. **Глупо и бездарно! Никаких происшествий! Сидите и смотрите ящик! Зачем?! Для чего?! Осмыслите жизнь свою!**

НАТАЛЬЯ. Я чего-то не того, женщина ... Ирина вы, да? Я чего не так сделала? Чего надо вам, чего?!» (выделено нами. – И. З.) [13].

Приведённый фрагмент свидетельствует, что на очередном этапе общения с Натальей реализуемая Ириной КРС дополняется новыми компонентами: не отказываясь от КРТ демонстрации собственной компетентности (Ирина постоянно подчёркивает свою принадлежность к людям *творческим*), она, продолжая убеждать собеседницу выполнить её просьбу, переходит к явному давлению на неё, включая в речь резко негативные оценки и личности Натальи, и её образа жизни (наиболее показательные из таких выражений выделены в тексте). О том, что подобного рода выражения отличаются и повышенной экспрессией, можно судить как по лексическому их наполнению, так и по характеру, а также пунктуационному оформлению использованных синтаксических конструкций. В высказываниях Ирины употребляются: весьма выразительная лексика, априори указывающая на высокую степень обозначаемого явления или процесса (*пощада, умолять*); образные выражения (метафора, осложнённая эпитетами: *вдунуть немножко огня в вашу скучную, размеренную и никому не нужную жизнь*; метафорически сниженное обозначение телевизора – *ящик*) и т. п. Наиболее пространная её реплика, состоящая из 9-ти синтаксических конструкций, включает 4 односоставных (определённо-личных) предложения и 2 неполных двусоставных; при этом 8 из этих конструкций по эмоциональной окраске являются *восклицательными*. Помимо этого, приведённый фрагмент свидетельствует и о снижении эффективности осуществляемой коммуникации: Наталья всё меньше понимает смысл произносимого Ириной, в результате постоянно перемежает реплики собеседницы репликами-реакциями, преимущественно являющимися эмоциональными переспросами (*Каких детей?! Ты про что?! Какого огня?! и т. п.*), и наконец прямо заявляет о своём непонимании: *Я чего-то не того, женщина ... Чего надо вам, чего?!*

В дальнейшем развитии диалога, основная роль в котором по-прежнему принадлежит Ирине, последняя довольно умело сочетает назидания Наталье и постоянные указания на неправильную, по её мнению, Натальину жизнь с подчёркиванием своих достоинств. Тем самым актуализируются КРТ **демонстрации собственной компетентности** (самопродвижение) и **стремления подчеркнуть свою при-**

влекательность (инграция) (высказывания, в которых эти тактики отражены наиболее явно, в приводимом далее фрагменте выделены нами. – И. З.):

«НАТАЛЬЯ. Нет, я не поняла, чего надо? Вы смеетесь надо мной?

ИРИНА. Не важно. Потом как-нибудь. А вы, Наташа, никогда не произносите букву «ё» в словах? **Это тут у вас такой русский говор, да? Как интересно!** Никогда не слышала, следует записать! ... **Простите, я писатель** – так не люблю слово писательница! – **мне надо всегда фиксировать всё в записной книжке.** Но я не смогу вам платить.

НАТАЛЬЯ. А?

ИРИНА. За то, что вы будете следить за домом, я не смогу вам платить.

НАТАЛЬЯ. За что?

ИРИНА. Ну, за этот вот, выражаясь по-вашему, за пригляд. *(Смеётся).* **Хоть бы чаем угостили.**

НАТАЛЬЯ. Ладно, женщина, идите, а? Вас как – Ирина, да? Ну, и идите. У меня дел до фиغيща всяких.

ИРИНА. **Какие у вас дела?**

НАТАЛЬЯ. Ну, такие. Идите давайте.

ИРИНА. **Стойте. Я хочу подарить вам книгу.**

НАТАЛЬЯ. Зачем?

ИРИНА. **Это моя книга.** Последняя. Ну, понятно, что не совсем последняя. **Я пишу-чая. Я ещё напишу, конечно, тут.** Но эта – вам. Мне будет интересно ваше мнение.

Достала из сумки книгу в гляцевой обложке, подписала, протягивает Наталье. Наталья взяла книгу, пролистнула, смотрит на Ирину.

Я написала вам: «Побольше радости в жизни ...» Ведь её так мало, верно, Наталья? Ведь вам так хочется радости, эмоций, расторможенности, нет?» [13].

Отмеченные КРТ (которые, безусловно, сходны по характеру вербального воплощения, что вполне естественно объединяет их в рамках реализации одной КРС) довольно искусно используются Ириной *во взаимодействии* (это, кстати, в числе других качеств свидетельствует о довольно высокой степени состоятельности её языковой личности): *Я ещё напишу, конечно, тут* и т. п. Придерживаясь КРС самопрезентации как основной линии речевого поведения, Ирина при этом периодически включает в свою речь выражения, в которых проявляется её истинное – весьма невысокое – мнение о собеседнице: *Какие у вас дела?* и т. п., – что добавляет

в её речеповеденческую линию элементы ещё одной КРТ – «**выпячивания**» **недостатков собеседника.**

Особого напряжения общение между Ириной и Натальей достигает после сообщения последней о том, что над купленным Ириной домом висит проклятие, и ещё о нескольких неприятных мистических явлениях, которые характерны для этой местности. Раздосадованная и параллельно полностью разочаровавшаяся в русском народе, Ирина даёт волю чувствам, демонстрируя свою истинную суть (наиболее показательные высказывания, в которые в данном случае облакаются чувства Ирины, в тексте выделены нами. – И. З.):

«*Молчание.*

ИРИНА. Хорошо, я пошла. **Всех не обогрешь. Всем не поможешь.** Мне нужно идти в мой дом. *(Пауза).* **Ну, вот что мне теперь делать?! (Плачет).** Она напугала меня всем этим: котом, висельницей, холодом! **Электричку я пропустила. В доме холодно. Где мне ночевать?** На дорогу идти – там нет машин, а до трассы десять километров, я не дойду, я окочурюсь. ... Тут ягоды, грибы, дождь, лес, речка, снег, Россия кругом, красиво так, почему? **Что не жилось? Что вам ещё надо? Что вы все выдумываете всё, чем вам тут плохо? Зимой – зима, летом – лето, осенью – осень, весной – весна, живи и наслаждайся, а вы?!**

<...>

ИРИНА. **А ты где была, коза?! Ты, гербарий засушенный, человек ты мёртвый, неживой, где была?** Ты о чём думала? Что ж ты не помогла ей?» [13].

В особую ярость Ирину приводит то, что крайне недалёкая и даже убогая, по её мнению, Наталья вдруг начинает вполне логично парировать все её упрёки, адресуемые и лично Наталье, и – в её лице – всему русскому народу. При этом Наталья по сравнению с Ириной куда менее многословна, однако произносимое ею настолько точно характеризует и саму Ирину, и её поступки, что от выстроенного последней идиллического представления о собственной неразрывной связи с русским народом практически ничего не остаётся. На упрёк Ирины в том, что она не помогла соседке, Наталья сразу же парирует: *А ты кому помогла?*; на рассуждения о том, как люди ждут книг Ирины и зачитываются ими, она сообщает, что книги эти пригодны только для растопки, используя для их характеристики просторечное слово с пренебрежительной эмоциональной окраской – ба-

рахло [15, с. 386] – и т. п. Завершает разрушение созданного ею же идиллического представления о своих отношениях с русским народом сама Ирина, которая, почти полностью утратив над собой контроль, от оскорблений лично Натальи (*Помолчи! Философ! Кочерга! Сидит тут! ... Я пришла подружиться! А она учит меня жить! Я объездила весь мир, я знаю всё, а что видела ты в это окошко? ... Что ты видела, что?!*) переходит к крайне нелицеприятной характеристике **всех** русских людей, о благе которых она ранее якобы неустанно пеклась. Выясняется, что все высказывания Ирины по данному поводу отнюдь не отражали её истинных чувств к русскому народу, наиболее отчётливо вербализованных в последних произносимых ею репликах (затем последовал уход Ирины, показательно плюнувшей перед этим на четыре стороны, из дома Натальи):

«Ирина нашла шубу, натягивает её на себя.

ИРИНА. ... Какого чёрта я залезла в эту глушь?! Надо было купить квартиру на окраине, в доме, в лесу, а я решила, как русская – буду в деревне! Дура я.

НАТАЛЬЯ. Ну да.

ИРИНА. Дряни вы, русский народ. Лишь бы обмануть. Обшили, покрасили, продали, как новое, свиньи! Гниль продают! И не стыдно? А я покупала, как новенький! А они – пропьют эти, моим горбом заработанные, гонорары!» [13].

Во всех приведённых и иных фрагментах реплики Ирины изобилуют речевыми средствами экспрессивного свойства, используемыми исключительно для негативной оценки людей, их привычек, жизненного уклада, мировосприятия и т. п. – всего, о чём ей довелось узнать в течение нескольких последних часов. Многие из этих средств имеют сниженный – *просторечный* или *разговорный* – характер (нередко свойственный слову при его употреблении в переносном значении): *какого чёрта*, *горбом заработанные*; *коза*, *гербарий засушенный*, *кочерга* – по отношению Наталье; *дряни*, *свиньи* – по отношению ко всему русскому народу. Поскольку значительная часть таких средств адресована Наталье, их использование свидетельствует о включении в речеповеденческую линию Ирины ещё как минимум двух КРТ – **негативной оценки личности собеседника и прямого его оскорбления**.

Таким образом, принимая во внимание то положение, что высказывания персонажей в современном драматургическом дискурсе по-прежнему остаются преобладающей компо-

зиционно-речевой зоной, анализ *совокупности речевых проявлений* действующего в пьесе лица (лиц) позволяет последовательно и достаточно системно проследить за реализацией им определённой КРС, в которой отражается его речеповеденческая линия, направленная на достижение имеющихся целеустановок. Эта стратегия реализуется в наборе КРТ – применяемых в процессе общения конкретных приёмов, каждый из которых, взаимодействуя с другими, в то же время на отдельных этапах общения может быть представлен с разной степенью актуализации.

В процессе общения линия речевого поведения коммуниканта может подвергаться трансформации, иногда довольно существенной, что выражается в преимущественной значимости на отдельных этапах коммуникативного взаимодействия тех или иных КРТ (как в её относительно автономном проявлении, так и в сочетании нескольких). Классификации КРТ, предложенные исследователями-лингвистами к настоящему моменту, как представляется, могут быть дополнены и/или уточнены на основе типологизации выявленных в процессе анализа с позиций коммуникативной стилистики текста речеповеденческих линий персонажей, которые взаимодействуют в современных драматургических дискурсах (пьесы, созданные в современный период, оказываются, с нашей точки зрения, весьма «выгодным» исследовательским материалом для подобного рода анализа).

Список литературы

1. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2014. С. 223–225. EDN: URFDBX
2. Болотнова Н. С. Тенденции и основные этапы развития коммуникативной стилистики текста (к 25-летию научного направления) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 4 (193). С. 32–40. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-32-40>
3. Зайцева И. П. Современная драматургическая речь как поле реализации одной из разновидностей коммуникативной стратегии самопрезентации // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей V Международного симпозиума, включенного в программу Международного фестиваля «Великое русское слово». (г. Симферополь, 8–12 июня 2021 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко : в 2 т. Симферополь : Изд. дом КФУ, 2021. Т. 2. С. 8–16. EDN: HHSSGE

4. Ицук-Фадеева Н. И. Драма (род) // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М. : Изд-во Кулагиной : Intrada, 2008. С. 64–66.
5. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта, 2003. С. 157–162.
6. Бюлер К. Теория языка. М. : Прогресс, 1993. 528 с.
7. Сквородников А. П. Коммуникативные стратегии и тактики // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2014. С. 229–230.
8. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 8-е, испр. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2017. 308 с.
9. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. Астрахань : Изд-во АГТУ, 2004. 195 с.
10. Толковый словарь по психологии. 2013. URL: https://psychology_dictionary.academic.ru/ (дата обращения: 19.10.2023).
11. Шкуратова И. П. Самопрезентация // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалёва. М. : Когито-Центр, 2011. С. 227–228.
12. Jones E. E., Pittman T. S. Toward a general theory of strategic self-presentation // Psychological Perspectives on the Self / ed. by J. Suls. Vol. 1. Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1982. P. 231–262.
13. Коляда Н. Два плюс два: Две грустные комедии для двух актёров и двух актрис // Современная драматургия. URL: <https://theatre-library.ru/authors/k/kolyada> (дата обращения: 21.11.2023).
14. Зайцева И. П. Своеобразии ремарочного пласта современной драматургии // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VII Междунар. науч. конф., посвященной 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). Т. 4: Филологические науки. Ч. 1 / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк : Изд-во ДонНУ, 2022. С. 117–120.
15. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 1. А–Бишь. М. ; СПб. : Наука, 2004. 662 с.

Поступила в редакцию 16.01.2024; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 16.01.2024; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 288–295

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 288–295

<https://bonjour.sgu.ru>

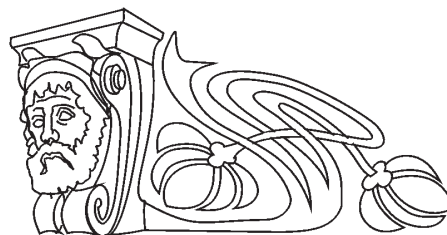
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-288-295>, EDN: FUOWIY

Научная статья

УДК 821.134.3-1|18/19|+929

Семантика энтонома *abelha* / пчела в португальской поэзии

В. А. Махортова¹, М. В. Кутьева²✉

¹Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

²Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Россия, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36

Махортова Варвара Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры португальского языка, varvara2504@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7944-1161>

Кутьева Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 2, marku2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2952-8349>

Аннотация. В статье рассматривается комплекс переносных значений энтонома «*abelha*» / «пчела», проявляющийся в пространстве португальского поэтического текста XIX–XX вв. Цель работы – проследить трансформацию образа и его семантические приращения. В исследовании использовались методы контекстуального, стилистического, семантического анализа и лингвокультурологического комментирования. В качестве материала привлечены стихотворения Алмейды Гаррета, Герры Жункейру, Антониу Нобре, Фернанду Пессоа, Софии де Мелло, Жозе Сарамаго, Фернанду Эчеваррии и др. Пчела – одно из немногих насекомых, которые в португальской языковой картине мира оцениваются преимущественно позитивно. Однако конкретные индивидуально-авторские образные ассоциации отличаются своеобразием, существенно расширяя и дополняя соответствующий концепт. Так, рой пчёл символизирует и разумно организованный коллективный труд, и ватагу непослушных шалунов-школьников (Г. Жункейру). При этом отдельная пчела, наряду с усердием в труде, ассоциируется с жадой жизни и творчества (С. де Мелло), рождением как бы роящихся в сознании рифм и строф, кипением мыслей (Ж. Сарамаго), пылом любви и любовными переживаниями (А. Гаррет, Ж. Сарамаго). Полёту пчелы над цветущими садами нередко уподобляется в португальской поэзии тяга мужчины к женщине, а сами пчелы становятся аллегорией искромётных взглядов (Э. де Каштру) и – благодаря ассоциации с мёдом – губ и поцелуев. Важны и звуковые переосмысления: гитарные аккорды, мелодии фаду (А. Нобре). Обширную вариативность поэтических интерпретаций образа пчелы скрепляет в единое целое идея интенсивности: *усердный* коллективный труд, *пылкая* любовь, *страстное* желание жить и творить (жажда жизни), *мощный* творческий подъём, *неуёмная* резвость детей, *глубокие и насыщенные* (густые) звуки фаду в тишине, призывный блеск *горящих* глаз. Образ пчелы, переосмысленный в португальских стихотворениях, отличается разнообразием ассоциативных основ, оригинальностью и многогранностью. Претерпев значительные трансформации в поэтическом дискурсе, обновленная семантическая палитра этого энтонома обогащает метафорику португальского языка.

Ключевые слова: португальская поэзия, пчела, метафора, символика, ассоциация, интерпретация, контекст

Для цитирования: Махортова В. А., Кутьева М. В. Семантика энтонома *abelha* / пчела в португальской поэзии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 288–295. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-288-295>, EDN: FUOWIY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Semantics of the entomonym *abelha* / bee in Portuguese poetry

V. A. Makhortova¹, M. V. Kutueva²✉

¹Moscow State Linguistic University, 38, build. 1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia.

²Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanni Lane, Moscow 117997, Russia

Varvara A. Makhortova, varvara2504@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7944-1161>

Marina V. Kutueva, marku2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2952-8349>

Abstract. The paper examines a complex of figurative meanings of the entomonym “*abelha*” (“bee”), manifested in the space of the Portuguese poetic text of the 19th–20th centuries. The purpose of the work is to trace the transformation of the image and its semantic increments. We used methods of contextual, stylistic, semantic analysis and linguistic and cultural commentary. The material includes poems by Almeida Garret, Guerra Junqueiro, Antonio Nobre, Fernando Pessoa, Sofia de Mello, José Saramago, Fernando Echevarría, etc. The bee is one of the few insects that are evaluated mostly positively in the Portuguese language worldview. However, specific individual authors’ figurative associations differ in their

originality, significantly expanding and complementing the corresponding concept. So, a swarm of bees symbolizes both a sensibly organized collective work, and a gang of naughty schoolboys (G. Junqueiro). At the same time, a separate bee, along with diligence in work, is associated with a thirst for life and creativity (S. de Mello), the birth of rhymes swarming in the mind, boiling thoughts (J. Saramago) and the fervor of love (J. Saramago, A. Garret). The flight of a bee over blooming gardens is often likened in Portuguese poetry to the craving of a man for a woman, and the bees themselves become an allegory of sparkling glances (E. de Castro), also of lips and kisses – thanks to the association with honey. Sounds' similes are important as well: they are guitar chords, fado melodies (A. Nobre).

The vast variability of poetic interpretations of the bee's image is cemented into a single whole by the idea of intensity: *diligent* collective work, *ardent* love, a *passionate* desire to live and create (thirst for life), a *powerful* creative upsurge, *irrepressible* frolic of children, *deep and rich* (thick) sounds of fado in silence, the inviting shine of *bright* eyes. The image of a bee, reinterpreted in Portuguese poems, is distinguished by a variety of associative foundations, originality and versatility. Having undergone significant transformations in poetic discourse, the updated semantic palette of this entonym enriches the imagery of the Portuguese language.

Keywords: Portuguese poetry, bee, metaphor, symbolism, association, interpretation, context

For citation: Makhortova V. A., Kutyeva M. V. Semantics of the entonym *abelha* / *bee* in Portuguese poetry. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 288–295 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-288-295>, EDN: FUOWIY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В мировой культуре пчела обладает богатейшей и древнейшей символикой. В Древнем Египте, а затем и в Древней Греции её считали символом монархии и власти. Интересно, что эта аллегория была перенята Наполеоном Бонапартом, который приказал вышить свою мантию множеством золотых пчел по красному полю [1, с. 219]. В хеттской культуре бытовало поверье, что пчелы спасают от засухи [2, с. 297–299].

Издrevле как на Западе, так и на Востоке пчелы символизировали духовность, нравственность и целомудрие. Пчелиный рой, способный достигать садов Рая и Царства мёртвых, был аллегорией всеобщей души. Каждая отдельная пчёлка представлялась как душа конкретного человека, связанная со множеством других. Жизнь пчёл являла собой пример трудолюбия, порядка, разумности, бережливости и бесстрашия.

В христианстве с ульем сравнивалась церковь, с пчелами – священнослужители и монахи; мёду уподоблялись божественная благодать или красноречие, а жало символизировало страдания Христа [2]. В манускриптах католических священников [3] пчела является носителем духовной чистоты и высокой морали: она усердна, дисциплинирована, организована, чистоплотна, сосредоточена на своей деятельности, скромна, но умеет за себя постоять. Её образ отличается благородством [4, с. 75].

Примечательно, что схожие качества пчелам приписывали восточные мудрецы, включая видного историка Ибн аль-Атира (1160–1233), по мнению которого, пчелы «помогают цветам цвести, используются в медицине, работают днем, не подбирают еды, собранной другими, не любят грязь и плохие запахи и подчиняются

своему повелителю. Они не любят темноты и нескромности, облаков сомнений, бури возмущения, запаха запрещенного, воды излишества, огня похоти» [5].

Многопланово вплетался мотив пчелы в образность мировой литературы. И если в греческих мифах Артемида считалась покровительницей пчёл, а её саму называли «священной Пчелой», то в «Илиаде» Гомера толпы аргивян мчатся «словно как пчелы, из горных пещер вылетая роями»¹.

Отличаясь объёмностью и многогранностью семантических оттенков и коннотаций, образ пчелы задействован в литературных традициях разных этносов, выступая носителем «высоких нравственных смыслов» [6, с. 510]. В каждой из литератур он наполняется особыми понятийными нюансами и самобытно преобразуется [7]. Своеобразие таких трансформаций в англоязычной прозе анализируется в работах Ж. Л. Ширяевой [4], А. И. Машеро [8]. Об амбивалентности сладостно-жалящей пчелиной символики в творчестве испанского поэта Антонио Мачадо рассуждает А. Гамонедда Ланса [9]. Топосом весны пчела предстаёт у Гёте [10, с. 10]. В начале XXI в. написан и экранизирован проникновенный роман «Тайная жизнь пчел» С. Монк Кидд (Sue Monk Kidd. “The Secret Life of Bees”) о душевной травме и силе женского характера, представляющий собой развёрнутую «пчелиную» метафору [11], а в 2021 г. увидел свет психологический роман мексиканской писательницы С. Сеговии «Пение пчёл» (Sofía Segovia. “El murmullo de las abejas”).

Функционал образа пчелы в произведениях отдельных русских литераторов находится в

¹ Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича. М. : Художественная литература, 1967. 656 с. URL: <https://ru.wikisource.org/> (дата обращения: 01.12.2023).

центре внимания В. М. Ванюшева, Т. С. Степановой [12], Е. О. Козюры [13], а также ряда авторов коллективной монографии «Мир насекомых...» [14]. Вспомним, что в России литературный сатирический журнал назывался «Северная пчела». Благоговейно относился к этим крылатым и жужжащим любительницам цветочной пыльцы всемирно известный поэт Осип Мандельштам: «Возьми на радость из моих ладоней / Немного солнца и немного меда, / Как нам велели пчёлы Персефоны. <...> / Нам остаются только поцелуи, / Мохнатые, как маленькие пчёлы, / Что умирают, вылетев из улья» [15, с. 84]. Его пчёлы, родом из мифов, полны тепла, света и медовых запахов [16].

Мы же исследуем особенности семантических модификаций данного энтомонима в пространстве португальской поэзии. Эта тема не освещалась ранее ни в отечественных, ни в европейских научных публикациях. Отметим, что в языковой картине мира Португалии пчела, с одной стороны, сохраняет свою традиционную символику: основное переносное значение португальского слова *abelha* / *пчела* – это «трудолюбивый человек» [17]. С другой стороны, семантико-коннотативный арсенал этой лексемы имеет иные смыслы, что отчасти отражено в португальской фразеологии. Так, человека, который вмешивается в чужие дела и докучает советами, называют «*pessoa abelhuda*» – «некто назойливый, как пчела»; а о чём-то секретном могут сказать: «*segredo de abelha*» [18] – «пчелиная тайна».

Вобрав в себя немало символов и аллегорий – в основном положительных, – лексема *abelha* / *пчела* развивает широкий спектр вторичных метафорических значений в португальской поэзии.

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы проследить трансформацию этого «вечного» образа [8, с. 166] и выявить его семантические приращения в португальской лирике XIX–XX вв. на материале произведений выдающихся, наиболее талантливых поэтов: Алмейды Гарретта, Герры Жункейру, Антониу Нобре, Фернанду Пессоа, Софии де Мелло, Жозе Сарамаго, Фернанду Эчеваррии и некоторых других. Выбор именно этих литераторов связан с их значимостью для культуры Португалии и Европы. Каждый из них признан крупным представителем определенного художественного стиля и, кроме того, активно и творчески задействует образ пчелы в своих произведениях, пополняя арсенал связанных с ней метафор.

Поставленная цель предполагает использование комплексной методологии, включающей методы контекстуального, стилистического, семантического, герменевтического анализа и лингвокультурологического комментирования.

Пчёлы в португальской лирике

Указанное выше переносное значение слова *abelha* / *пчела* – «трудолюбивый человек» – является общечеловеческим и, пожалуй, наиболее важным в семантике этого энтомонима. Это значение актуально для португальской литературной традиции. Его мы находим, в частности, в одной из проповедей падре Антониу Виэйры (Antonio Vieira, 1608–1697), философа, мыслителя, дипломата, писателя и поэта, которого Ф. Пессоа назвал «Императором португальского языка»². С малолетства А. Виэйра жил в Бразилии, где видел каждодневный труд темнокожих и стремился улучшить их жизнь и быт. Обращаясь к рабам и противопоставляя их эксплуататорам, он пишет: «*Eles mandam, e vós servis; eles dormem, e vós velais; eles descansam, e vós trabalhais; eles gozam o fruto de vossos trabalhos, e o que vós colheis deles é um trabalho sobre outro*» [20, р. 598–599] («Они командуют, а вы слушаетесь, они спят, а вы работаете; они пользуются плодами вашего труда, а вам достается от них одно поручение за другим – и только») (перевод наш. – Авт.). Завершается проповедь сравнением рабов с пчелами: «*Sois como abelhas... as abelhas fabricam o mel, sim; mas não para si*» (Sermão XIV do Rosário – pregado na Bahia para uma irmandade de negros...) [20, р. 557] («Вы как пчелы, которые делают мед – да; но не для себя») (Проповедь Розариу, произнесенная в Баии перед братством темнокожих...). Рабы получают восторженную оценку; параллель с усердными пчёлами усиливает её.

Пчёлы проявляют удивительную разумность и упорядоченность в своей деятельности, чётко выстраивая её алгоритм. Слаженность коллективной «работы» пчелиного роя вызывает восхищение у поэта рубежа XX–XXI вв. Фернанду Эчеваррии (Fernando Echevarría, 1929–2021), чьи стихи знакомы россиянам по переводам А. Родосского.

² Так своего предшественника – Антониу Виэйру – Пессоа назвал в стихотворении из цикла «*Mensagem*» («Послание»): «*Imperador da língua portuguesa, / Foi-nos um céu também*» («И стал для нас небесной синевою / Ты, языка родного император») [19, с. 66–67].

Mais do que o mel e a colmeia trazem
esse orgao sobrio de sabedoria
que as ordena ao trabalho. E as reparte
e as reúne conforme concretizam
o polícromo peso que retém a análise
para a obra exaltar sua oficina

[21, с. 116].

Однако рой пчёл в португальской поэзии ассоциируется не только с трудолюбием, способностью упорно работать и прилежанием, но и с озорством, непослушанием: противоположные значения (организация – дезор-

A Escola Portuguesa
Eis as crianças vermelhas
Na sua hedionda prisão:
Doirado enxame de abelhas!
O mestre-escola é o zangão! [22].

Беспокойному рою пчёл в улье поэт уподобляет непоседливых учеников в классе, а учителя изображает как снисходительно вальяжного трутня. В другом, более лирич-

Recordam-se Vocês do Bom Tempo d'Outroira
(Dedicatória de introdução a «A Musa em Férias»)
Recordam-se vocês do bom tempo d'outroira,
Dum tempo que passou e que não volta mais,
Quando íamos a rir pela existência fora
Alegres como em Junho os bandos dos pardais?
C'roava-nos a fronte um diadema d'aurora,
E o nosso coração vestido de esplendor
Era um divino Abril radiante, onde as abelhas
Vinham sugar o mel na balsâmina em flor [22].

С воспоминаниями о юности связаны пчёлы и у Софии де Мелло (Sophia de Mello, 1919–2004). С ними – крылатыми собирательни-

Naquele Tempo
Sob o caramanchão de glicínia lilás
As abelhas e eu
Tontas de perfume
Lá no alto as abelhas
<...>
E cá em baixo eu
<...>
Tão ávida como as abelhas [23, p. 926].

Вместе с тем «пчела – это не только знак поэтического вдохновения, но и эмблема Эроta» [14, с. 21]. Оба этих значения акцентироват нобелевский лауреат Жозе Сарамаго

Гораздо более, чем сладкий мед
У пчелок тайный орган разуменья
Трудиться им команду подаёт.
Их разделенье и соединенье
Влечет и многоцветие работ,
И собственного улья прославленье

[21, с. 117].

ганизация) вербализуются одной и той же лексемой. Такой энантиосемичный образ создаёт критически настроенный и саркастичный Герра Жункейру (Guerra Junqueiro, 1850–1923).

Португальская школа
Вот раскрасневшиеся дети
В своей ненавистной тюрьме:
Как в улье – рой золотистых пчёл!
Школьный учитель – трутень! (здесь и далее подстрочный перевод наш. – Авт.).

ном стихотворении Герры Жункейру пчёлы предстают как спутницы весны и обновления, сладких дней веселья и беззаботной юности.

Вы помните те добрые былые времена?
(Посвящение «Музе на каникулах»)

Вы помните те добрые былые времена –
Они прошли и не вернутся больше, –
Когда смеялись надо всем мы,
Весёлые, как стайки воробьев в июне?
Сияла нам диадема рассвета,
И наше сердце объято было красотой.
Апрель был дивный, лучезарный.
Слетались пчелы на цветущий бальзамин.

цами нектара, неустанно кружащими от цветка к цветку, – поэтесса сравнивает лирическое «я», исполненное желаний (жажды) жить и творить.

В то время
Под куполом беседки, увитой лиловыми глициниями,
– Пчёлы и я,
Опьянённые ароматом.
Там, в вышине, – пчёлы
<...>
Здесь, внизу, – я,
<...>
Исполненная той же жажды, что и пчёлы.

(José Saramago, 1922–2010), который известен прежде всего как романист, но является также автором трёх поэтических сборников.

Praia
Circular, o poema te rodeia:
Em voltas apertadas vem cercando
O teu corpo deitado sobre a areia.

Como outra abelha em busca doutro mel,
Os aromas do jardim abandonando,
Vai rasando o poema a tua pele [24, p. 148].

Здесь круговое приближение пчелы к цветку, как бы нащупывание его в воздухе, метафорически обозначает и творческий порыв, зарождение стихов, и кипение мыслей, устремлённых к возлюбленной.

Hei-de trazer-te aqui para te mostrar
os pequenos barcos brancos
que levam o Verão desenhado nas velas
e trazem no bojo a alegria dos arquipélagos
onde se ama sem azedume nem pressa.
Aqui, temos a ilusão breve
de que os dias sabem a pólen
e esvoaçam nas asas das abelhas
como cartas eternamente sem resposta [22].

Элегия Летрии – задумчивая, возвышенная и романтическая. С ней контрастирует страстный жар лирики Эужениу де Андраде (Eugénio de

Retrato Ardente
No teu peito
é que o pólen do fogo
se junta à nascente,
alastra na sombra
Nos teus flancos
é que a fonte começa
a ser rio de abelhas,
rumor de tigre [22].

Второе четверостишие можно рассматривать как отсылку к древнегреческим мифам, где богиня любви и красоты Афродита ступает в сопровождении птиц, зверей и пчёл, вьющихся вокруг её бёдер. Об этом сюжете высказался М. Волошин, сближая с пчёлами всех нас: «В улье неба века и века / Мы, как пчёлы у чресл Афродиты, / Вьёмся, солнечной пылью

Pálida rosa
Pois, quando eras tão vermelha
Não vinha zângão e abelha
Em torno de ti zumbir?
Não ouvias entre as flores
Histórias dos mil amores
Que não tinhas, repetir? [22].

На побережье
Стихотворенье кружит над тобой,
К тебе все ближе, за строкой – строка.
Один свой круг замкнет – начнет другой.

Оно с пчелой в кружении этом схоже,
И как пчела – душистого цветка,
В какой-то миг твоей коснется кожи
(пер. В. Махортовой, публикуется впервые).

С мотивом любви образ пчёл ассоциируется и у других поэтов. Среди множества примеров отметим нежное и лиричное стихотворение Жозе Жоржи Летрии (José Jorge Letria, p. 1951 г.).

Я тебя позову, чтоб тебе показать
эти белые лодки –
на их парусах нарисовано лето,
на ладонях у них – радость архипелагов,
где к любви не примешаны горечь и спешка.
И тогда мы поверим в обман:
дни берут аромат у цветочной пыльцы
и вдали исчезают на крылышках пчёл,
словно письма – всегда без ответа
(пер. В. А. Махортовой).

Andrade, 1923–2005). Этот жар предстаёт в звуковых образах: знойно и жадно жужжащих пчёл и рычащего тигра.

Пылающий портрет
В твоей груди – вот где
пыльца огня
соединяется с лучом восхода
и отстраняет тень.
У чресл твоих – вот где
родник становится рекой
летающих пчёл
и рёвом тигра.

повиты, / Над огнём золотого цветка» [25, с. 146].

Пчёлы, как стрелы амура, зазывают в мир влюблённости. К тому же, они знают многие важные секреты и, по версии Алмейды Гаррета (Almeida Garrett, 1799–1854), увлечённо рассказывают о любви и разбитом сердце, которое символизирует бледная сегодня, а когда-то ярко-алая и наивная роза, чей век так недолог:

О роза бледная,
Разве, когда ты алая была,
Не прилетали пчёлы и шмели
Что-то шептать (жужжать) тебе?
Не слышала ли ты,
Как повторяют все цветы
Истории о той любви,
Которой и не знала ты?

Мысли о любви заставляют поэта задуматься и о судьбе. Впрочем, этот мотив в стихотворении А. Гаррета звучит несколько упрощённо. Любовь лирического «я» к его избраннице так же естественна и неизбежна, как полёт пчелы над цветущим лугом: «Como a abelha corre ao prado <...> / Eu no teu seio divino / Vim cumprir o

A abelha que, voando, freme sobre
A colorida flor...
<...>
Ela é a mesma que outra que não ela.
Só nós - ó tempo, ó alma, ó vida, ó morte!
Mortalmente compramos
Ter mais vida que a vida [26].

Как утверждал выдающийся философ эпохи Возрождения Джованни Пико делла Мирандола, животные растут и развиваются в соответствии с тем, что им предначертано природой. И только человеку даны свобода выбирать свой путь и возможность «возвыситься до существа небесного, если он того пожелает» [28, с. 14]. Ф. Пессоа, под маской гетеронима Рикарду Рейша, спустя века, как видим, возвращается к этой мысли⁴.

Ф. Пессоа, нередко впадавший в тоску и скорбь [30, с. 94], рисует менее оптимистичную,

Quadras ao gosto popular

Aquele senhora velha
Que fala com tão bom modo
Parece ser uma abelha
Que nos diz: «Não incomodo» [31].

Отказываясь от традиционных символических значений, таких как «скромность, одухотворённость, мудрость, храбрость, умеренность, сдержанность» [2, с. 297], поэт создаёт метафору: «навязчивый человек – это пчела», которая восходит к португальской фразеологии (см. выше). Ассоциацию между пчелой и навязчивостью стихотворцу, который превосходно владел английским языком, могло навеять и выражение

Meu violão é um cortiço,
Tem por abelhas os sons
Que fabricam, valha-me isso,
Fadinhos de mel, tão bons... [22].

meu destino» (Destino) [22] («Как пчела устремляется к цветущему лугу <...> / Я, прильнув к твоей божественной груди, / Исполнил своё предназначение» (Предназначение)).

Более глубоко – в философском ключе – мотив судьбы³ развивает Фернандо Пессоа (Fernando Pessoa, 1888–1935).

Пчела в полете трепещет над
Цветком пахучим...
<...>
Все пчелы схожи. И лишь мы должны –
О Жизнь! О время! О душа! О смерть!
Смертельно выкупать
Ту жизнь, что больше жизни [27, с. 119].

по сравнению с философией итальянского гуманиста, картину: мир природы тождественен самому себе; цветы раскрываются, не зная о том, что их красота эфемерна; пчелы беспечно кружат, не понимая, как коротка их жизнь. И лишь человек, обладая разумом, задаётся вопросами о своем предназначении, о жизни и смерти.

Обратимся, однако, к одному из немногих ироничных, шутливых стихотворений многогранного Ф. Пессоа, где задействован образ пчелы.

Четверостишия в народном вкусе

Та старая сеньора,
Которая говорит так ласково,
Напоминает пчелу,
Что уверяет нас: «Не буду беспокоить».

to have a bee in one's bonnet (дословно: «иметь пчелу в шляпе») [32], т. е. «быть одержимым какой-то навязчивой идеей».

Необычную авторскую интерпретацию образа пчелы получает в поэзии символиста Антониу Нобре (Antonio Nobre, 1867–1900). В одном из его стихотворений эти гулко жужжащие существа передают звуки гитарной струны. Их множество сливается в томное фаду.

Моя гитара будто улей,
В ней пчелы создают звучанье
И сочиняют свои фаду –
Медовые и нежные...

³ Ассоциативная линия «пчела – судьба» играет важнейшую роль и в знаковом для португальского неореализма романе Карлуша де Оливейры (1921–1981). В названии книги – «Пчела под дождем» – отражена ключевая метафора произведения. Этот образ, прежде всего, относится к юной Кларе, чьи мечты о любви и счастье рушатся, столкнувшись с реальностью, где на первое место поставлены расчёт и корысть. В то же время метафора «пчела под дождем» может быть интерпретирована и в более широком смысле: она передает идею хрупкости бытия и трагизм несбывшихся надежд.

⁴ В целом идеи Возрождения, касающиеся стремления к идеалу, существенно повлияли на знаменитого португальского модерниста, мучительно искавшего духовного пристанища и размышлявшего о божественном – «в атмосфере всеобщего трансцендентального возбуждения и социокультурных волнений» («num ambiente de desassossegos transcendentais e de inquietações socioculturais») [29, p. 343].

Не менее оригинально ещё одно чувственное сравнение А. Нобре: «губы-пчёлы». Оно встретилось нам в стихотворении с эмоциональным и страстным названием «Febre vermelha» («Красная лихорадка»): «Papoilas! Descerraes essas bocças vermelhas! / Apaga-me esta sede estonteadora e cruel: / Ó favos rubros! os meus labios são abelhas, / E eu ando a construir meu cortiço de mel...» [22]. Приве-

Ах, маки, я сражён, и вы – мой сон бредовый,
И я пчелой вопьюсь в безумно-красный рот.
Мой улей я создам, о, этот дом медовый:
Жестокой жажды жар... пунцовый сумрак сот... [33].

В слове «губы», возможно, метонимически подразумеваются и поцелуи, которых в воображении поэта будет множество – целый улей. Продолжает соматическую линию сравнений с пчёлами поэт-символист Эужениу де Каштру (Eugénio de Castro, 1869–1944) в стихотворении «Engrinalda-me com os Teus Braços» («Обвей меня объятьями»), где он уверяет возлюбленную в том, что достоин её внимания: «O meu peito é de jaspe, a minha voz macia, / Meus olhos ágeis e dourados como *abelhas*» [22]. В дословном переводе эти две строки могут прозвучать так: «Грудь моя из яшмы, ласков голос мой, / Быстрые, золотые глаза мои – как пчёлы». Эта цитата возвращает нас к теме любви, с которой образ пчёл неразрывно связан в португальской поэзии. Отмеченные нами аллегорические смыслы формируют самобытное «образное поле, в центре которого находится метафора» [34, с. 260].

Заключение

Мы проанализировали переносные значения энтомина *abelha* / пчела в наиболее интересных поэтических контекстах, созданных португальскими литераторами. Анализ материала подводит нас к выводу о том, что традиционные народные и универсальные смыслы, которые вызывает в коллективном бессознательном образ пчелы (трудолюбие, прилежание, бережливость, экономия, чистота, целомудрие), практически не поддерживаются в дискурсивном пространстве португальской поэзии, творящей иной мир ассоциаций и создающей для пчелы принципиально новую семантику: это поле чувственности, эфемерности, накала творчества и вдохновения, приближения чего-то желанного, жажды жизни, страсти, потребности любви, непослушания (школьники), поиска выхода из всего рутинного, обыденного, пресного.

При разнообразии интерпретаций и авторских ассоциативных приращений смысла

дём наш дословный перевод этой строфы: «Маки! Разомкните уста свои алые! / Утолите тягостную и жестокую жажду мою: / О, багровые соты! Ах, губы мои – это пчёлы, / Улей я строю себе...»

Своеобразное видение этой сложной цвето-точно-пчелиной коллизии предлагает в своём художественном поэтическом переводе И. Фещенко-Скворцова:

во вторичной семантике образа пчел значим временной аспект. С одной стороны, они, как правило, совершают то или иное длительное действие (кружат у Сарамого, назойливо жужжат у Пессоа). С другой стороны, жизнь их кратка (Пессоа-Рейш). Кроме того, и что ещё важнее, в поэтическом переосмыслении образа пчёл почти всегда присутствует идея интенсивности: *усердный коллективный труд, пылкая любовь, страстное желание жить и творить (жажда жизни), творческий подъём, озорство и неуёмная резвость детей, глубокие и насыщенные (густые) звуки фаду в тишине, задорный и призывный блеск глаз*. Этот образ нужен поэтам, чтобы придать особую напряжённость стремлениям, чувствам, мыслям, действиям, звукам: довести все ощущения до точки кипения.

Итак, энтоминим *abelha* / пчела претерпел значительные семантико-коннотативные трансформации в пространстве португальского поэтического дискурса, обогатив новыми смыслами лингвокультуру в целом.

Список литературы

1. Пчелов Е. В. Пчёлы в европейской и русской эмблематике и геральдике // Труды русской антропологической школы. 2012. № 10. С. 215–223.
2. Тресиддер Д. Словарь символов. М. : Гранд : ФАИР-Пресс, 1999. 448 с.
3. Бернар Клервоский. О благодати и свободе воли / пер. с лат. С. Д. Сказкина и О. И. Варьяш ; публ. О. И. Варьяш ; послесл. и примеч. В. И. Уколовой // Средние века : сб. Вып. 45. М. : Наука, 1982. С. 269–286. URL: http://antology.rchgi.spb.ru/St_Bernard/De_gratia_et_libero.rus.html (дата обращения: 22.11.2023).
4. Ширяева Ж. Л. Образ пчелы в англо-американской литературе // Актуальные вопросы романо-германской филологии и лингводидактики : сб. науч. тр. Липецк : Липецкий гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 72–76. EDN: KIUXG

5. Словарь книжников и книжности Древней Руси. URL: <https://rus-old-russian-writers.slovaronline.com/609-Пчела/> (дата обращения: 10.10.2023).
6. Терновая Л. О. Люди и пчелы: от мифологических и религиозных представлений к экономике и политике // Миссия конфессий. 2021. Т. 10, № 5 (54). С. 510–518.
7. Lida de Malkiel M. R. La abeja: historia de un motivo poético // Romance Philology. 1963. Vol. 17, № 1. P. 75–86.
8. Машеро А. И. Образ пчелы в англоязычной литературе и кинематографе // Запад и Восток в диалоге культур : сб. материалов X Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. Б. Царьковой, А. А. Люлюшина. Липецк : Липецкий гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 166–168. EDN: PAISXT
9. Gamoneda Lanza A. De fantasmas y hadas. Erótica, mágica y poética simbolistas en Soledades de Antonio Machado // Tropelías. Revista de Teoría de la Literatura y Literatura Comparada. 2020. Número extraordinario № 7. P. 109–127. https://doi.org/10.26754/ojs_tropelias/tropelias.202074655
10. Андреюшкина Т. Н. Жанровая вариативность стихотворения-каталога в поэзии И. В. Гете // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2017. Т. 2, № 3. С. 7–14.
11. Юйяо Л. Феномен синестемии в романе С. М. Кидд «Тайная жизнь пчел». СПб., 2021. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/30861/1/VKR____LI_Ujao.pdf (дата обращения: 10.10.2023).
12. Ванюшев В. М., Степанова Т. С. «Легенда о пчеле» в творческих исканиях Г. Е. Верещагина // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2019. № 2. С. 109–114.
13. Козюра Е. О. Плоды и пчелы в поэзии Василия Комаровского и Осипа Манделштама // Осип Манделштам и феноменологическая парадигма русского модернизма : сб. науч. тр. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2008. С. 113–127.
14. Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка / отв. ред. А. И. Смирнова. М. : Книгодел ; МГПУ, 2020. 400 с.
15. Манделштам О. Э. Tristia // Манделштам О. Э. Собр. соч. : в 4 т. / под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. М. : ИЦ «Терра», 1991. Т. 1. С. 55–91.
16. Разумкова Н. В. Лексические репрезентации сенсорных образов в лирике Осипа Манделштама // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Т. 8, № 3 (31). С. 23–44. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2022-8-3-23-44>
17. Infopedia. URL: <https://www.infopedia.pt/> (дата обращения: 12.11.2023).
18. Dicionário Priberam. URL: <https://dicionario.priberam.org/> (дата обращения: 13.09.2023).
19. Пессоа Ф. Послание / пер. О. Овчаренко. М. : Русская философия, 2023. 123 с.
20. Antônio Vieira. Sermões: Padre Antônio Vieira. T. 2, org. e introd. Alcir Pécora. São Paulo : Hedra, 2008. 602 p.
21. Современная португальская поэзия / под ред. В. Копыла ; сост. Е. Голубева, А. Родосский. СПб. : Симпозиум, 2004. 316 с.
22. Citador. Citações e frases. URL: <https://www.citador.pt/> (дата обращения: 12.09.2023).
23. Andresen S. de M. B. Obra poética. Porto : Assírio & Alvim, 2015. 992 p.
24. Saramago J. Poesia completa. Lisboa : Assírio & Alvim, 2022. 356 p.
25. Волошин М. Собр. соч. : в 13 т. / сост. : В. П. Купченко, А. В. Лавров. Т. 1. М. : Эллис Лак, 2003. 608 с.
26. Obra de Fernando Pessoa // Arquivo Pessoa. URL: <http://arquivopessoa.net/> (дата обращения: 07.09.2023).
27. Пессоа Ф. Оды Рикарду Рейша / пер., вступ. ст. и прим. И. Фещенко-Скворцовой. М. : Воймега, 2020. 264 с.
28. Баткин Л. М. «Чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь»: о Пико делла Мирандола // Пространство и Время. 2013. № 4 (14). С. 13–20. EDN: RKXOSR
29. Dixe S. Os deuses são uma função do estylo: A mitologia clássica na história cultural da Europa // TeoLiterária – Revista De Literaturas E Teologias, 2021. Vol. 11, № 23. P. 343–379. <https://doi.org/10.23925/2236-9937.2021v23p343-379>
30. Овчаренко О. А. Особенности гетеронимии в лирике Фернанду Пессоа // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 93–99. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-93-99>
31. Escritas. URL: <https://www.escritas.org/pt/t/13204/fabula-da-fabula> (дата обращения: 18.10.2023).
32. Collins dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/to-have-a-bee-in-your-bonnet> (дата обращения: 14.10.2023).
33. Стихи.ру – российский литературный портал. И. Фещенко-Скворцова. URL: <https://stih.ru/2011/05/07/6927> (дата обращения: 17.10.2023).
34. Козинец С. Б. Зоонимы в образном пространстве языка: метафора, сравнение, фразеологизм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 254–260. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-254-260>, EDN: ADJNAL

Поступила в редакцию 27.12.2023; одобрена после рецензирования 09.01.2024; принята к публикации 05.02.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 27.12.2023; approved after reviewing 09.01.2024; accepted for publication 05.02.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 296–301

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 296–301

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-296-301>, EDN: NYKMJJ

Научная статья

УДК 811.111(73)276'367.627

Особенности функционирования числительных в субстандартной лексике афроамериканского социально-этнического диалекта

Т. А. Александрова ✉, Н. В. Лазовская

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Александрова Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, talexandrova503@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4216-5546>

Лазовская Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, lazovskaya.natalia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9879-1573>

Аннотация. Язык, как важнейшее средство коммуникации, представляет собой постоянно развивающуюся систему знаковых единиц, которая эволюционирует в соответствии с установленными правилами и законами, отображая живую динамику общества. Отражая особенности характера народа, его мышление, культуру, каждый язык формирует свой собственный механизм выражения количества. Обращение к проблемам изучения числовой структуры в рамках отдельной социально-коммуникативной системы в тесной связи с окружающей действительностью является актуальным на сегодняшний день. Цель данной работы заключается в изучении специфики употребления числительных в лексике афроамериканского населения США. Материалом исследования послужили субстандартные лексические единицы с компонентом имя числительное, полученные из англоязычных текстовых источников: толковых словарей американского варианта английского языка, общеамериканского и афроамериканского сленга, текстов музыкальных композиций, интернет-ресурсов. Труды Е. И. Пуятинной, Ю. В. Бопп по рассмотрению числительных, Дж. Дилларда, Ж. Смитермана по изучению афроамериканского социально-этнического диалекта составили теоретико-методологическую основу данной работы. Использование методов эмпирического наблюдения и сплошной выборки, статистического и контекстного анализа позволило выявить функциональные, исторические, социокультурные аспекты употребления числительных в разговорной речи афроамериканцев. Анализ выражения потенциала числительных показал выдвигание на первый план проявления информационной, воздействующей и конспиративной функций. Благодаря метафорическому переносу числительные могут быть использованы для выражения оценочных значений, расширяя свою функцию в языке.

Ключевые слова: социально-этнический, диалект, афроамериканский, числительное, лексическая единица, субстандартная лексика

Для цитирования: Александрова Т. А., Лазовская Н. В. Особенности функционирования числительных в субстандартной лексике афроамериканского социально-этнического диалекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 296–301. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-296-301>, EDN: NYKMJJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of the functioning of numerals in the substandard lexicon of the African American social and ethnic dialect

Т. А. Aleksandrova ✉, N. V. Lazovskaya

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Tatyana A. Aleksandrova, talexandrova503@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4216-5546>

Natalia V. Lazovskaya, lazovskaya.natalia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9879-1573>

Abstract. Language, as an essential means of communication, is a constantly evolving system of sign units. It develops in accordance with established rules and laws, reflecting the living dynamics of society. Reflecting the character of the people, their thinking, culture, each language forms its own mechanism for expressing quantity. Addressing the problems of studying the number structure within a separate social and communicative system in close connection with the surrounding reality is relevant today. The purpose of this work is to study the specifics of the use of numerals in the vocabulary of the African American population of the United States. The research material was substandard lexical units with the numeral name component, obtained from English-language text sources: explanatory dictionaries of the American version of English, general American and African American slang, texts of musical compositions, Internet resources. The works of E. I. Putyatina, Yu. V. Bopp on the consideration of numerals, J. Dillard, J. Smitherman on the study of the African American Social and Ethnic Dialect formed the theoretical and methodological basis

of this work. The methods of empirical observation and continuous sampling, statistical and contextual analysis are used in the work to identify functional, historical, socio-cultural aspects of the use of numerals in the colloquial speech of African Americans. The analysis of the expression of the potential of numerals shows the prominence of the manifestation of informational, influencing and conspiratorial functions. The results suggest that, thanks to metaphorical transference, numerals can be used to express evaluative values, expanding their function in the language.

Keywords: social and ethnic, dialect, African American, numeral, lexical unit, substandard vocabulary

For citation: Aleksandrova T. A., Lazovskaya N. A. Features of the functioning of numerals in the substandard lexicon of the African American social and ethnic dialect. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 296–301 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-296-301>, EDN: NYKMJJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одним из значимых элементов формирования личностного мировоззрения, логической культуры мышления, отражения действительности является число, лексическое значение которого воспроизводится в числительных. Ввиду того, что «именно количественные представления и придают окружающему миру пространственную, а также временную очерченность и определенность» [1, с. 90], имя числительное занимает особое положение в системе частей речи и является предметом изучения многих отечественных и зарубежных лингвистов.

Слова, возникновение которых датируется примерно 3000 г. до н.э., вызывают неослабевающий научный интерес для целого ряда исследований на протяжении многих лет. В определенных лингвистических трудах зарубежных и отечественных ученых в той или иной мере рассматривается данная единица системы языка. Так, И. Г. Милославский [2], Ф. И. Буслаев [3] относят числительные к именам прилагательным. О. Ф. Жолобов [4], Л. Д. Чеснокова [5] выделяют их в особую часть речи. В. В. Виноградов [6], А. А. Реформатской [7] изучают числительное в синхронном аспекте. Диахроническому анализу посвящены работы И. М. Багрянского [8], Л. И. Станкевич [9]. Исследования А. Э. Гармаевой [10], А. А. Осиповой [11], В. В. Шевченко [12] связаны с семантикой числительных в различных языках. Разногласия в трактовке номинативных и функциональных признаков числительных можно найти и в работах английских лингвистов, таких как Д. Р. Нарфольд [13], К. Менингер [14], Р. Кверк, С. Гринбаум, Дж. Лич и Я. Свартвик [15].

В языках мира существует богатое разнообразие систем образования и использования числительных, каждая из которых отражает особенности культуры и мышления народа. Афроамериканский социально-этнический диалект (далее – ААСЭД) является уникальным и богатым по своей лингвистической природе. «Афроамериканский социально-этнический диалект – не только лингвистическое явление, но также социально-историческое. В нем переkre-

щаются явления разных исторических срезов, сочетающиеся с социальными, политическими, экономическими факторами» [16, с. 120].

До настоящего времени среди исследователей нет единства мнений по поводу статуса афроамериканского английского. В одних источниках он рассматривается как самостоятельный полноправный язык, адекватно обеспечивающий все коммуникативные потребности афроамериканского населения, в других он ассоциируется с жаргоном и сленгом. Неопределенность статуса ААСЭД нашла свое отражение в неустойчивости его именования: Black English Vernacular, Black Talk, Afro-American Slang, Black Street Speech, Spoken Soul, African American Vernacular English (AAVE), Ebonic, Black English. Мы разделяем мнение тех лингвистов, которые относят его к разряду социально-этнических диалектов, функционирующих в социально-коммуникативной системе США и обладающих комплексом отличительных социальных, функциональных и структурных признаков. Данный диалект наделен отличительной чертой поскольку, несмотря на главенствующее положение американского варианта английского языка, в нем присутствует определенный пласт лексики ограниченной сферы употребления. Субстандартная лексика (стилистически-сниженная), представляющая собой вполне самостоятельную подсистему афроамериканского английского языка, относящаяся по большей части к устной речи, отражая социокультурные условия жизни чернокожего населения, незамедлительно реагирует структурными и семантическими новообразованиями на перемены, происходящие в обществе и в окружающем мире. Исторические, религиозные, культурные, политические и коммуникативные трансформации отчетливо отображаются в лексическом составе ААСЭД, способствуя образованию новых субстандартных слов, которые, в свою очередь, проникают в повседневную разговорную речь американцев независимо от их расовой принадлежности, оказывая значительное влияние на языковую и культурную динамику Соединенных Штатов Америки.

Построенный на четкой, определенной системе фонетических, грамматических и лексических правил, язык афроамериканцев понятен и используется широким речевым сообществом. Нестандартный вариант английского языка, на котором говорит чернокожее население США, является вполне сформировавшимся языковым образованием, в котором присутствуют те же основные знаменательные части речи, что и в английском языке. Однако немаловажной по образованию новых слов в настоящее время является группа лексических единиц, структура которых связана с включением числительного в словообразовательный процесс. «Числительное – это часть речи, характеризующаяся категориальным значением определенного числа, порядка и кратности, а также особенностями синтаксического функционирования и особыми моделями формо- и словообразования» [17, с. 514].

Важно отметить, что лексика ААСЭД не является однородной и статичной системой, а представляет собой динамичный и изменчивый порядок коммуникации, который воссоздает историю и разнообразие афроамериканской культуры. С лингвистической точки зрения язык афроамериканцев отображает слияние элементов британского английского со специфическими особенностями западноафриканских диалектов. В ряде лексических, грамматических и фонетических признаков ААСЭД выделяются явные доказательства того, что рабы-африканцы, изучая английский язык, адаптировали его к системе родного языка. Так, на фонетическом уровне об этом свидетельствуют процессы выпадения согласных на конце слога, например *firs' officer* (конечный согласный [t] не произносится).

Субстандартная лексика ААСЭД служит не только способом коммуникации, но и средством самовыражения и создания связей внутри афроамериканского сообщества. Разговорная речь афроамериканцев является важной и неотъемлемой частью американской культуры. В разговорной речи ААСЭД числительные выполняют информационную и эмотивную (оценочную) функции. «Информационная функция осуществляется через логико-понятийную сторону речи, отличающуюся в известной степени нейтральностью, точностью и объективностью выражения» [18, с. 29]. *Why do stores that are open 24/7 have locks?* [19] (Почему магазины, которые должны работать 24 часа в день, закрыты?) (здесь и далее перевод наш. – Авт.).

Эмотивная функция числительных в субстандартной лексике ААСЭД выражается стремлением к репрезентации разнообразных

экспрессивных состояний и характеристик, к приданию уже существующим единицам наиболее образных, оценочных коннотаций. Например, уничижительная кличка афроамериканцев *8 ball* получила популярность благодаря бильярдной игре пул, в которой использовано пятнадцать шаров разного цвета, из которых восьмой шар черный. Эмоционально-оценочный характер данного наименования является отражением негативного отношения к представителям чернокожего населения США белых американцев. Данное прозвище используется с целью унижить, надсмеяться, обидеть, дать выход своей недоброжелательности и озлобленности. Как видим, проблема существования расовых противоречий в американском обществе по-прежнему остается актуальной в настоящее время.

Расширение коммуникативной функции языка, обобщение восприятия, стремление к краткости передачи информации, экономии языковых усилий является характерным для субстандартной разговорной речи. *Rollin' down the street in my 64* [20] (Катаюсь по улице в своем 'Шевроле Импала' 64-го года выпуска). Принцип языковой экономии в данном случае заключается в концентрации информации в числовую структуру ('64' – 'Шевроле Импала' 64-го года выпуска).

Не считая потребности в повышении выразительности речи, оперативном изложении информации, причиной частого употребления числительных среди афроамериканцев является стремление отделиться от культуры белого населения, создание своего тайного «кода». Так, популярный чернокожий рэпер Тупак Шакур, используя в названии своего альбома «*Strictly 4 My N.I.G.G.A.Z*» числительное 4, намекает, что его творчество предназначено для малочисленной категории людей, «исключительно для моих негров», которые испытывают такие же, как и он, чувства и эмоции.

Для обозначения наркотических веществ афроамериканцы также используют своеобразный шифр: 8 'героин', 5 *on it* '5 долларов за пакетик марихуаны', 4:20 'время курить'. Синонимом управления транспортным средством в состоянии опьянения является числовой код полиции 502, обозначающий вождение в нетрезвом виде: *Got my license suspended cause I was busted for a 502* [21] (У меня отозвали лицензию. Меня задержали за вождение в алкогольном состоянии). Для номинации полиции задействованы такие числительные, как 5-0, *Big 4*, 12: *Yo! Five O is down tha street* [22] (Полиция на улице).

Следует отметить, что подавляющее большинство числительных, отображающих обусловленный цифровой шифр, имеют отношение к преступной деятельности. К данной тематической группе относятся числительные, обозначающие виды преступлений (например, хранение и сбыт наркотических веществ, вооруженный грабеж, убийство), указанные в соответствующих статьях уголовного кодекса штата): 187 'убийство', 211 'вооруженный разбой', 5150 'опасное поведение', 808 'хулиганство': *I'm back with a 808 cause I'm bossy* [23] (Я опять влип за хулиганство). Следующие числительные означают срок отбывания наказания за совершение преступлений: 2 to 4 'тюремное заключение от 2 до 4 лет', 25 to L 'от 25 лет тюрьмы до пожизненного заключения': *Hit with a 2 to 4 is difficult* [24] (Угодить на срок до 4 лет довольно сложно). Организованная преступность формирует особый язык и для обозначения огнестрельного оружия: 9,10,32, deuce 5, 38, AK-47 (цифра – номер модели либо калибр): *The burglar died from a single shot to the head from a 22* [25] (Грабитель умер от единственного выстрела в голову из пистолета 22-го калибра).

Использование числительных 40, 64, 8 Ball при наименовании спиртных напитков в субстандартной лексике ААСЭД во многом обусловлено конспиративной и опознавательной функциями – *I'm gonna pick up some 40's for tonight* [26] (Собираюсь взять немного пива сегодня вечером). Как видим, роль эмоциональной оценочности числительных, реализующейся путем переноса значения, предопределяется взаимосвязью обозначенных функций.

Понимание и владение афроамериканским вариантом английского языка является важным инструментом для эффективной работы правоохранительных органов. Так, специалисты отдела по борьбе с наркотиками («Drug Enforcement Administration») имеют в своем распоряжении переводчиков, способных интерпретировать особенности субстандартной лексики чернокожего населения. Например, использование верного перевода выражения *lil neakers* '9 унций кокаина' (*neakers* обозначает цифру 9, *lil* – унция) способствует более точным и понятным заключениям при анализе контекста наркотической деятельности.

Стоит заметить, что афроамериканцы иногда используют числительные как эвфемизмы во избежание употребления низкой, грубой, ненормативной лексики: 3-6-9 вместо 'shit', 4-9-3-11 вместо 'dick'.

Язык афроамериканцев пропитан в большей степени музыкой и танцами, характерными

для чернокожей культуры. Многие хип-хоп- и рэп-исполнители используют субстандартную лексику в своих текстах, что позволяет им лучше передать свои эмоции и поддерживать связь с аудиторией. Так, количественные представления в языке афроамериканцев нашли свое отражение в установках и ценностях хип-хоп-движения: 1 and 2 'компакт-диск', 1,2 step 'танец в стиле раннего хип-хопа', 1-2 'тестирование стереомикрофона': *We in da club doin' the same old 2-step* [27] (Мы танцуем по-старому).

Имя числительное в субстандартной лексике ААСЭД является важной составляющей афроамериканского лингвистического наследия. Оно отражает богатство и многообразие языковых выражений внутри данного сообщества и служит инструментом для выражения культурных и социальных значений. Например, использование числительных связано как с цифровой репрезентацией знаменательных дат в истории чернокожего населения США: 1555 указывает на год, когда в Америку впервые прибыли корабли с рабами из Африки – *Sayin' 1555 how I'm livin* [28] (Сказать, как я живу с первых лет рабства); так и с обозначением временных категорий, например, 'часы', 'сутки', 'неделя', 'год' – *Kristie acts stupid 365* [29] (Кристи постоянно ведет себя глупо). (Числительное 365 в значении '365 дней в году' употребляется в значении 'постоянно, непрерывно, изо дня в день'.)

Номера некоторых телефонных департаментов США также пополняют словарь ААСЭД, где числительное отражает понятие, которое совпадает с телефонным номером соответствующей службы: 411 'информация, факты' – *Damn she's fine, I am gonna go get the 411 on her* [30] (С ней все в порядке. Я собираюсь узнать кое-что у нее). (В США 411 является номером телефонной справочной службы.) Интересно отметить, часто в речи афроамериканцы применяют название телефонного кода города вместо его названия: 504 'Новый Орлеан', 313 'Детройт', 212 'Нью-Йорк' – *I was about to head out to the 504* [31] (Я думаю отправиться в Новый Орлеан).

Особенностью большинства числительных в лексике афроамериканского населения США является их сочетаемость с существительным. Вот почему в словаре ААСЭД формируются устойчивые словосочетания и идиомы: *Audi 5000* 'прощание' (модель седан Audi 5000 ассоциируется с быстрым стартом, так как изначально у автомобиля наблюдалось непреднамеренное ускорение) – *I'm Audi 5000* [32] (Я убываю). Фраза *21 & Lewis* произошла от названия улицы в Лонг-Бич в Калифорнии

и является указанием для водителя повернуть налево в определенное время и в определенном месте. Данный способ навигации возник благодаря тексту композиции афроамериканских рэперов Уоррена Джи и Нейта Догга «Regulate» – *So I hook a left on the 21 and Lewis* [33] (Я повернул налево).

Появление выражения *40 acres and a mule* ‘40 акров и мул’ в значении символической компенсации рабства связано с решимостью афроамериканцев привлечь внимание общества к своим проблемам. Данная лексическая единица зародилась во времена Гражданской войны в США, когда правительство сначала выделило конфискованную у плантаторов землю бывшим рабам в размере 40 акров на семью, а затем президент Джонсон своим указом остановил перераспределение земли, возвратив ее землевладельцам Белой Конфедерации. По этой причине в некоторых штатах были установлены «черные кодексы», согласно которым устанавливался рабский режим работы для афроамериканцев. В дальнейшем данное словосочетание стало боевым кличем чернокожих американцев в борьбе за свои гражданские права.

Введением в план восприятия содержания исторического события афроамериканский рэпер Канье Уест (Kanye West) в композиции «All Falls Down» показывает стремление своих сограждан к обществу, где отсутствуют расизм и расовая дискриминация – *We shine because they hate us, floss cause they degrade us. We trying to buy back our 40 acres* [34] (Мы сияем, потому что они ненавидят нас, мы чистим зубы, потому что они унижают нас. Мы пытаемся вернуть наши 40 акров). Как видим, не только выражение количества, но и тенденция на передачу знаний об окружающем мире, на коммуникацию, придание существующим единицам особых эмоционально-оценочных коннотаций характерно для числительных в субстандартной лексике ААСЭД.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

В разных культурах существуют различные языковые системы счисления и способы их использования, общей целью которых является описание и осмысление мира через его количественные аспекты. Включение числительного в словообразовательный процесс ААСЭД является одним из значимых и продуктивных способов пополнения словарного состава на современном этапе. Вариации в образовании числительных обусловлены различными факторами, такими как географическое положение,

возраст, образование, социальный статус, сфера деятельности и т.д. Помимо цифр также имеет место словесное представление числительных, при котором отсутствуют четкие рамки графического и вербального выражения числа.

Использование числительных в разговорной речи афроамериканского населения США связано с осуществлением ими информационной и воздействующей функций. Тенденция к распространению числительных рассматривается как готовность к экономному использованию языковых средств, так и желание создать секретный «код», рассчитанный на узкий круг людей и облегчающий общение среди своих.

Отличительным признаком субстандартной лексико-семантической системы ААСЭД следует считать использование числительных, которые в результате метафорического переноса употребляются для выражения оценочных значений. Значительное количество числительных в субстандартной лексике ААСЭД, представленных словосочетаниями и идиомами, отображают значимые изменения в американском обществе: работорговля на американском континенте, этническая изоляция афроамериканского населения, движение в защиту гражданских прав и свобод, возникновение афроамериканской субкультуры. Бесспорно, появление и использование числительных в субстандартной лексике ААСЭД определено особенностями социально-коммуникативной системы афроамериканского общества, спецификой этнического менталитета, субкультурными стереотипами и субкультурной аксиологией.

Данная работа не претендует на завершённое исследование анализа структурно-семантических особенностей субстандартных единиц ААСЭД. Представляется, что рассмотрение таких специфических способов пополнения словарного состава ААСЭД, как семантическая инверсия и «кодовая» форма общения, могли бы дать интересные результаты.

Список литературы

1. Жолобов О. Ф. Древнеславянские числительные в этимологическом и сопоставительном аспектах // Сопоставительная филология и полилингвизм : сб. науч. тр. / под общ. ред. А. А. Аминовой, Н. А. Андромоновой. Казань : КГУ, 2003. С. 82–91.
2. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М. : Просвещение, 1981. 254 с.
3. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Изд. 7-е. М. : URSS : ЛЕНАНД, 2006. 340 с. (Лингвистическое наследие XIX века).

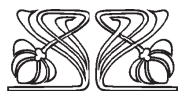
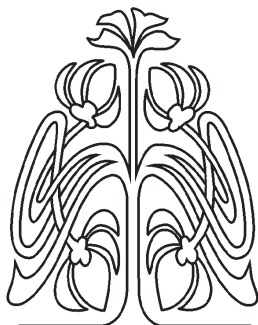
4. Жолобов О. Ф. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 4. Числительные. М. : Азбуковник, 2006. 358 с.
5. Чеснокова Л. Д. Имя числительное в современном русском языке: Семантика. Грамматика. Функции. Ростов н/Д : Гефест, 1997. 291 с.
6. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 3-е изд., испр. М. : Высшая школа, 1986. 640 с.
7. Реформатский А. А. Число и грамматика // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М. : Наука, 1987. С. 16–21.
8. Багрянский И. М. К вопросу о развитии числительных как самостоятельной части речи в русском языке // Труды Самаркандского университета, 1962. Вып. 118. С. 207–217.
9. Станкевич Л. И. История сочетания количественных числительных с существительными и прилагательными в русском и украинском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1956. 17 с.
10. Гармаева А. Э. Числовая символика в монгольских языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2009. 25 с.
11. Осипова А. А. Семантика и символика лексем со значением числа в русской, английской и французской языковых картинах мира (опыт сопоставительного исследования) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 22 с.
12. Шевченко В. В. Символика и значения числовых компонентов в английских фразеологических единицах : автореф. дис. ... канд. филол. наук М., 2001. 16 с.
13. Hurford J. R. Language, and Number: The Emergence of a Cognitive System. New York : Basil Blackwell, 1987. 322 p.
14. Menninger K. Number words and number symbols. A cultural history of numbers. Cambridge : M.I.T. Press, 1970. 480 p.
15. Кверк Р., Гринбаум С., Лич Дж., Свартвик Я. Грамматика современного английского языка для университетов = Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English / под ред. И. П. Верховской. М. : Высшая школа, 1982. 391 с.
16. Максимова С. Ю., Мацюпа К. В. Афроамериканский социально-этнический диалект: коммуникативный и типологический статусы // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2022, № 1 (6). С. 112–123. <https://doi.org/10.24412/2658-5138-2022-6-112-123>
17. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд. М. : КомКнига, 2007. 576 с.
18. Ким Н. М. Функционирование имен числительных в публицистических текстах // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2010. № 52. С. 28–33.
19. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=24%2F7> (дата обращения: 09.01.2024).
20. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=64> (дата обращения: 09.01.2024).
21. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=502> (дата обращения: 18.01.2024).
22. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Five%20O> (дата обращения: 18.01.2024).
23. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=808> (дата обращения: 09.01.2024).
24. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=2%20TO%204> (дата обращения: 18.01.2024).
25. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=.22> (дата обращения: 09.01.2024).
26. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=40> (дата обращения: 09.01.2024).
27. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=1%2C2%20step> (дата обращения: 09.01.2024).
28. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=1555> (дата обращения: 09.01.2024).
29. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=365> (дата обращения: 18.01.2024).
30. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=411> (дата обращения: 18.01.2024).
31. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=504> (дата обращения: 18.01.2024).
32. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Audi%205000> (дата обращения: 09.01.2024).
33. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Hook%20a%20left%20on%20the%2021%20and%20Lewis> (дата обращения: 09.01.2024).
34. HotNewHipHop. URL: <https://www.hotnewhiphop.com/> (дата обращения: 09.01.2024).

Поступила в редакцию 23.01.2024; одобрена после рецензирования 09.03.2024; принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

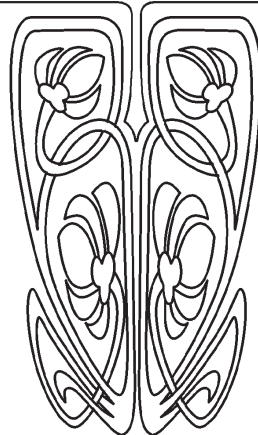
The article was submitted 23.01.2024; approved after reviewing 09.03.2024; accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 302–308

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 302–308

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-302-308>

EDN: OGJNHX

Научная статья

УДК 316.7-028.41|20|

Семантический диапазон понятия «читатель» в современной русской культуре

В. В. Прозоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Аннотация. Общепризнаны негативные превращения, связанные с культурой чтения в XXI в. В первую очередь, и небезосновательно, в поле зрения филологов и педагогов попадает читатель художественных произведений. Наша цель осознать современный смысловой диапазон понятия «читатель» на фоне устоявшегося читательского образа в коллективной (поговорочно-поговорочной) народной памяти. Нас интересует проблема институционализации российского читателя. Пристального внимания заслуживает вопрос о том, в какой степени предложенная В. Г. Белинским в цикле статей «Сочинения Александра Пушкина» динамичная типология русского читателя первой трети XIX в. обнаруживает универсальность своих оснований и способна помочь в понимании процессов, происходящих с читателем и чтением художественной литературы в настоящее время. В истории читательского восприятия искусства слова наблюдается подвижное равновесие и противостояние упрямо инерционного и напористо инициативного начал. В общественно-художественной жизни неизменно участвуют заслуживающие авторитета приверженцы устоявшихся, привычных эстетических ценностей и адепты новых форм и нового содержания в словесном искусстве. Им чаще всего послушно внимает подавляющее большинство традиционалистов и приверженцев моды. Ныне читатели разных возрастов и разной эстетической подготовленности деятельно осваивают сетевое пространство с его огромными гипертекстовыми и интерактивными готовностями. Семантический диапазон понятия «читатель» пополняется новыми смыслами: читатель художественной литературы – постоянный пользователь интернета; активный читатель, жаждущий критико-аналитической самореализации; читатель, пробующий доверять свои непосредственные впечатления от прочитанного публичному пространству; читатель, взявшийся за написание собственных стихотворных и прозаических текстов и усердно ждущий откликов на них. Рунет на свой лад возвращает к жизни привычные для прошедших эпох собирательные понятия «читательская публика» и «массовый читатель».

Ключевые слова: читатель, чтение, книга, художественная литература, типы читателей, читатель в интернете

Для цитирования: Прозоров В. В. Семантический диапазон понятия «читатель» в современной русской культуре // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 302–308. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-302-308>, EDN: OGJNHX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Semantic range of the concept “reader” in contemporary Russian culture

V. V. Prozorov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Valery V. Prozorov, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Abstract. Negative transformations associated with the culture of reading in the 21st century are generally recognized. First of all, and not without reason, the reader of fiction comes into the field of vision of philologists and teachers. The goal of the article is to analyze the modern range of meanings of the concept “reader” against the backdrop of the established reader’s image in the collective (proverbial) folk memory. The author is interested in the problem of institutionalization of the Russian reader. The question to what extent the dynamic typology of the Russian reader of the first third of the 19th century, proposed by V. G. Belinsky in his series of articles “The Works of Alexander Pushkin”, reveals the universality of its foundations and can help in understanding the processes occurring with the reader and the reading of fiction at present, deserves close attention. In the history of the reader’s perception of the art of the word, there is a moving balance and conflict of stubbornly inertial and assertively proactive principles. Respected followers of established, habitual aesthetic values and supporters of new forms and new content in verbal art have become unfailing participants of social and artistic life. They are most often obediently heeded by the overwhelming majority of traditionalists and fashion followers. Nowadays, readers of different ages and different aesthetic backgrounds are actively exploring the network space with its huge hypertext and interactive capabilities. The semantic range of the concept “reader” is enriched with new meanings: a reader of fiction – a regular user of the Internet; an active reader longing for critical and analytical self-realization; a reader trying to entrust his or her immediate impressions of what he or she has read to the public space; a reader who has taken up writing his or her own poetic and prose texts and is patiently awaiting responses to them. Runet, in its own way, brings back to life the collective notions of the “reading public” and “mass reader”, familiar for the past epochs.

Keywords: reader, reading, book, fiction, types of readers, reader on the Internet.

For citation: Prozorov V. V. Semantic range of the concept “reader” in contemporary Russian culture. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 302–308 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-302-308>, EDN: OGJNHX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Под семантическим диапазоном понимаются широта и гибкость значений интересующего нас в масштабах русской культуры понятия «читатель». Понятие это в наше время приобретает устойчиво ностальгическое звучание. Оно знаменует явление, которое недавно еще казалось успешно в России функционирующим, но которое на наших глазах резко меняется, вызывая массу горьких констатаций.

Размышляя о читателе, мы и в повседневном обиходе, и в специальном общении имеем в виду прежде всего читателя художественных, художественно-документальных, художественно-публицистических произведений, в создании которых особая роль отводится вольному авторскому воображению. Об этом читателе и пойдет речь. Вот немногие из широко тиражируемых суждений: «писателей сегодня больше, чем читателей», «современные дети не читают», «читатель исчезает как класс», «читатель исчез как вид», «читатель пропал»... Этим не только социальные сети пестрят. Они-то как раз вносят чувствительные коррективы в общую негативную картину. Бьют тревогу взрослые учителя и родители, писатели и критики, филологи и журналисты (см.: [1, 2]).

Чтобы взвешенно оценить происходящие с читателем превращения, стоит вспомнить, что представляет собой феномен чтения в нашей культурной памяти и от каких очертаний читательского образа мы отталкиваемся, сравнивая «век нынешний и век минувший».

1. Читатель в русской народной традиции

Интересующее нас понятие имеет в виду носителя инициативно-действенного начала, обозначаемого глаголом *читать*. Слово это восходит к общеславянским формам, в которых мерцают захватывающие воображение смыслы, вроде таких, как «считать», «почтить», «ценить», «думать» [3, с. 367, 374–375]. Ныне этот глагол в самом распространенном его значении определяет умение воспринимать написанное / напечатанное – про себя или вслух. Искусство чтения предполагает развитие в человеке следующих ценностно-психологических свойств:

- фокусированное внимание на индивидуальных особенностях облюбованной художественно-жанровой данности;
- богатый набор эмпатических характеристик, сопровождающих эмоционально-интеллектуальное переживание и осознание литературных сюжетов в их бесконечной множественности;

– склонность к многообещающему восприятию заключенных в совершенных текстах эвристических ожиданий и откровений.

Собирательное понятие «читатель художественных текстов» – явление относительно молодое в истории нашей культуры. Заметное распространение получит оно в веке XVIII. Читательская публика рождением своим обязана XIX столетию. В веке XX увлеченно и пафосно заговорят о читателе массовом. Чтение в России соотносится с разными оценочными словами: «вдумчивое», «увлекательное», «занимательное», «полезное», «трудное», «легкое», «скудное», «утомительное»... Каждое из определений бросает свет на важные особенности читательских практик, многократно описанных в художественной и научной литературе.

Древнерусская книжность развивалась как культура душеспасительная и назидательная. Необычайно высок был авторитет мудрого книжника, почиталось учение книжное, являвшее в себе свет духовный [4, с. 55–78]. Здесь истоки едва ли не сакрального, подверженного кризисным испытаниям, но неизменно отличительного измерения русской жизни, которое получит наименование «литературоцентризм» [5].

Важный пласт представлений о пользе чтения и читательских умениях содержит богатый фонд русских пословиц и поговорок [6]. Зоркая народная наблюдательность определяет неоспоримые достоинства чтения: «С книгою жить – век не тужить»; «Побольше грамотных, поменьше дураков». Случается и констатация сложностей на пути одоления читательских премудростей: «Азбука наука, а ребятам бука (мука)»; «Много прочел, да мало учел». Русская пословица намекает и на то, что к приятию грамоты предпосылки нужны: «Наука учит только умного. Не всякому все дается»; «Грамотею и книги в руки». Более того, «недоученный хуже неученого». Как забавный озорной вариант: «Ученая ведьма хуже прирожденной».

Особого внимания заслуживают преимущества слова письменного перед словом устным: «Перо смелее языка»; «Язык коснеет, а перо не робеет». Высок авторитет печатного книжного слова: «Лучше печатного не скажешь. Говорит, как книга»; «Супротив печатного не соврешь»; «Книга мала, да ума придала». Не единожды народная мудрость напоминает об ответственности пишущего: «Не пером пишут, умом»; «Напишешь пером, не стешешь (не вы-

рубишь) топором». Житейский опыт подсказывал: «Бумажки клочок в суд волочет». Писаное слово может быть и лукаво многозначным и не вполне ясным: «Врет по-печатному»; «Это вилами писано». Случаются и сомнения в абсолютной пользе от просвещения: «Ныне много грамотных, да мало сытых». С другой стороны: «Сытое брюхо к учению глухо».

Пословицы судят и о самой культуре чтения: «Ленивому Микишке всё не до книжки»; «Не на пользу читать, коли только верхки хватать»; «Глядит в книгу, а видит фигу». Подаются предостережения и советы: «Не складна письмом, красна вымыслом»; «Немного читай, да побольше думай». Не всякое чтение – дорога к просвещению: «От умного научишься, от глупого разучишься». Негоже – себе во вред – быть всеядным: «Рифмоплёт – не поэт. Кропает и табачком занюхивает». И примиряющее универсальное заключение: «Чтение – вот лучшее учение».

В. И. Даль был убежден в том, что пословица не придумывается, а «вынуждается» силою обстоятельств [6, т. 1, с. 14], рождается из пристальных наблюдений над живой жизнью. В коллективной памяти русского народа читательское книжное искусство описывается разносторонне: здесь и – из уст в уста – хвала полноценному восприятию, здесь и сомнения в пользе чтения бездумного и безучастного.

2. Типы читателей в России

В любое время читатель – понятие разнородное. Существует много попыток создания читательских классификаций и типологий [7]. На одну из них, в истории нашей словесности явно недооцененную, обратим внимание в связи с размышлениями о судьбе читателя и чтения в современной России. Речь идет о цикле статей В. Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина» (1843–1846 гг.) [8, с. 99–378]. В контексте размышлений критика о творческой эволюции великого поэта обнаруживаются целостные в своей динамичной совокупности, выразительные размышления о двух парах читательских разновидностей и об устойчивой внутренней связи между этими парами. В общественно-литературной жизни Белинский предлагает различать «детей известной доктрины» и «людей движения». Прежде чем сказать о второй паре, охарактеризуем метафорически обозначенную критиком читательскую дихотомию.

Дети известной доктрины – традиционалисты, читатели, привыкшие к авторам, давно уже занявшим достойное место в литературной панораме. Это сознательные сторонники известного направления, готовые обосновывать свои предпочтения и пристрастия. Авторитет «старых» писателей для них непререкаем. Они их искренне в свое время полюбили и разделять эту любовь с «новыми» не намерены. Они ценят «знаменитых» по внутреннему убеждению, «по привязанности к школе, к принципам, в которых воспитывались» [8, с. 363–367]. «Дети» эти, разумеется, давно не дети. Хотя заметных возрастных границ здесь нет. Люди подобной читательской компетенции есть во всякую эпоху. Сегодня их много среди тех, для кого компьютерная грамотность стала делом наживным в зрелом возрасте, кто привык судить о читательской культуре по собственному опыту докомпьютерной эры. Наши сегодняшние традиционалисты всей душой поддерживают плач о падении престижа бумажно-книжной культуры.

Противоположность детям известной доктрины – люди движения, пылкие приверженцы новых форм и новых имен в искусстве. Белинский им откровенно сочувствует. Без них бы «нива жизни» заплесневела. Этот тип людей в пылом увлечении новизной склонен порой отрицать заслугу со стороны «прежних» авторитетов, относясь к ним с долей снисходительности [8, с. 360–361]. Сегодня люди движения – свободные хозяева интернет-пространства с его беспредельными готовностями, связанными в том числе и с литературной культурой. Они увлеченно осваивают сетевые электронно-книжные ресурсы.

Что же, по Белинскому, вторая пара читателей? Эта пара представляет преобладающую массу читателей разных возрастов, пола, образовательного ценза и т.д. Критик именует их «литературными староверами» и «литературными верхоглядами». При всей противоположности староверы и верхогляды вполне корректно могут быть охарактеризованы сообща. И те, и другие следуют в своих приговорах не собственному уму и чувству, а чужим, авторитетным для них мнениям и вкусам. Да, староверы усердно внимают «детям известной доктрины», а верхогляды – «людям движения». С одной стороны, это люди стойкой привычки подчиняться от веку заведенным эстетическим порядкам. Для них

«все старое хорошо, потому что оно – старое, а все новое дурно, потому что оно – новое» [8, с. 358]. С другой стороны – это торопливые поклонники моды, способные рукоплескать лишь «торжеству настоящей минуты». Для верхоглядов старо все, что «появилось хоть за день до какой-нибудь пошлости, занявшей их сегодня» [8, с. 360].

Дети известной доктрины и люди движения – нечто вроде эмоционально-интеллектуальной элиты. Круг их узок. Староверы и верхогляды – подавляющее большинство в социально-культурном пространстве страны, охотно подчиняющее себя влиянию авторитетов. Опыт многочисленных потребителей культуры находится в непосредственной зависимости от суждений и оценок пассионарных доктринеров и не менее энергичных прагматиков. Есть поводыри, и есть их приверженцы.

Вся история культуры держится на подвижном противостоянии упрямо инерционного и дерзко инициативного начал. В драматическом преломлении припоминается оппозиция Константина Треплева Борису Тригорину в чеховской «Чайке». Или примиряюще жесткое взаимодействие в истории русской живописи академической школы – передвижников – мирискусников – авангардистов... Те же цепи бинарных отношений наблюдаются в истории постижения каждого из искусств, включая и искусство слова. Из этого же ряда – постоянство яростных споров последовательных нормативистов со сторонниками нейтрально-беспечного отношения по поводу мощных волн заимствований в русской речевой жизни. Важно признать: модель существования и соотношения универсально охарактеризованных Белинским малых и больших социально-культурных «коллективов» есть явление нормальное и органичное с точки зрения внутренней логики всех цивилизационных превращений. Меняются поколения, но сохраняется в социально-культурной протяженности примерная (и в большой перспективе гармоничная) соразмерность нравственно-эстетических ориентиров и интересов.

Перед нами встает естественный вопрос: упорно провозглашаемый «современный кризис культуры чтения» [9, с. 62] – повальное духовно-морское бедствие или брезжат в нем по законам любого социально-кризисного явления приметы позитивного обновления реальности?

3. Современные читательские превращения

Честность в понимании эволюции, которая происходит с чтением и ее субъектом – читателем художественных произведений, побуждает рассматривать нынешнюю ситуацию как неизбежную, уже случившуюся вопреки всем сетованиям и укоризнам. Да, многие бывшие читательские практики для вступающих в жизнь новых поколений утрачивают свою востребованность. Положа руку на сердце, грустно прощание с привычными представлениями о книге, в частности о «книге как лучшем подарке», но кто сказал, что с этими ценностями мы обречены проститься. Лучше сойти, насколько это получится, с привычной и по-своему уютной колеи детей известной доктрины и вместо распространенных плачей по былой книжности прислушаться к логике людей движения с их творческими пробами и самостоятельными починами. Книга как факт (в том числе и в бумажной версии) никуда не делась. Литература и в наши дни не перестает быть синонимом культуры. Просто (хотя и вовсе не просто) читатель превращается. Он с детских лет переселяется в интернет [10].

Это констатация очевидного. Интернет выводит читателя из знакомого нам линейного восприятия текста – в объемный гипертекстовый мир с его невероятно расширенной памятью, с множасьими на наших глазах оперативными параметрами [11]. И те самые тексты классиков, что не доступны были массовому читателю в многотомных академических изданиях с их огромным вспомогательным аппаратом, сегодня обретают общедоступное бытие. Была бы охота разбираться в филологических тонкостях – в текстовых лабиринтах. А охота, свидетельствуют многоголосые социальные сети, случается нередко.

Дело «за малым»: и детям известной доктрины, и людям движения все свои приоритетные помыслы и инициативные силы стоит положить на то, чтоб приближать литературу (старую и новую) к ее потенциальному читателю. Школа чаще всего с этим не справляется. Виной тому «школьная практика авторитарного отношения к литературе и читателю» [12, с. 118], скучная манера предъявления готовых ответов на вопросы-подсказки, унылые «раздумья» на тему, «какую мысль вложил автор в свое произведение» и т.п. Не справляется еще и потому, что в целом отстает от интернет-динамики. Вероятно,

в идеале ребятам надо не сдавать в начале урока свои смартфоны, а работать с методически целесообразно и интересно размещаемыми в них стихотворными и прозаическими текстами, выразительными комментариями к ним, игровыми, побуждающими к размышлениям интерактивными заданиями. Появление таких живых электронных «литературных учебников» – насущная забота талантливых педагогов новой формации в помощь учителям-практикам и учащимся.

Сегодня в России успешно развивается умелое репетиторство по литературе, ориентированное в том числе и на сетевые ресурсы. В виртуальном мире читатель имеет шанс знакомиться с немногими искусными (бездарных, увы, тьма!) «краткими» интерпретациями художественных текстов. Негативная реакция на них со стороны детей известной доктрины объяснима. Дело, конечно, вынужденное. Но практика предъявления скупых версий классических и современных текстов, случается, достигает в рунете виртуозных высот умного изящества. Мне доводилось писать об этом на примере кратких изложений для средней школы романа Чернышевского «Что делать?» [13]. Образцы удачных «пересказов текста», «литературных либретто» уже не единичны.

Что касается конкуренции словесности с видео- и аудиокulturой, то невольная состязательность эта в разных проявлениях существовала всегда: благодарный массовый читатель, тем не менее, очень часто оказывается и признательным зрителем / слушателем. Взаимообогащение здесь очевидно. Так было и в XIX, и в XX вв. Нечто похожее, с поправками на современные культурные практики, обнаруживаем мы и в настоящем.

Огромно разнообразие активных форм продвижения культуры чтения в социальных сетях. Живет и работает несметное число интернет-клубов, литературных журналов, форумов и блогов, социальных групп и сообществ книжников [14]. Ведут их и филологи-энтузиасты, и верные призванию библиотечные работники, и инициативные книголюбы, и читатели-неофиты. Есть здесь свои влиятельные авторитеты – консерваторы и прогрессисты, успешные модераторы, активные комментаторы. Есть и бесчисленные «рядовые» пользователи всех возрастов – старoverы и верхогляды [15].

Сдается, что интернет-читатели в меньшей мере внимают прежним наставническим инсти-

туциям (литературной критике, журнальным рекомендациям, методическим разработкам для учащихся и т.п.). По законам вольной онлайн-реальности они больше доверяют собственной интуиции и постепенно возрастающему опыту. Хотя сеть с коммуникативной напористостью психологически целенаправленно подвигает их прислушиваться и к лидерам мнений – ньюсмейкерам, рекламодателям, блогерам. Часто читатель жаждет и собственной сетевой критико-аналитической самореализации [16]. Еще чаще читатели (и поклонники старины, и поборники нового) простодушно доверяют свои непосредственные впечатления от поэзии публичному виртуальному пространству [17].

А. И. Белецкий в статье 1922 г. «Об одной из очередных задач историко-литературной науки (Изучение истории читателя)», словно бы предвидя и нашу интернет-эпоху, предсказывал в различимом будущем взрывное массовое явление «читателей, взявшихся за перо» [18, с. 37]. Сегодня бесчисленная масса авторов пробует самостоятельно сочинять тексты и выставлять их на обозрение сетевой публике [19, 20]. Е. Г. Водолазкин признается: «Исчезновение читателя <...> приостановилось. Об этом свидетельствует статистика. Падение продаж прекратилось в 2014 г. Последние три-четыре года наблюдается рост – как в области наименований издаваемых книг, так и в отношении тиражей. Это настраивает меня на оптимистический лад» [21]. Историко-культурный взгляд на современную ситуацию с читателем позволяет разделить этот осторожный оптимизм.

Итоги

Смерть читателя отменяется. Жизнь его продолжается преимущественно в новых технологических условиях. Немногочисленному составу страстных, заядлых читателей – традиционалистов и прогрессистов, сопутствует исподволь внимающая им масса потребителей словесности – староверов и верхоглядов. Границы между ними были и остаются размытыми. Семантический диапазон понятия «читатель» пополняется новыми смыслами: читатель художественной литературы – постоянный пользователь интернета; активный читатель, жаждущий критико-аналитической самореализации; читатель, доверяющий свои непосредственные впечатления от поэзии публичному сетевому пространству; читатель, взявшийся

за перо и ждущий сочувственной виртуальной реакции на собственные литературные пробы. В XXI в. Рунет переформатирует на свой лад привычные для прошедших эпох собирательные понятия «читательская публика» и «массовый читатель».

Список литературы

1. Аскарлова В. Я. Так есть ли у нас шанс создать читающую нацию? // Библиотечное ДЪЛЮ. 2010. № 24 (138). С. 4–11.
2. Басинский Павел: Культурный класс читателей исчезает и деградирует. URL: <https://rg.ru/2014/02/17/chitatel.html> (дата обращения: 29.01.2024).
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Творогова. Изд. 2-е. Т. 4. М. : Прогресс. 1987. 864 с.
4. Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб. : Азбука, 2000. 466 с.
5. Турышева О. Н. Русский литературоцентризм в аспекте литературной рефлексии // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2013. № 1. С. 228–243.
6. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: Сборник В. Даля : в 2 т. СПб. : Литера, ВИАН, 1997. Т. 1 . 416 с. ; Т. 2. 416 с.
7. Проблема дифференциации читателей и психологии чтения : сб. науч. тр. Л. : Ленинградский гос. ин-т культуры, 1980. 172 с.
8. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 7. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 740 с.
9. Белина Е. В. О развитии понятия «культура чтения» в русской культуре и науке // Человек и образование. 2014. № 3 (40). С. 61–65.
10. Самохина М. М. Молодые читатели в Интернете (наблюдения социолога) // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. С. 300–307.
11. Беляева Н. Е. Чтение художественной литературы в интернете: изучение современных читательских практик // Вестник культуры и искусств. 2017. № 2 (23). С. 47–52.
12. Лавлинский С. П. Литературное образование как целостность: о филолого-педагогическом завещании Натана Давидовича Тамарченко // Новый филологический вестник. 2012. № 2 (21). С. 118–129.
13. Прозоров В. В. Чернышевский в сетях интернета: неожиданные наблюдения // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Гапоненков. Вып. 21. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2018. С. 13–17.
14. Чушкина С. Е. Тематические сообщества в социальных медиа как инструмент повышения читательской культуры // Филология и искусствоведение. Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 2. С. 596–599.

15. Матвеев М. Ю. Читательская критика в Интернете: проблемы и противоречия // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. № 2 (55). С. 161–170. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2023-2-161-170>
16. Тишков А. А. Писатель – читатель – критик в Интернете // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 99–106. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2012-12-3-99-106>
17. Розанов К. А. Студенческая литература в современном Рунете: классификация ресурсов сети // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 1. С. 84–92. EDN: LMCKCH
18. Белецкий А. И. Избранные труды по теории литературы. М. : Просвещение, 1964. 478 с.
19. Ракитина Е. Б. К проблеме авторской самоидентификации в интернет-поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1 : в 2 ч. Ч. 1. С. 149–153.
20. Чудинова В.П. Чтение и сообщества юных читателей в Интернете. URL: <https://www.rba.ru/content/activities/section/30/publ/2009/11.pdf> (дата обращения: 08.02.2024).
21. Скрылева Ю. Идеальный читатель – это соавтор писателя: [интервью с писателем Е. Г. Водолазкин] // Литературная газета. 2019. 20–26 февр., № 7 (6679). С. 9.

Поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 26.03.2024; принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 04.03.2024; approved after reviewing 26.03.2024; accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 309–318
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 309–318
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-309-318>, EDN: OQCUDUW

Научная статья
УДК 821.111.09-312.4+821.111(71).09-312.4+929[Кристи+Финдли]

Англоязычный фотоэкфрастический детектив второй половины XX в. (А. Кристи, Т. Финдли): традиция и новаторство

Т. А. Полуэктова

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, Россия, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89
Полуэктова Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, poluektova.06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8377-6554>

Аннотация. В статье рассматривается развитие такой жанровой разновидности, как фотоэкфрастический детектив, начиная с 1950-х до 1980-х гг. XX в. В классическом его варианте (на примере романа А. Кристи «Миссис Макгинти с жизнью рассталась», 1952) и постмодернистском (на примере романа Т. Финдли «Ложь», 1986) выявляется жанрообразующий потенциал фотографического экфрасиса, представленного в текстах в виде описания фотографий. Фотография в романах А. Кристи и Т. Финдли помогает детективам (Э. Пуаро и Ванессе Ван Хорн соответственно) в процессе расследования преступления, однако степень его раскрытия остается различной. Это объясняется писательским осмыслением фотографии как артефакта, обусловленным прежде всего общекультурной ситуацией. В первом случае фотография выступает как документ, имеющий однозначную доказательную силу и позволяющий найти и наказать преступника; во втором – как визуальный артефакт, бросающий вызов фотодетективу: его истолкование двусмысленно и напрямую сопряжено с нарративом Другого. Расследование в романе «Ложь» сопровождается травматичными воспоминаниями Ванессы о своем прошлом периоде Второй мировой войны, отраженными в ее дневнике, что актуализирует исповедальный дискурс. Переплетение разного рода историй в романе – детективной и личной – способствует актуализации остросоциальной и историко-философской проблематики. Таким образом, в результате проведенного исследования автор статьи приходит к выводу, что постмодернистский фотоэкфрастический детектив ведет диалог с классической детективной традицией и при этом живо реагирует на меняющиеся социально-исторические, политические условия, что не может не влиять на трансформацию его жанровой структуры.

Ключевые слова: жанр, классический детектив, постмодернистский детектив, фотография, фотографический экфрасис, фотоэкфрастический детектив, Агата Кристи, Тимоти Финдли

Для цитирования: Полуэктова Т. А. Англоязычный фотоэкфрастический детектив второй половины XX в. (А. Кристи, Т. Финдли): традиция и новаторство // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 309–318. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-309-318>, EDN: OQCUDUW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The English photoekphrastic detective novel of the second half of the 20th century (A. Christie, T. Findley): Tradition and innovation

T. A. Poluektova

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, 89 Ady Lebedevoi St., Krasnoyarsk 660049, Russia
Tatiana A. Poluektova, poluektova.06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8377-6554>

Abstract. The article examines the development of such a genre variety as the photoekphrastic detective, embracing the period of the 1950s to the 1980s of the 20th century. The paper reveals the genre-forming potential of photographic ekphrasis, presented in the texts in the form of photograph descriptions found in classical detective literature (analyzed on the bases of A. Christie's novel *Mrs McGinty's Dead*, 1952) and its postmodernist version – in T. Findley's novel *The Telling of Lies: A Mystery*, 1986. Photography in the novels by A. Christie and T. Findley helps the detectives (H. Poirot and Vanessa Van Horn, respectively) in the process of investigating a crime, but the degree of its being solved remains different. This is explained by the writer's understanding of photography as an artifact, primarily determined by the general cultural situation. In the first instance, a photograph acts as a document characterized by the unambiguous force of evidence, it allows to find and punish the perpetrator; in the second one, the photograph acts as a visual artifact that challenges the photo-detective: its interpretation being ambiguous and directly connected with the narrative of the Other. The investigation in the novel *The Telling of Lies* is accompanied by Vanessa's traumatic memories of her past during the Second World War, reflected in her diary, which actualizes the confessional discourse. The interweaving of various kinds of stories in the novel – detective and personal – contributes to the actualization of major social, historical and philosophical issues. Thus, as a

result of the conducted research, the author of the article comes to the conclusion that the postmodern photo-ekphrastic detective is engaged in a dialogue with the classical detective tradition and at the same time promptly reacts to the changing social, historical, political conditions, which cannot but influence the transformation of its genre structure.

Keywords: genre, classic detective story, postmodernist detective story, photography, photographic ekphrasis, photoekphrastic detective story, Agatha Christie, Timothy Findley

For citation: Poluektova T. A. The English photoekphrastic detective novel of the second half of the 20th century (A. Christie, T. Findley): Tradition and innovation. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 309–318 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-309-318>, EDN: OQCDUW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Основоположниками «самого законопослушного и охранительного» [1, с. 10] жанра являются Эдгар По, Уилки Коллинз, Мэри Брэддон, Чарльз Диккенс, Конан Дойл и другие; его продолжателями в начале и середине XX в. – представители «золотого» века британского детектива (Г. Честертон, А. Кристи и др.), американского «крутого» детектива (Р. Чандлер, Д. Хэмметт, Р. Макдональд). Ближе к концу XX в. появляются его постмодернистские образцы в творчестве У. Эко, Т. Финдли, П. Остера, П. Модино и др.

Жанру детектива, как и феномену его неиссякаемой популярности, посвящено множество исследований, как зарубежных, так и отечественных. Практически в каждом из них обозначены его жанровые константы. Так, например, Н. В. Киреева в докторской диссертации «Трансформация жанровых конвенций автобиографии и детектива в прозе американского постмодернизма» в качестве жанрообразующих конвенций детективного жанра отмечает следующие: фигуру сыщика, процесс расследования и решение загадки [2].

Целью данной статьи является рассмотрение степени преломления и специфики указанных конвенций в фотоэкфрасическом детективе [3], восходящем к жанру, обозначаемому исследователями как: роман-экфрасис [4], экфрасический роман [5–7], экфрасический романский жанр и жанр романа с экфрасисом [8]. В контексте высказанных мнений считаем уместным говорить о фотоэкфрасическом романе как жанровой модификации, обусловленной многофункциональностью фотоэкфрасиса. Под «детективным фотоэкфрасическим рассказом / романом» («detective photo ekphrastic story / novel») условимся понимать произведение, в котором детективная основа обусловлена фотографией, представленной в виде фотоэкфрасиса, организуя уровень поэтики:

– сюжетообразующий (опорные точки детективного сюжета от начала и до конца связаны с фотографией: она может служить завязкой сюжета, это может быть поиск пропавших фото-

графий-компроматов и наиболее распространенный вариант – фотография расставляет точки над «i», выступая в качестве *решающей улики – фотодоказательства*, в первую очередь как идентификатор личности. Именно это свойство фотографии, превосходящее иные доказательства, становится поводом для озарения сыщика, что подтверждается одним из социокультурных факторов середины XIX в.: «Способность фотографий улавливать сходства привела к тому, что к 1860-м гг. они стали обычным делом в качестве юридических доказательств в американских и британских судах по делам о подделке документов, для установления личности преступников, а позже и в качестве наглядного доказательства места преступления» [9, р. 54–55];

– тематический (одна из определяющих тем – тема раскрытия преступления, тайны посредством фотографии);

– повествовательный (речь идет о потенциале фотографии: от улики-артефакта (нечто застывшее, конец XIX в.) до фотоизображения, обладающего повествовательным потенциалом со своей внутренней композицией, скрытым сюжетом, предполагающим детектива / читателя-интерпретатора, раскодировщика (вторая половина XX в.);

– характерологический (профессиональная способность детектива «прочитать» фотографию и соотнести с имеющимися уликами);

– пространственный (фотография как пространственно-визуальный образ выступает документальным подтверждением запечатленного пространства);

– лингвистический (тематическая лексика, отсылающая к специфике фотографии, например: дагерротип, пластинки, негатив, позитив, темная комната и др.).

Первые образцы детективной фотоэкфрасической прозы представлены в конце XIX в., среди которых можно назвать роман Голи Смартта (1833–1893) «Фотографическая карточка» (*At Fault*, 1883), рассказы К. Дойла «Скандал в Богемии» (*A Scandal in Bohemia*, 1891), «Желтое лицо» (*The Adventure of the Yellow Face*, 1894) и др.

Образец эфирной, ментальной или одической фотографии, помогающей в раскрытии преступлений, представлен в цикле рассказов Сакса Ромера (1883–1959) «Спящий детектив» (*The Dream Detective*, 1920).

Раймонд Чандлер, один из основателей школы «крутого» детектива, демонстрирует в романах «Прощай, красотка» (*Farewell, My Lovely*, 1940), «Высокое окно» (*The High Window*, 1942) способность фотографии «рассказывать» и тем самым помогать расследованию: взгляд Филиппа Марло, частного детектива, «при сопоставлении фотографий выхватывает все новые и новые неожиданные детали. И перед нами предстает уже не застывший факт, а рассказ об убийстве» [10, с. 46]. При этом смысл «фотографического» текста «складывается уже непосредственно в самом сознании смотрящего» [10, с. 46]. При работе с фотографиями задача детектива усложняется: уже не просто установить идентичность личности, а дешифровать фотоизображение, выявить его скрытый смысл.

В фантастическом детективном рассказе американского писателя Джека Финнея (1911–1995) «Лицо на фотографии» (*The Face in the Photo [Time Has No Boundaries]*, 1962) «профессор конструирует реальность посредством визуального, и тем самым ... ставится вопрос о мере человеческой ответственности за вмешательство в прошлое, за его моделирование» [11, с. 132]. Этот и ряд других жанрообразующих маркеров позволяют определить рассказ как «фотоэксфрастический».

Изменяющийся и усложняющийся статус фотографии в эпоху информативности влияет и на поэтику фотоэксфрастических произведений в целом: теперь она (фотография) не ограничивается своей первоначальной функцией документа («фотография-документ», по А. Руйе [12]), а интерпретирует и конструирует новую реальность, новое социокультурное пространство, становится «фотографией-выражением» (фотографическое письмо, субъективность, автор, сюжет, Другой, диалогизм) [12].

Так, поэтика фотоэксфрастического детектива усложняется, в том числе и за счет того, что рассказчик одновременно выступает фотографом и детективом: «Они неожиданно оказываются в роли детективов, главным образом, потому, что фотографии, находящиеся в их распоряжении и сделанные ими, содержат ценную информацию о преступлениях, но также и потому, что их природные и развитые навыки наблюдения и логического рассуждения не позволяют им игнорировать моральный хаос преступления»

[13, р. 79–80]. В процессе расследования герой-детектив-фотограф, как правило, проходит путь самопознания, сопровождаемый постижением внутреннего «я». Б. Маклейн в статье «Sleuths in the Darkroom: Photographer-Detectives and Postmodern Narrative» анализирует корпус художественных текстов, в которых герои совмещают в себе две ипостаси: рассказ Хулио Кортасара «Слюни дьявола» (*Las babas del diablo*, 1959), романы Дика Фрэнсиса «Рефлекс змеи» (*Reflex*, 1980) и Тимоти Ирвина Финдли «Ложь» (*The Telling of Lies: A Mystery*, 1986). Также в качестве примеров фотодетективного романа он называет следующие: «Murder in Focus» (1990) и «Shortcut to Santa Fe» (1994) Медоры Сэйл; «Remember Me» (1994) Мэри Кларк; «The Dark Room» (1995) Минетт Уолтерс; «Down Home» (1990) Евы Сэндстром; «Still Waters» (1991), «Cold Feet» (1993), «Death Echo» (1993) и «Drift Away» (1994) Керри Такер.

Как явствует из далеко не полного вышеприведенного списка художественных текстов, уверенное укрепление фотоэксфрастического детектива как жанровой разновидности внутри детективного поля явилось прямым следствием перспективного и взаимовыгодного «сотрудничества» двух видов искусств – литературы и фотографии: «...фотография поддерживает литературу, а литература обращается к фотографии для обновления своих источников» [14].

В качестве примеров рассмотрим роман английской «королевы детектива» А. Кристи (1891–1976) «Миссис Макгинти с жизнью рассталась» (*Mrs McGinty's Dead*, 1952) и роман «Ложь» (*The Telling of Lies: A Mystery*, 1986) Т. И. Финдли (1930–2002). Представляется, что данная статья отчасти дополнит теоретическую базу, посвященную англоязычной детективной прозе.

Примечательно, что в жизни А. Кристи фотография занимала особое место, поскольку «она часто сама разрабатывала и печатала относительно небольшие отпечатки» [15, р. 43]. Это, по мнению М. Причарда, внука писательницы, давало ей возможность «оценить их более ясно и лучше почувствовать атмосферу того времени, в котором они были сняты, чем, возможно, она была в состоянии сделать это сама» [15, р. 43]. К тому же с 1949–1957 гг. А. Кристи каждую зиму сопровождала мужа, британского археолога Макса Маллоуэна, в экспедиции на север Ирака, в г. Нимруд. Возможно, что это послужило побудительным мотивом создать в 1952 г. роман, в котором тупиковая на первый взгляд ситуация разрешается благодаря фотографии. Если в анализируемом романе фотография представлена как документ, то в жизни А. Кристи ценила и

другой ее статус – художественный. В автобиографии она описывает уроки в фотошколе Рейнхардта: «В то время была мода: чтобы все выглядело как можно менее похожим на себя самое. К примеру, фотограф клал на стол шесть столовых ложек, затем взбирался на стремянку, свешивался с нее вниз головой и таким образом добивался необычного ракурса или получал изображение не в фокусе. Существовала также тенденция помещать изображение не в центре снимка, а где-нибудь в углу или так, чтобы часть объекта уходила за пределы фотографии, даже на портрете могла присутствовать лишь часть лица. Все это были новомодные веяния. Я принесла в фотошколу головку, вырезанную из букowego дерева, и экспериментировала, снимая ее через самые разные фильтры – красный, зеленый, желтый, чтобы получить всевозможные эффекты, каких только можно добиться в искусстве фотографии с помощью светофильтров» [16, с. 572].

Позволим себе кратко напомнить сюжет романа А. Кристи «Миссис Макгинти с жизнью рассталась». В деревне Бродхинни (Broadhinny) убита пожилая поденщица миссис Макгинти. Все подозрения падают на ее постояльца Джеймса Бентли, у которого якобы были определенные мотивы – присвоить денежные сбережения пожилой женщины. Осужденный, он ожидает смертной казни. Однако следователь уверен в его невиновности и, дабы предотвратить несправедливость, обращается к великому сыщику – Эркюлю Пуаро. Взявшись за расследование, он опрашивает приближенных к убитой, которые пребывают в полной уверенности касательно вины молодого человека. В доме Макгинти он находит газету, напечатанную за несколько дней до трагедии, из которой оказывается вырезана статья. Выясняется, что статья имела подзаголовок «Женщины – жертвы давних трагедий. Где эти женщины сейчас?» и сопровождалась фотографией каждой из них. За некоторое время до смерти миссис Макгинти написала письмо в редакцию этой газеты с намерением получить деньги за информацию: она могла сообщить о владельце, хранящем одно из этих фото. Проницательный Пуаро догадывается, что кому-то из жителей Бродхинни было необходимо заставить замолчать миссис Макгинти навсегда.

Определение Н. Н. Кириленко этого романа как «классического детектива» [17] оправданно, что подтверждается следующими признаками.

Фигура сыщика. Главный герой – профессиональный частный сыщик Эркюль Пуаро, блестяще раскрывающий любые преступления. Метод, применяемый им в расследовании, заключается

в сведении воедино всех фактов, на первый взгляд самых незначительных. Его интеллект, рациональность, логика, наблюдательность приводят к решению самых сложных задач. В его стиле так называемый драматический финал с элементами театрализации, где он выступает ведущим режиссером.

Процесс расследования и решение загадки. Убийство женщины Пуаро раскрывает благодаря фотографии (речь идет о фото, которое миссис Макгинти увидела в одном из домов, где она работала). В газете «Санди компэнион» были напечатаны фото четырех женщин, одно из которых сопровождалось надписью: «Ева Кейн, “другая женщина” в знаменитом деле Крейга» [18, с. 78]. Далее следует описание фотопортрета каждой из них, в том числе и Евы Кейн: «...взъерошенные кудри спадают на уши, огромная шляпа, букет роз доходит до самого уха, будто она держит телефонную трубку» [18, с. 85]. В статье говорилось, что Ева Кейн, ждавшая ребенка, сменила имя на Ивлин Хоуп и покинула Англию навсегда. Причиной тому послужило нашумевшее дело: между 19-летней Евой Кейн, служившей гувернанткой в семье Крейгов, и хозяином дома возникла любовная связь. «Любящий» муж якобы отправил свою жену на лечение за границу, где она и умерла. В конце концов выяснится, что она никуда не уезжала: «Ее тело, разрезанное на аккуратные куски, нашли зарытым в погребке Крейга» [18, с. 80].

Вышеописанную фотографию (с надписью «Моя мама» на обороте) миссис Макгинти обнаружила в доме миссис Апуорд – богатой горделивой пожилой особы, живущей со своим избалованным сыном-драматургом Робинот Апуордом. Как позже выяснится, на самом деле Робин – сын Евы, и зовут его так же, как мать, Ивлин. Он возвращается в Англию, и его усыновляет миссис Апуорд. Она верит Робину, что на фото изображена его родная мать, одаренная балерина, рано умершая от туберкулеза.

Когда Пуаро представил миссис Апуорд все четыре фото женщин из газеты, она сразу же узнала знакомое лицо, но не обмолвилась ни словом: она не могла поверить, что ее любимый Робин имеет отношение к женщине, которая «была соучастницей, жертвой, а может быть, и вдохновительницей в нашумевшем деле Крейга» [18, с. 263]. В результате Робин Апуорд убил свою «мать»-покровительницу (дабы она не изменила завещание, написанное в его пользу) так хладнокровно, как до этого убил миссис Макгинти, которая, увидев фото, решила, что на нем – миссис Апуорд в молодости (она не знала,

что миссис Апуорд – не мать Робина): «...и вдруг в этот безоблачный мир вторгается миссис Макгинти – она узнала фотографию, хранимую им в ящике, фотографию с надписью “моя мама” на обороте» [18, с. 272].

Пуаро заключает, что причиной двух убийств является признанная двумя жертвами фотография. Также он блестяще доказывает, кому она принадлежала и почему хранилась (сначала из сентиментальности, после второго убийства – чтобы подкинуть ее невиновному лицу). По сути, спокойное существование жителей Бродхинни нарушается фотографией и восстанавливается благодаря ей же: несправедливо осужденный Джеймс Бенгли освобожден, а настоящий убийца предстал перед судом.

Фотография в романе А. Кристи представлена как артефакт: она ничего не выражает и не отражает, представляя собой абсолютно банальный снимок. Для ее «прочтения» от субъекта не требуется «визуальная грамотность» (*‘visual literacy’*) (У. Дж. Т. Митчелл), означающая как умение, так и стратегию одновременно, и предполагающая освоение ряда компетенций.

В 1968 г. британский писатель и арт-критик Д. Бёрджер в эссе «О чем сообщает фотография» напишет: «На деле каждая фотография – средство проверки, подтверждения и построения самодостаточного суждения о реальности» [19, с. 24]. Применяя этот тезис к сюжету романа А. Кристи, наглядно можно продемонстрировать важность того, чей взгляд направлен на изображение. Персонажи смотрят на одно и то же фото, но это «видение» разнится: для миссис Макгинти фотография предоставит возможность получить «скромный подарок» в награду за молчание, потому что, если давно забытая сплетня вдруг всплывет, такой “горделивой” женщине, как миссис Апуорд, это явно придется не по вкусу» [18, с. 273]. При этом ее незнание тайны Робина усугубляется подписью на обороте, якобы указывающей на его родство с миссис Апуорд. Одна из функций подписи к фотографии – объяснение реципиенту того, что запечатлено на фото, помогающее ее верно интерпретировать. Для миссис Макгинти как реципиента подпись на оборотной стороне – полноценное сообщение, по сути, объясняющее это фото вербально. Правда, с одной оговоркой: оно ее побуждает к определенным действиям, запутывает и приводит к смерти.

Еще одна существенная деталь, усугубляющая «прочтение», – контекст, в котором размещено фото. В широком смысле слова «визуальность оставляет смыслы открытыми. Это позволяет зрителю самому создавать новые

смыслы в зависимости от контекста и коннотации. Подобная стратегия, конечно, возлагает на зрителя большую ответственность, поскольку он должен сам активно участвовать в восприятии и интерпретации антропологической работы» [20, с. 164–165]. Миссис Макгинти обнаружила фото в книге, подписанной «Ивлин Хоуп» и принадлежащей Робину Апуорду.

Проведенный анализ романа А. Кристи «Миссис Макгинти с жизнью рассталась» позволяет определить его жанр как классический фотоэксфрастический детектив, в котором фотография функционирует на нескольких уровнях поэтики романа, выступая, прежде всего, как документ, имеющий доказательную силу.

Начиная с середины 1970-х гг. классический детектив уступает место постмодернистскому детективу. Д. Клугер называет одну из причин – социопсихологическую, определяя детектив как социопсихологический барометр, «более-менее точно отражающий состояние массового сознания», выражающееся в потере обществом и культурой постоянно сходящей на нет веры «в возможности разума, в возможности науки, позитивное отношение к познанию окружающего мира» [21, с. 188].

Примером постмодернистского детектива с фотоэксфрастическим жанровым потенциалом выступает роман Т. Финдли «Ложь». В англоязычном варианте роман содержит подзаголовок, отсутствующий в отечественном издании: «А Mystery». В русском языке отсутствует устоявшийся перевод этого термина, о чем пишет Е. В. Халтрин-Халтурина в статье «От готики к детективу (Джейн Остен и британские иронические расследования)»: «Обычно его переводят как «детектив», что оправдано современным пониманием слова» [22, с. 13]. А. Закревская, киновед, отмечает наличие множества поджанровых ответвлений в жанре «mystery», содержащих «ту или иную “загадку”, которая не обязательно раскрывается или даже исследуется» [23, с. 272]. Несомненно то, что подзаголовок ориентирует читателя на восприятие романа Т. И. Финдли в жанре «a mystery story» или «detective fiction», а это значит, что обязательно будут и тайна, и загадка, требующие расставления точек над «i».

Кратко перескажем сюжет романа «Ложь». Главный персонаж – 59-летняя Ванесса Ван Хорн, успешный американский ландшафтный архитектор и фотограф – приезжает летом в любимую престижную гостиницу «Аврора-сэндс». Впервые ее годовалой привезли сюда в 1926 г., и с тех пор, кроме нескольких лет, проведенных в лагере, она ежегодный постоялец гостиницы. Раз-

меренное течение времени прерывает смерть на пляже известного 90-летнего бизнесмена, основателя и владельца фармацевтической империи Колдера Маддокса. Всё, что знает о нем Ванесса, это то, что он «одной половиной мира владеет, а другую арендует» [24, с. 22]; революционный транквилизатор в его честь назван «маддоксин»; имеет множество врагов, и «ничто не могло ни задеть, ни ранить этого человека» [24, с. 24].

Фигура сыщика. Что нам известно о Ванессе? Она и фотограф, и детектив одновременно. Прообразом Ванессы, согласно Б. Маклейну, выступает Холгрейв из романа Н. Готорна «Дом о семи фронтонах». Изначально он предстает как странствующий дагеротипист, а затем уподобляется наблюдательному детективу: раскрывает страшное преступление прошлого, устанавливая тем самым гармонию в семействе Пинченгов. Принципиальное отличие современного героя-сыщика (Ванессы) от классического заключается в том, что стать детективом ее заставляют обстоятельства, по сути, она – детектив поневоле.

В начале и конце романа читатель «видит» развешанные на стенах гостиницы фотографии, на которых запечатлена юная Ванесса: «...тут и я сама, на всех ступенях моей жизни, а до меня – вся моя родня» [24, с. 15], и др. Благодаря им читатель имеет возможность отчасти узнать прошлое Ванессы.

На протяжении всего повествования романа Т. Финдли выстраивает диалог с предшествующей детективной традицией: Ванесса Ван Хорн становится детективом – это отнюдь не отклонение от правил, а отчасти следование викторианской традиции жанра, когда женщины из различных социальных слоев «пересекают гендерные границы и берут на себя мужские прерогативы в своих поисках истины» [25, р. 179].

Процесс расследования. По мере развития сюжета читатель пребывает в напряжении не только от хода расследования, когда жизни Ванессы угрожает опасность, но и от событий, произошедших с ее семьей во время Второй мировой войны. Процесс расследования убийства тесно переплетается с воспоминаниями Ванессы о своем лагерном прошлом – всё это она отражает в дневнике, подаренном ей Лили Портер. Ванесса, называя себя «безмолвным узником» [24, с. 17], уже знает, что отразит в записях себя, но Другую: «Однако тетрадь и открытку Лили подарила моему другому “я”, глубоко сокровенному... чье затворничество наверняка все эти годы казалось таким самоуглубленным, самодостаточным и противоестественным – по причине крайней дисциплинированности» [24, с. 18].

Парадоксальным является то, что эти записки она посвятит полковнику Норимицу, который, по ее словам, «...одной рукой убил моего отца, а другой – превратил его могилу в сад» [24, с. 18]. По ходу расследования читатель узнает из дневника историю ее жизни: «*В марте 1942 – августе 1945 года находилась в концентрационном лагере на острове Ява (голландская Ост-Индия, ныне Индонезия); три месяца интернирования в Сурубае, тридцать девять месяцев в Бандунге*» (курсив автора) [24, с. 150]. Ведение дневника для Ванессы – нарративизация полученного ею травматического опыта, попытка рассказать о пережитом. Из обрывочных воспоминаний Ванессы мы узнаем, что она стала свидетелем убийства ее отца между лагерными зонами – мужской и женской: он хотел всего лишь увидеть жену. Во многом осмыслив этот травматический опыт, Ванесса проводит параллель между убийством Маддокса, совершенным на ее глазах: в обоих случаях она стала свидетелем, а для нее это значит «нести ответственность» [24, с. 167]. И оттого Ванесса тоскует о жизни, в которой когда-то не было боли, не было этого «знания».

Ведение детективом дневниковых записей и параллельное расследование преступления – довольно необычное сочетание для детективного жанра. Н. В. Киреева, анализируя постмодернистские жанры автобиографии и детектива, констатирует в последнем перенос акцентов с эпистемологической проблематики на онтологическую, а также его обращенность «к поиску личностью собственной идентичности, к проблемам чтения, письма и интерпретации» [2, с. 10]. Письмо Ванессы оказывает на нее терапевтический эффект, позволяющий выразить свою боль, «проговорить» ее. В результате происходит (и не прекращается) переосмысление идентичности, как своей семьи, так и самой себя.

Решение загадки. Тайна убийства, как и убийца Маддокса, раскрывается Ванессой благодаря сделанным ею фотографиям.

В начале сюжета ее подруга детства Мег приезжает в гостиницу со своим мужем Майклом Ришем, который «состарился прежде времени – дряхлый старик, впавший в детство. <...> Ведь когда-то он был одним из лучших канадских дипломатов, работавших в Праге, в Москве, в Вене» [24, с. 47]. Причина случившейся трагедии замалчивается Мег, которая «ревниво оберегает мужа и гордо, чуть ли не с вызовом, везет его по жалким остаткам жизни» [24, с. 48]. И только в финале романа Ванесса и читатель узнают «историю смерти» Майкла и имена убийц (Маддокса и Майкла).

После многочисленных сюжетных перипетий в финале романа между Ванессой и спасенной ею Лили Портер, любовницей Колдера Маддокса, происходит разговор, заставляющий Ванессу рассмотреть сделанные ею фото профессионально, с помощью лупы. Ее взгляд «цепляется» за выражение лица Мег в тот день на пляже. «На снимках, как и в Лилином рассказе, Мег вручила Лили этот крем: мол, видела, как она обронила тюбик, подобрала его и по названию и цвету сообразила, что это Колдеров крем. “Вот, – сказала Мег, – держи. Он расщипывает, если решит, что ты его потеряла, Лили”» [24, с. 403]. Она осознает, что причиной его смерти стал нанесенный Лили на тело Маддокса защитный крем, содержащий смертельный паралитический яд, полученный ею из рук Мег. Фотография в этом эпизоде выполняет прагматическую функцию, обусловленную взглядом и обрамляющим ее нарративом. Эту функциональность фотографии объясняет Дж. Бёрджер: «Фотография действительна, когда выбранный момент, запечатленный на ней, содержит частичку истины, которая применима в целом, которая обнажает то, что на фотографии отсутствует, в степени не меньшей, чем то, что на ней присутствует. ... При том эта истина непременно зависит от зрителя» [19, с. 22].

Таким образом, фотографии, сделанные Ванессой и тщательно рассматриваемые ею, обрамленные нарративом, начинают «говорить», приобретая доказательный статус. Если А. Кристи оценивала и художественный статус фотографии, то для Т. Финдли, по словам Б. Маклейна, притягательна и другая ее черта: «...не столько очевидная текстура (фактура) фотографии – ее способность одновременно фиксировать и не отражать биографические данные – и, конечно же, не ее предполагаемая способность говорить правду; скорее очарование авторов фотодетективной литературы заключается в способности фотографии скрывать преступление и бросать фотографу / детективу перцептивный, технический и логический вызов. Сыщик обнаруживает гораздо больше, чем камера. Взгляд, как показывает фотография, становится ограничением, и только превосходные способности фотодетектива к логическим выводам могут раскрыть моральные и социальные истины, скрывающиеся за предполагаемой научной объективностью фотографии» [13, р. 83].

Коллективное преступление времен Второй мировой войны в отношении Ванессы и ее семьи становится «зеркальным» в разрешении

тайны убийства Маддокса. По сути, такие же боль и страдание испытывает Мег. Когда Ванесса понимает, что именно Мег убила фармацевтического магната, та рассказывает о своих мотивах В 1978 г. в Мемориальном институте Мейкина, что в Монреале, работал психиатр Аллан Поттер, честолубие которого не знало морально-этических границ. Он нуждался в финансировании своих экспериментов, основанных на промывании мозгов: «...пациенту, страдающему нервным расстройством... стирают память. Очищают мозг от неприятных проблем и вообще от всего. А потом ... мозг ... заполняют снова, как заблагорассудится экспериментатору... ложью – фальшивыми событиями и дьявольскими трактовками жизни, которые не имеют ничего общего с личностью, некогда страдавшей расстройством, но расстройством-то страдало ее собственное сознание» [24, с. 115]. Всё объясняется и тем, что химические и наркотические препараты, которые вводили Майклу, были произведены в лабораториях Колдера Маддокса. В результате нервного срыва Майкл стал одним из пациентов Поттера, после чего он уже никогда не покидал инвалидного кресла. С помощью подобных экспериментов секретные службы пытались перезаписать память Лили Портер, находившейся рядом с ним в день убийства на пляже.

История Майкла имеет реальный прототип в истории, связанный с именем канадского психиатра Юэна Кэмерона (1901–1967), автора так называемой концепции «управления психикой» (psychic driving). Ее суть сводилась к экспериментам над памятью испытуемого – полное ее стирание и создание абсолютно новой личности. Применявшиеся методы чудовищны: электрошоковая терапия с ежемесячной нормой до 12 ударов, магнитофонные записи с внушениями, наркотические препараты и т. д.

По законам детективного жанра, тайна преступления подлежит раскрытию, а виновный – наказанию. В его классическом варианте это условие соблюдается однозначно. Как справедливо отмечает Е. В. Жаринов, «задача Эркюля Пуаро заключается в том, чтобы восстановить статус кво и всеобщий мир» [10, с. 25]. Другое дело – постмодернистский детектив. Исследователи в большинстве своем единодушны в утверждении, что этот жанр «выворачивает правила наизнанку из своей “реальности”; читатели осознают свои предположения о реальности и смеются над ними» [26, р. 83]; отсутствие традиционного финала, предполагающего наказание преступника, сопровождается обманом чита-

тельских ожиданий, а «сюжетное напряжение в значительной степени переносится на разгадывание характеров», и «всё большее место в нем занимает личная судьба сыщика» [27, с. 147].

В романе Т. Финдли, с одной стороны, событийная канва сохраняется: Ванесса раскрывает тайну преступления и личность убийцы. При этом убийца является жертвой, а Ванесса не может противостоять службам министерств: здравоохранения, внутренних дел, обороны, ЦРУ и др. Рассуждая об интересе Т. Финдли к политической и социальной проблематике, Б. Маклейн отмечает предостережение писателя: «...в дополнение к личности убийцы есть тайна печальной истины о том, что человечество должно быть бдительно против вторжений зла, исходящих либо от отдельных лиц, либо от пагубного чиновничества» [13, р. 82]. Оттого, что неискоренимость зла и восстановление справедливости, по Т. Финдли, безнадежно и недостижимо в современном мире, главным для Ванессы становится процесс поиска в настоящем своей идентичности, своего «Я», обусловленный полученным ею травматическим опытом сорокалетней давности: «Ванесса, которая является частным лицом, дневник которого мы читаем, обладает психологической глубиной и трагическим прошлым, сформировавшим сложную личность» [28, р. 249]. Это позволяет говорить о наличии в романе Т. Финдли элементов метафизического детектива (*metaphysical detective story*) – жанра с характерными для него, как отмечают П. Меривейл и С. Суини, «глубокими вопросами, которые он ставит о повествовании, интерпретации, субъективности, природе реальности и границах знания» [29, р. 1]; где «тайна представляет собой лабиринт без выхода» [29, р. 9]. В расследовании Ванессы не поставлена точка, как и не завершён дневник («внутренний» текст, «внутреннее» расследование), который она будет продолжать вести и одновременно задавать вопросы о принципах и природе бытия, возможностях и границах познания, всеобщей относительности и т. д.

Романы Т. Финдли, включая и постмодернистский детектив «Ложь», по мнению К. Хантер, демонстрируют писательское «острое понимание семиотики жанра, способность использовать различные коды, заложенные в прошлых формах» [28, р. 247]. Предпринимая попытку определить жанр романа Т. Финдли, необходимо учитывать ряд моментов. С одной стороны, писатель, сохраняя в романе жанровые черты классического детектива, отдаёт дань уважения традиции: герой-сыщик, ведущий

расследование и разрешающий загадку преступления. Ванесса, по мнению К. Хантер, «играет роль респектабельной старой девы, напоминающей мисс Марпл» [28, р. 249]. С другой стороны, невозможность наказания виновного и психологическая глубина личности детектива свидетельствуют о трансформации жанра. По наблюдению Т. Н. Амирян, эволюция фигуры детектива обуславливает развитие детективного жанра [30]. Переплетение разного рода историй в романе – детективной, «большой» и личной – образует его жанровое «ядро» и способствует актуализации остросоциальной и историко-философской проблематики.

Исследователи дают различные жанровые характеристики роману Т. Финдли «Ложь».

Так, например, Т. Д'ан относит роман к эксцентричной историографической метапрозе (*eccentric historiographic metafiction*); к магическому реализму, «в данном случае “критикующему” “имперские” Соединенные Штаты, на краю которых неустойчиво балансирует Канада» [31, р. 310], а также к крутому детективу.

К. Хантер относит его к постмодернистскому антидетективному роману (*postmodern anti-detective novel*), в котором разрушается традиционная сюжетная детективная схема: отсутствует желаемое завершение расследования, во многом обусловленное тем, что в финале не предполагается наказание виновного, поскольку «обычное различие между жертвой и злодеем размыто до неузнаваемости» [28, р. 263].

Б. Маклейн относит его к фотофикшену (*photo-fiction*), конкретно – поджанру фотодетективного романа (*the photo-detective novel*), в котором персонаж выступает детективом и фотографом одновременно.

Как представляется, роман Т. Финдли является собой свидетельство динамично развивающейся жанровой разновидности – постмодернистского фотоэкфрастического детектива (*postmodern photoekphrastic detective novel*), в котором фотоснимок, в отличие от любого материального объекта, «особо предрасположен для нарративизации» [32, с. 583] и предполагает читателя, воспринимающего и интерпретирующего многомерный «фотографический» текст, обусловленный контекстом.

Утверждение Т. Е. Автухович относительно способности экфрасиса «проблематизировать отношения между искусством и действительностью и тем самым быть индикатором эстетики – как автора, так и новой эпохи, которую автор представляет» [33, с. 86] применимо и к фотоэкфрасису, выступающему в детективной

прозе (на разных этапах ее бытования с конца XIX в.) одним из признаков сменяющих друг друга философских и культурологических концепций.

В результате проведенного анализа становится очевидным, что детектив живо реагирует на меняющиеся социально-исторические, политические условия, что не может не влиять на трансформацию его жанровой структуры. Его жанровая гибкость позволяет современным писателям одновременно вести диалог с предшествующей традицией и экспериментировать, создавая новые жанровые разновидности.

Список литературы

1. *Анджарпаридзе Г. А.* Предисловие // Кестхеи Т. *Анатомия детектива: Следствие по делу о детективе* / пер. с венг. Е. Тумаркиной. Будапешт : Корвина Сор., 1989. С. 5–15.
2. *Киреева Н. В.* Трансформация жанровых конвенций автобиографии и детектива в прозе американского постмодернизма : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 34 с.
3. *Полуэктова Т. А.* Детективная фотоэкфрастическая проза в Англии конца XIX века («Фотографическая карточка» Г. Смарта и «Скандал в Богемии» А. К. Дойла) // Компаративные филологические исследования в эпоху глобализации / отв. ред. О. Г. Сидорова, Л. А. Назарова. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2023. С. 63–77. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/120900/1/978-5-7996-3611-1_2023.pdf (дата обращения: 20.10.2023).
4. *Сидорова А. Г.* Интермедияльная поэтика современной отечественной прозы (литература, живопись, музыка) : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 218 с.
5. *Бочкарева Н. С.* Модификация экфрастического жанра в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» // Павермановские чтения. Литература. Музыка. Театр : сб. науч. тр. Вып. 2 / под ред. О. Н. Турышевой. Екатеринбург : Ажур, 2014. С. 65–70.
6. *Судленкова О. А.* «Каждая фотография – это рассказ»: фотографический экфрасис в современной британской литературе // Теория и история экфрасиса: Итоги и перспективы изучения : материалы конференции. Седльце, 2018. С. 326–339. EDN: YTIZPM
7. *Яровикова Ю. В.* К вопросу о категориальном определении экфрасиса // Филология: научные исследования. 2019. № 1. С. 144–151. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2019.1.28507>
8. *Бовсуновская Т.* Экфрастические жанры в литературе XXI века: Эрик-Эмманюэль Шмитт и Гвен Купер // Теория и история экфрасиса: Итоги и перспективы изучения : материалы конференции. Седльце, 2018. С. 451–462.
9. *Bell A.* Crime Scene Photography in England, 1895–1960 // *Journal of British Studies*. 2018. Vol. 57, iss. 1. P. 53–78. <https://doi.org/10.1017/jbr.2017.182>
10. *Жаринов Е. В.* Мир приключений (англоязычный детектив). М. : Знание, 1991. 64 с.
11. *Полуэктова Т. А.* Жанровые особенности фотоэкфрастического рассказа Дж. Финнея «Лицо на фотографии» // *Мировая литература в контексте культуры*. 2022. № 14 (20). С. 128–134. <https://doi.org/10.17072/2304-909X-2022-14-128-134>
12. *Руйе А.* Фотография. Между документом и современным искусством. СПб. : Клаудберри, 2014. 712 с.
13. *MacLaine B.* Sleuths in the Darkroom: Photographer-Detectives and Postmodern Narrative // *The Journal of Popular Culture*. 2004. Vol. 33, iss. 3. P. 79–94. https://doi.org/10.1111/j.0022-3840.1999.3303_79.x
14. *Castro A.* Approaching photographic ekphrasis // International and interdisciplinary conference: «Ekphrasis: from paragone to encounter» Department of English, The University of Hull, England, 3–5 July, 2013. URL: https://www.academia.edu/91790276/Approaching_photographic_ekphrasis (дата обращения: 02.01.2024).
15. *Prichard M.* My Grandmother, Agatha Christie. *The Bloomsbury Handbook to Agatha Christie* / ed. by M. A. Evans, J. C. Berntal. London : Bloomsbury Academic, 2023. P. 37–43. <https://doi.org/10.5040/9781350212503.ch-1>
16. *Кристи А.* Автобиография / пер. с англ. В. Чемберджи, И. Дорониной. М. : Эксмо, 2009. 640 с.
17. *Кириленко Н. Н.* Классический детектив как жанр криминальной литературы: инвариант и генезис. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. 245 с.
18. *Кристи А.* Миссис Макгинти с жизнью рассталась / пер. с англ. М. А. Загота. М. : Эксмо, 2018. 288 с.
19. *Бёрджер Дж.* Фотография и ее предназначение : эссе. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 240 с.
20. *Панакова Я.* Визуальные методы: на пути к постижению миграционного опыта // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2007. Т. 10, № 4. С. 161–177. EDN: LGKUJN
21. *Клугер Д.* Баскервильская мистерия: История классического детектива. М. : Текст, 2005. 189 с.
22. *Халтрин-Халтурина Е. В.* От готики к детективу (Джейн Остен и британские иронические расследования) // *Поэтика зарубежного классического детектива* / отв. ред. : К. А. Чекалов, М. Р. Ненарокова. М. : Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2019. С. 12–24. EDN: HJJQW
23. *Закревская А.* Настоящий американский детектив: равнение на телевидение // *Иностранная литература*. 2018. № 1. С. 272–282.
24. *Финдли Т.* *Ложь* : роман / пер. с англ. Н. Федоровой. М. : Иностранка, 2007. 430 с.
25. *Nayder L.* Victorian Detective Fiction // *A Companion to the Victorian Novel* / ed. by W. Baker, K. Womack. Westport : Greenwood, 2001. P. 177–187.
26. *Owen K. B.* «The Game's Afoot»: Predecessors and Pursuits of a Postmodern Detective Novel // *Theory and Practice of Classic Detective Fiction* / ed. by J. Delamater, R. Prigozy, Hofstra University. Westport, Conn. : Greenwood Press, 1997. P. 73–84. (Contributions to the Study of Popular Culture, No. 62).

27. Саруханян А. П. Детектив // Энциклопедический словарь английской литературы XX века / отв. ред. А. П. Саруханян ; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. М. : Наука, 2005. С. 142–148.
28. Hunter C. Desire and Disruption: Narrative Structures in the Fiction of Timothy Findley. Diss. Dr. Sci. (Philos.). University of Victoria, 1991. 308 p.
29. Merivale P., Sweeney S. E. The Games Afoot. On the Trail of the Metaphysical Detective Story // Detecting Texts: The Metaphysical Detective Story from Poe to Postmodernism / ed. by P. Merivale, S. E. Sweeney. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1998. P. 1–24. <https://doi.org/10.9783/9780812205459>
30. Амирян Т. Н. От классического детектива к постмодернистскому детективу: аспекты жанровой трансформации // Метаморфозы жанра в современной литературе : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Соколова ; сост.: Н. Т. Пахсарьян, А. А. Ревякина. М. : ИНИОН РАН, 2015. С. 146–162. (Теория и история литературоведения).
31. D'haen T. Timothy Findley's Headhunter, Empire, and Canadian Modernity // (Un)Writing Empire / ed. by T. D'haen. Amsterdam ; Atlanta : Rodopi, 1998. P. 309–321. (Cross/Cultures. Vol. 30). https://doi.org/10.1163/9789004433595_018
32. Зенкин С. П. Imago in fabula: интрадиегетический образ в литературе и кино. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 620 с.
33. Автухович Т. Е. Эволюция фотоэкфрасиса как отражение смены литературных эпох // Человек говорящий, пишущий, читающий в литературе : сб. науч. ст. : в 2 ч. Ч. 1. Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2018. С. 78–87.

Поступила в редакцию 06.01.2024; одобрена после рецензирования 02.02.2024; принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 06.01.2024; approved after reviewing 02.02.2024; accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 319–324
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 319–324
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-319-324>, EDN: MEOAQP

Научная статья
УДК 821.111(73).09-31+821.111(71).09-31+929[Кинг+Дэвис]

Топос североамериканского городка в произведениях Робертсона Дэвиса и Стивена Кинга («Пятый персонаж» и «Возрождение»)

О. Ю. Анцыферова

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежных литератур, olga_antsyf@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1219-0134>

Аннотация. Роман американского писателя Стивена Кинга «Возрождение» (*Revival*, 2014), несомненно, генетически связан с первым романом «Дептфордской трилогии» канадского писателя Робертсона Дэвиса «Пятый персонаж» (*Fifth Business*, 1975), хотя Кинг и не указывает имя Р. Дэвиса в ряду прецедентных текстов в многоименном посвящении к роману. Основой для сближения данных текстов может служить не только категория «пятого персонажа», очевидно, позаимствованная Кингом у Дэвиса, но и особенности романного хронотопа. В статье проводится сравнительный анализ топоса маленького городка в художественных системах обоих авторов. Демонстрируется, что в романной поэтике Кинга и Дэвиса категория «пятого персонажа» приобретает структурообразующую функцию: выдвигание в качестве смыслового центра на первый взгляд малозначимого, заурядного «маленького человека» коррелирует с основным топосом романов обоих авторов. Делается вывод о том, что такие социологические атрибуты «глубинки», как сплоченность общинной жизни, эмпатия по отношению к соседям, относительная бессобытийность и скудость социальной динамики (по Р. Вутноу), влияют на механизмы сюжетосложения, временную структуру, построение нарратива и систему персонажей. Топос «глубинки» по своему влияет и на методы анализа психологии ее жителей: Стивен Кинг исследует их поведение в критических ситуациях, а Робертсон Дэвис ставит в центр внимания процесс индивидуации жителей маленького городка. Обращение к жизни «глубинки» в исследуемых романах также ведет к примечательному синтезу религиозных исканий и интермедальности как среды, в которой они реализуются.

Ключевые слова: Робертсон Дэвис, «Пятый персонаж», Стивен Кинг, «Возрождение», теодицея, хронотоп, «маленький человек», «глубинка»

Для цитирования: Анцыферова О. Ю. Топос североамериканского городка в произведениях Робертсона Дэвиса и Стивена Кинга («Пятый персонаж» и «Возрождение») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 319–324. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-319-324>, EDN: MEOAQP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A North-American small town as a topos of Robertson Davis's and Stephen King's novels (*Fifth Business* and *Revival*)

O. Yu. Antsyferova

St. Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Olga Yu. Antsyferova, olga_antsyf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1219-0134>

Abstract. Stephen King's novel *Revival* (2014) takes after Robertson Davies's novel *Fifth Business* (1975), the first book of the *Deptford trilogy*, although the name of the Canadian writer is significantly missing from the list of King's acknowledgements. The paper is focused on the comparative analysis of the two novels, the starting point being the category of "fifth business" borrowed by S. King from R. Davis. A comparative analysis of the topos of a small town in the texts of both authors is undertaken to show that for both Davis and King the category of the "fifth business" acquires a structure-generating function: the foregrounding of a walk-on, a "little man" as a semantic center correlates with the main topos of both novels. It is concluded that such sociological features of small-town life as cohesion of the community life, empathy towards neighbors, relative eventlessness and scarcity of social dynamics (according to R. Wuthnow) influence the plotline, temporal structure, narrative strategies and character interactions. Besides, the topos of a small town induces specific modes of psychological analysis: Stephen King explores town folk's behavior in critical situations, while Robertson Davies traces the process of individuation of his personages. Small-town life as the central theme also leads to a remarkable synthesis of religious pursuits and the intermediary quality as the environment in which they are actualized.

Keywords: Robertson Davis, *Fifth Business*, Stephen King, *Revival*, theodicy, chronotope, little man, small-town life

For citation: Antsyferova O. Yu. A North-American small town as a topos of Robertson Davis's and Stephen King's novels (*Fifth Business* and *Revival*). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 319–324 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-319-324>, EDN: MEOAQP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Поводом для объединения в одной статье имен Стивена Кинга и Робертсона Дэвиса послужила прежде всего очевидная значимость для обоих авторов категории «пятый персонаж», с помощью которой они пытаются разобраться в механизмах человеческой судьбы. Эта категория была впервые использована Дэвисом в качестве заглавия первого из романов его «Дептфордской трилогии» (1970–1975) – *Fifth Business* (1970), а впоследствии заимствована Стивеном Кингом при оформлении системы образов в романе «Возрождение» (*Revival*, 2014).

На первый взгляд, у сравниваемых авторов не так уж много общего. Стивен Кинг (род. 1947 г.) – один из самых популярных современных американских беллетристов, признанный мастер жанровой литературы. Робертсон Дэвис (1913–1995) – выдающийся канадский писатель и литературный критик, перу которого принадлежат многочисленные пьесы, романы и эссе. Знаменитый американский литературовед Хэролд Блум включил его «Дептфордскую трилогию» в свой Западный канон [1, р. 530]. Уроженцы разных стран, представители разных поколений, они имеют не совпадающий жизненный опыт и используют в литературе своеобразные жанровые траектории. Однако их сближает то, что оба любят писать о жизни небольших провинциальных американских и канадских городков, обнаруживая в их повседневности мистическое измерение. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что именно с этим стремлением обнаружить взаимопроникновение обыденности и фантастики и связана попытка обоих писателей осмыслить такие универсальные онтологические категории, как судьба с ее непостижимой загадочностью, механизмы рока, степень самостоятельности человека в наполнении собственной жизни добром и злом и значение религии в осмыслении этих вопросов, иначе говоря – проблему теодицеи.

Для поэтики Стивена Кинга очень характерно использование паратекстуальных элементов, в частности посвящений. Роман «Возрождение» Кинг посвящает сразу одиннадцати собратям по перу, которым он «обязан своим видением мира» [2, с. 6]. Однако в этом ряду славных имен, среди которых можно обнаружить и Мэри Шелли, и Брэма Стокера, и Говард Филлипа Лавкрафта, и Артура Мэкана, мы не найдем имени Робертсона Дэвиса (как, впрочем, и имени Эдгара Алана По, одного из признанных учителей Кинга, в том числе и в трактовке темы «жизни после смерти», с которой связана маги-

стральная философская линия романа «Возрождение») [3]. Однако это не значит, что творчество Робертсона Дэвиса было неизвестно Кингу. Так, в романе «Томминокеры» (*The Tommyknockers*, 1987) мы находим прямые аллюзии на канадского автора и его трилогию [4, 5].

Робертсон Дэвис в эпиграфе к своему роману поясняет: «Пятый персонаж» – это театральная роль, которая отличается «от четырех главных – Героя, Героини, Наперсницы и Злодея», и тем не менее существенная для «прояснения и развязки». Актера, исполнявшего такого рода роль также называли «Пятым персонажем» [6, с. 6].

Стивен Кинг в «Возрождении» сравнивает жизнь с кинофильмом, где главные роли исполняют родственники и друзья, роли второго плана – соседи, коллеги, учителя и знакомые. Есть в таком кинофильме эпизодические роли: кассиры, бармены, «ребята, с которыми тренируешься в тренажерном зале три раза в неделю», а также – статисты, которые появляются один раз в жизни и бесследно исчезают. «Пятый персонаж» не вписывается ни в одну из этих категорий. Он «возникает нежданно-негаданно, причем нередко в самый сложный момент» и становится «агентом перемен» [2, с. 9–10].

Точкой отсчета для повествования Данстана Рамзи становится ночь, когда его приятель Перси Стонтон бросил в него снежок с камнем внутри, но попал в миссис Демпстер, у которой из-за этого начались преждевременные роды (так на свет появляется еще один центральный персонаж трилогии – Пол Демпстер), и это стало началом ее душевной болезни. Биограф Р. Дэвиса Джудит Скелтон Грант отмечает, что подобная ситуация произошла и в жизни самого писателя: сын баптистского священника принудил его бросить камень в окно баптистской церкви [7, р. 473]. В силу ряда исторических и вместе с тем близких к мистическим обстоятельств триада главных персонажей, то сближаясь, то отдаляясь, продолжает оставаться связанными друг с другом невидимыми нитями, и роковая сцена со снежком продолжает определять их жизненные траектории. В финале романа размышления о «пятом персонаже» приобретают некий резюмирующий смысл. Лизл, «самодержица трупы» и «бизнес-партнерша» ставшего знаменитым иллюзионистом Пола Демпстера, слушая бесконечные жизненные истории Данстана, заключает: «Мне кажется, что вы – Пятый персонаж. Ведь вы не знаете, что это такое, да? Так вот, в постоянной опер-

ной труппе должна быть примадонна – всегда сопрано, всегда главная героиня и зачастую дура, а также тенор, исполняющий роль ее возлюбленного; затем должна быть контральто – соперница героини, или колдунья, или что-нибудь еще в этом роде, и бас – злодей или соперник тенора. Все это очень мило, однако для построения сюжета необходим еще один актер, обычно баритон; на профессиональном жаргоне его называют Пятым персонажем, в отличие от тех четырех он непарный. Без Пятого персонажа не обойтись, это он расскажет герою тайну его рождения, это он поможет впавшей в отчаяние героине или спасет от голода отшельницу, а может даже стать причиной чей-либо смерти, если так требуется по сюжету. Примадонна и тенор, контральто и бас получают на свою долю лучшие арии и блистательные деяния, но без Пятого персонажа сюжет не построишь! Это хорошая роль, пусть и не слишком эффективная, и карьера для тех, кто ее играет, бывает долговечнее самых золотых голосов. Так, может быть, вы – Пятый персонаж?» [6, с. 247].

Протагонист кинговского «Возрождения» – Джейми Мортон – уже в начале книги называет священника Чарлза Джейкобса «мой пятый персонаж» [2, с. 10]. Преподобный Джейкобс, увлекающийся экспериментами с электричеством, несколько раз возникает в жизни Джейми, становясь своего рода рекуррентным персонажем. Потеряв жену и сына в автомобильной аварии, пастор на своей шкуре познает неразрешимость проблемы теодицеи: он начинает сомневаться в вере, за что его увольняют с церковной должности. Какое-то время Джейкобс зарабатывает тем, что на ярмарках рисует портреты с помощью электричества, затем основывает «Первую церковь электричества» и берется за целительство. Он одержим идеей найти способ воскрешения человека и хочет проникнуть в тайну смерти, унесшей у него жену и сына.

Помимо категории «пятого персонажа», исследуемые произведения объединяют темы религии и судьбы, автобиографичность многих сюжетных ходов, но главное, как представляется, оба романа осмысливают роль случайного, «маленького человека», эпизодического персонажа, без которого, тем не менее, невозможно представить построение жизненных сюжетов и в целом – работу «мельниц господних». В романной поэтике Стивена Кинга и Робертсона Дэвиса категория «пятого персонажа» приобретает структурообразующую функцию, и, как представляется, выдвижение в качестве

смыслового центра эпизодического лица, «маленького человека» коррелирует с основным топосом романов обоих авторов.

Местом действия произведений обоих писателей выступает американская или канадская глубинка. В творчестве Робертсона Дэвиса важное место занимают маленькие городки Канады со сложными, нетривиальными взаимоотношениями их жителей, которые автор любит проследить на протяжении нескольких поколений. Названия первых двух трилогий писателя – «Солтертонская» и «Дептфордская» – происходят от названий вымышленных городков.

Местом действия и героями большинства произведений Стивена Кинга также являются маленькие американские городки и их жители. Можно перечислить четыре вымышленных городка которые, по наблюдению Н. В. Рабкиной, связаны между собой и относятся к художественному универсуму Кинга. Во-первых, это Дерри, в котором происходят события романов «Оно» (*It*, 1986), «Бессонница» (*Insomnia*, 1994), «Ловец снов» (*Dreamcatcher*, 2001) и др. Во-вторых, город Касл-Рок, упоминающийся в большинстве произведений писателя и являющийся местом действия романов «Мёртвая зона» (*The Dead Zone*, 1979), «Куджо» (*Cujo*, 1981) и «Нужные вещи» (*Needful Things*, 1991). Наконец, это города Салемов Удел и Джерусалемс-Лот в романе «Жребий Салема» (*Salem's Lot*, 1975) [8].

Жизнь «одноэтажной Америки», тягучий быт провинциальных городков – давно уже не менее притягательный предмет художественного освоения, чем масштабность мегаполисов, и американская глубинка в не меньшей степени открывает перед своими летописцами новые перспективы и дарует художественные прозрения. Проблема изображения маленьких американских городков в литературе не раз привлекала внимание исследователей. Можно вспомнить, к примеру, статьи В. Г. Прозорова «Четыре города Пола Остера: городское пространство как художественный конструкт» [9] и Т. Е. Комаровской «Трагедия маленького городка в современной феминистской прозе: роман Джейн Гамильтон «Книга Руфи»» [10]. Социальным измерениям хронотопа США в творчестве Стивена Кинга посвящена книга американского ученого Джордана Дэвиса «Stephen King's America» [11]. Есть и опыты осмысления текстов Р. Дэвиса с точки зрения отражения в них жизни маленьких городков: канадский литературовед Р. Портер сопостав-

ляет вымышленные города Дептфорд и Мари-поса – место действия произведений другого канадского писателя – Стивена Ликока (1869–1944) [12]. (Отметим, что среди русскоязычных работ нам известно лишь две статьи, посвященные интересующим нас романам [13, 14], и обе лишены компаративного аспекта, что обуславливает безусловную новизну нашего подхода.)

Воображаемый Дептфорд – это поселок, расположенный в канадском штате Южный Онтарио. Автор весьма подробно описывает место действия: в поселке проживают около пятисот человек, имеются пять церквей (англиканская, баптистская, католическая, пресвитерианская и методистская), свой мировой судья, один банкир со своим частным банком, два врача, дантист, ветеринар, консервный завод и газета «Дептфордское знамя», принадлежащая семье Данстана Рамзи. Большинство жителей поселка были выходцами из Южной Англии. О них Данстан говорит: «Мы были серьезными людьми, нам вполне хватало нашей общины, мы ничуть не ощущали себя ущербными в сравнении с жителями больших городов» [6, с. 18].

Действие романа «Возрождение» начинается в маленьком городке Харлоу, расположенном (как и многие другие вымышленные города Стивена Кинга) в штате Мэн. О городе мы узнаем, что все дороги в нем были грунтовыми, за исключением шоссе, ведущего в Портленд, Льюистон и вымышленные города Гейтс-Фоллз и Касл-Рок. В Харлоу всего две церкви – Первая методистская церковь Харлоу и Церковь Силома. Кроме того, рядом с городом расположен дорогой курорт.

Американский социолог Роберт Вутноу в своем сравнительно недавнем исследовании «Америка маленьких городков: обретение сообщества, формирование будущего» (2013) [15] исследует ряд особенностей жизни американской глубинки, которые оказываются полезны для нашего компаративного анализа. Первое из отличий маленьких городов от мегаполисов, отмечаемое Р. Вутноу, заключается в том, что большинство жителей знакомы друг с другом лично. Благодаря такому жизненному укладу создается особая общинная атмосфера, которая значима и для системы персонажей исследуемых романов: нарраторы знают всех персонажей по именам. Фактор знакомства с новым человеком играет необычно большую, практически исключительную роль в развитии сюжета. Топос в известной степени влияет на выбор нарративных стратегий: в обоих

случаях авторы могут строить повествование с точки зрения героя, а не «всеведущего повествователя». Другими словами, Стивен Кинг и Робертсон Дэвис используют внутреннюю фокализацию, когда рассказчиком является герой романа, описывающий происходящее в мельчайших подробностях, что выглядело бы неестественно, если бы местом действия был мегаполис.

Вторая особенность жизни маленьких городков – роль слухов. Слухи, распространяемые жителями друг о друге, в художественном произведении могут служить как источником информации и новостей, так и катализатором многих конфликтов. Например, благодаря слухам вернувшийся после войны на родину Данстан узнает о том, что происходило в Дептфорде во время его отсутствия. Монолог парикмахера Мило, в котором передаются все местные новости, занимает четыре с половиной страницы романа [6, с. 114–118]. В «Возрождении» Стивена Кинга слухи о пристрастии жены Чарльза Джейкобса к алкоголю настраивают прихожан методистской церкви против него и способствуют увольнению священника.

Третья специфическая черта психологии жителей маленьких городков – это эмпатия, взаимный интерес, который испытывают они друг к другу. Они доброжелательно настроены по отношению к соседям и всегда готовы прийти на помощь, даже если их разделяют конфессиональные перегородки. В романе «Пятый персонаж» Данстан отмечает, что в Дептфорде «не было вражды между различными конфессиями, но как-то уж повелось, что каждая из них сама занималась своими делами, обращаясь к помощи со стороны исключительно в случаях крайней необходимости» [6, с. 10]. В романе представлен пример подобной взаимопомощи прихожан разных церквей: мать Данстана – пресвитерианка – незамедлительно отправляется в дом Демпстеров, когда узнает, что ее соседка – беременная жена баптистского священника – получила удар в голову и упала. В «Возрождении» Стивена Кинга жители Харлоу также всегда готовы прийти на помощь друг другу. Так, мать Джейми Мортон и другие женщины помогли Чарльзу Джейкобсу с обустройством дома до тех пор, пока не приехала его жена.

Следующая отличительная черта жизни в маленьком городке – это медленный, тягучий темп жизни. Жители придают большое значение любому событию, выпадающему из привычного ритма, будь то праздник или совершенное в

городе преступление. Характерным образом оба автора нарушают повседневный ход вещей обстоятельствами не просто экстраординарными, но трансгрессивными. Так, в романе «Пятый персонаж» Дептфорд был возмущен поведением миссис Демпстер, которая ушла из дома и была обнаружена в щебеночном карьере в процессе соития с одним из бродяг. В романе «Возрождение» таким событием становится смерть жены и сына Чарлза Джейкобса и прочитанная им впоследствии «Ужасная проповедь».

М. М. Бахтин писал о «существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [16, с. 120]. В качестве примера такой взаимосвязи Бахтиным приводит «провинциальный городок», в котором «нет событий, а есть только повторяющиеся “бывания”» [16, с. 280]. По мысли исследователя, в провинциальном городке время лишено поступательного исторического хода, все события, действия и разговоры повторяются изо дня в день. Он называет это время «бессобытийным» и «почти остановившимся» [16, с. 280]. Пользуясь еще одной емкой формулировкой М. М. Бахтина, хронотоп «провинциального городка» служит «контрастирующим фоном для событийных и энергических временных рядов» [16, с. 280].

Именно в связи с бессобытийностью приезд новых людей в город приобретает невероятную значимость для городских обывателей, подобно тому, как появление нового героя в натуралистической драме и прозе играло триггерную роль, запуская работу механизмов, подрывающих привычную детерминированность повседневности. В романах Кинга переезд в маленький город зачастую означает начало цепочки ужасных событий, происходящих вопреки мечтам героев о спокойной, размеренной жизни на новом месте. Так, роман «Кладбище домашних животных» начинается с приезда героев в Ладлоу, а роман «Возрождение» – с приезда Чарлза Джейкобса в Харлоу.

Еще одна важная особенность маленьких городков состоит в их неизбежной социальной изоляции и, как следствие, относительной выключенности из большого исторического времени (вспомним об исключительно грунтовых дорогах Харлоу). Для жителей важнее то, что происходит в их городе, а не в остальном мире. Это рельефно подчеркивается и в романе «Пятый персонаж»: «Для большей части мира главным событием осени 1914 года стало начало войны, однако у нас в Дептфорде бо-

лезнь моего брата Вилли вызвала интерес ничуть не меньший, если не больший» [6, с. 62].

Пример экстремальной изоляции – не только социальной, но и физической – описал Стивен Кинг в романе «Под куполом» (*Under the Dome*, 2009): вымышленный город Честерс-Милл накрывает таинственный купол, едва пропускающий воздух. Катастрофа обнажает все самое худшее в жителях города, многие из которых пользуются ситуацией ради собственной выгоды. Спустя неделю героям романа удается освободить город, однако из двух тысяч горожан выживают около двадцати пяти человек.

По наблюдению Р. Вутноу, фестивали и ярмарки являются важным событием в жизни города. Подготовка к таким мероприятиям объединяет жителей и создает условия для обмена новостями и сплетнями [15, р. 110]. В анализируемых романах многие сюжетно-значимые события происходят во время фестивалей и ярмарок. Так, в романе «Пятый персонаж» именно во время ярмарки исчезает Пол Демпстер. Из третьего романа «Дептфордской трилогии», «Мир Чудес», мы узнаем, что его похитил бродячий цирк, выступавший на ярмарке, и это событие становится судьбоносным: если бы этого не случилось, Пол не стал бы всемирно известным иллюзионистом. В романе Стивена Кинга «Возрождение» одна из судьбоносных встреч Джейми Мортон и Чарлза Джейкобса также происходит на ярмарке.

Таким образом, социология североамериканских городков влияет на построение сюжета, временную структуру и систему персонажей в романах Робертсона Дэвиса и Стивена Кинга. Разница во времени действия романов (в «Пятом персонаже» события начинаются в 1908 г., а в «Возрождении» – в 1962 г.) способствует тому, что в романе Кинга мы наблюдаем меньшую социальную изоляцию города Харлоу – в это время становятся доступными телевизоры и радиоприемники, что позволяет жителям глубинки быть в курсе всех важных событий, происходящих в США и других странах. Разница во времени действия обуславливает и выбор разных медиумов (соответственно, театра и кинематографа) в качестве метафорического субстрата для категории «пятый персонаж».

Список литературы

1. Bloom H. The Western Canon: The Books and School of the Ages. New York : Riverhead books, 1994. 546 p.
2. Кинг С. Возрождение / пер. с англ. В. В. Антонова. М. : АСТ, 2015. 416 с.

3. Семенова Е. С. Посвящение как паратекстуальный элемент романной поэтики Стивена Кинга // *Американистика на Дальнем Востоке : ежегодный бюллетень*. Вып. 8 / отв. ред. Д. В. Кузнецов. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2022. С. 189–193. https://doi.org/10.48344/27824152_2022_1_189
4. Кинг С. Томминокеры : роман. М. : АСТ, 2020. 736 с.
5. Анцыферова О. Ю., Семенова Е. С. Сравнительный анализ категории «пятый персонаж» в романах Робертсона Дэвиса и Стивена Кинга: к постановке проблемы // *Американистика на Дальнем Востоке : ежегодный бюллетень*. Вып. 7 / отв. ред. Д. В. Кузнецов. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2021. С. 131–136. EDN: ZPMMWD
6. Дэвис Р. Пятый персонаж; Мантикора; Мир чудес. М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. 928 с. (Иностранная литература. Большие книги).
7. Grant J. S. Robertson Davies: Man or Myth. Toronto : Viking, 1994. 787 p.
8. Рабкина Н. В. Художественный универсум Стивена Кинга: имена собственные как средство создания достоверной реальности // *СибСкрипт*. 2015. Т. 4, № 4 (64). С. 204–208.
9. Прозоров В. Г. Четыре города Пола Остера: городское пространство как художественный конструкт // *Материалы XXXVI и XXXVII международных конференций Российского общества по изучению культуры США. «Природа и культура: американский опыт сосуществования / Nature and Sustainability of Culture» (3–10 декабря 2010 г.) и «Город и урбанизм в американской культуре / City and Urbanism in American Culture» (2–9 декабря 2011 г.)* / отв. ред. Л. Г. Михайлова. М. : МедиаМир, 2014. С. 216–222. <http://rsacs.org/wp-content/uploads/2019/11/Nature-and-City-2010-11.pdf> (дата обращения: 23.01.2024).
10. Комаровская Т. Е. Трагедия маленького городка в современной феминистской прозе: роман Джейн Гамильтон «Книга Руфи» // *Материалы XXXVI и XXXVII международных конференций Российского общества по изучению культуры США. «Природа и культура: американский опыт сосуществования / Nature and Sustainability of Culture» (3–10 декабря 2010 г.) и «Город и урбанизм в американской культуре / City and Urbanism in American Culture» (2–9 декабря 2011 г.)* / отв. ред. Л. Г. Михайлова. М. : МедиаМир, 2014. С. 292–302. <http://rsacs.org/wp-content/uploads/2019/11/Nature-and-City-2010-11.pdf> (дата обращения: 23.01.2024).
11. Davis J. P. Stephen King's America. Bowling Green : Bowling Green State University Popular Press, 1994. 192 p.
12. Porter R. Saying Goodbye to Mariposa: Robertson Davies's Deptford and the Small-Town Convention // *Studies in Canadian Literature*. 2011. Vol. 36, № 1. P. 163–185.
13. Дулевич К. А., Тыщенко Р. А. Идея смерти в произведениях С. Кинга (на примере романа «Возрождение») // *Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания : материалы III междунар. научно-практ. конф. (Минск, 26–27 марта 2020 г.)* / редкол. : Е. А. Пригодич [и др.]. Минск : БГУ, 2020. С. 702–705.
14. Куйбарь В. И., Власова М. А. Концепция святости в постмодернистской художественности (на примере творчества Р. Дэвиса) // *Известия Иркутского государственного университета. Политология. Религиоведение*. 2018. № 24. С. 55–63.
15. Wuthnow R. Small-Town America: Finding Community, Shaping the Future. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2013. 498 p.
16. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. 502 с.

Поступила в редакцию 24.01.2024; одобрена после рецензирования 02.02.2024; принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 24.01.2024; approved after reviewing 02.02.2024; accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024

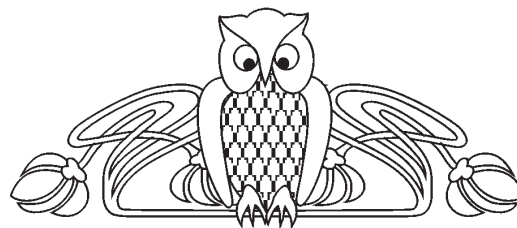

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 325–332
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 325–332
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-325-332>, EDN: I1OWIB

Научная статья
УДК 821.112.2.09-3+929 Левичарофф

Об историко-культурном значении творчества Сибиллы Левичарофф

Д. А. Чугунов

Воронежский государственный университет, Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1

Чугунов Дмитрий Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы, dr-chugunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6368-3628>

Аннотация. Представленная статья посвящена определению места произведений Сибиллы Левичарофф, лауреата Бюхнеровской премии 2013 г., в новейшей немецкой литературе. Её писательская известность связана с важными и дискуссионными тезисами о путях европейского общественного и культурного развития. Так, в книге «36 праведников» (1994) С. Левичарофф трансформировала древне-еврейскую легенду об особенных людях, которым человечество обязано своим существованием, и дала собственную её трактовку применительно к истории Европы второй половины XX в. Сатирической проекцией на прогрессивный образ жизни стал её роман «Понг» (1998). С. Левичарофф метафорически показала потерю смыслов существования, переживаемую её современниками. В полной мере культурный скепсис писательницы отобразился в романе «Свершение» (2006). Античный контекст размышлений связан в произведении с отсылками к национальной истории двадцатого и двадцать первого столетий. Благодаря этому писательнице удалось развернуть объёмную метафору духовной неопределённости, культурной шаткости современного существования. Игровой характер многих текстов С. Левичарофф не скрывает отчётливого разделения в них тёмного и светлого, божественного и дьявольского начал жизни. При этом писательница сознаёт, что христианская доктрина в современной жизни воспринимается чаще всего как формальность, как набор ритуалов и мифов. Так же и её публичные тезисы о значимости духовной составляющей человеческого существования часто вызывают резкую критику со стороны неоллиберальных публицистов. В этом отношении присуждение С. Левичарофф Бюхнеровской премии является знаковым событием, показывающим важность присутствия в современном литературном процессе автора с недвусмысленной нравственной позицией.

Ключевые слова: Сибилла Левичарофф, новейшая немецкая литература, христианство

Для цитирования: Чугунов Д. А. Об историко-культурном значении творчества Сибиллы Левичарофф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 325–332. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-325-332>, EDN: I1OWIB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

About the historical and cultural significance of Sibylle Lewitscharoff's work

D. A. Chugunov

Voronezh State University, 1 Universitetskaya pl., Voronezh 394018, Russia

Dmitriy A. Chugunov, dr-chugunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6368-3628>

Abstract. The presented article determines the place of the works of Sibylle Lewitscharoff, the winner of the 2013 Büchner Prize, in the modern German literature. Her literary fame is associated with important and controversial theses on the ways of European social and cultural development. Thus, in the book *36 Righteous People* (1994), S. Lewitscharoff transformed the Hebrew legend about special people to whom humanity owes its existence, and gave her own interpretation of it in relation to the history of Europe in the second half of the twentieth century. Her novel *Pong* (1998) became a satirical projection on a progressive lifestyle. S. Lewitscharoff metaphorically showed the loss of the meanings of existence experienced by her contemporaries. The writer's cultural skepticism was fully reflected in the novel *Consummatus* (2006). The ancient context of reflections is connected in the work with references to the national history of the twentieth and twenty-first centuries. Thanks to this, the writer managed to expand the extensive metaphor of spiritual uncertainty, the cultural precariousness of modern existence. The playful nature of many of Lewitscharoff's texts does not hide the distinct separation of dark and light, divine and diabolical principles of life in them. At the same time, the writer is aware that the Christian doctrine in modern life is most often perceived as a formality, as a set of rituals and myths. Similarly, her public theses on the importance of the spiritual component of human existence often provoke sharp criticism from neoliberal publicists. In this regard, the fact that S. Lewitscharoff was awarded the Büchner Prize is a landmark event that shows the importance of the presence of an author with an unambiguous moral position in the modern literary process.

Keywords: Sibylle Lewitscharoff, the modern German literature, Christianity

For citation: Chugunov D. A. About the historical and cultural significance of Sibylle Lewitscharoff's work. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 325–332 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-325-332>, EDN: IHOWIB
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Имя Сибиллы Левичарофф (Sibylle Lewitscharoff, 1954–2023) практически не известно в России. Лишь в статьях З. И. Карцевой [1, с. 158] и А. Болдыревой [2, с. 26] вскользь говорится о наличии в её творчестве эмигрантской темы и делаются отсылки к тенденциям развития современной женской прозы (болгарской и чешской). Незадолго до смерти писательницы в журнале «Иностранная литература» был опубликован переводной отрывок из её позднего романа «Блюменберг» (2021, № 3).

Однако при этом С. Левичарофф является одной из самых заметных и неоднозначных немецких писательниц рубежа XX–XXI вв. Размышления над её творчеством позволяют проследить, как в современном литературоведении выстраивается картина смысловых доминант новейшей художественной словесности, как формируются опорные точки для построения будущей академической истории литературы.

Особенный интерес для нас представляет изучение произведений С. Левичарофф в среде этических и эстетических отражений. Важно, что комплекс художественных идей, закладываемый в текст автором, находит созвучие не только в разноплановых газетных и журнальных рецензиях, но и в выверенных, мотивированных суждениях литературных жюри, присуждающих заметные премии современности. Подобный социально-культурный контекст, присутствующий далёким фоном в разговоре о литературе *прошлого*, всегда выдвигается на первый план при попытке понять литературу *настоящего*. Созвучие между авторской интенцией и критическим суждением – а его зримым выражением являются Премия Марии Луизы Кашниц (2008), Премия Лейпцигской книжной ярмарки (2009), Премия Клейста (2011), Премия Рикарды Хух (2011), Премия Марилуизы Фляйссер (2011), Литературная премия Вильгельма Раабе (2011), Премия Георга Бюхнера (2013) и др. – подчас более, чем формальные моменты (такие, как внимание к жанровой природе, связь с национальной традицией или, напротив, новаторство форм и т. п.), позволяет оценить те или иные художественные явления текущей современности. Подобным образом в своё время рождались определения «Aufbauliteratur» или «Ankunftsliteratur» в ГДР, «Angry young men» в Великобритании, «деревенская проза»

в Советском Союзе и др.¹ В двойной оптике взглядов художника слова и критика/литературоведа высвечиваются ключевые ценностные характеристики, значимые для понимания происходящего.

Сложность оценивания произведений С. Левичарофф коррелирует с общей сложностью целостного рассмотрения новейшей немецкой литературы. Видимое завершение немецкой *послевоенной* литературы, обусловленное ситуацией «поворота» в Германии, а затем и исчерпание потенциала художественной словесности 90-х гг. XX в. поставили перед литературоведами непростую задачу. Опираясь на общественно-политические критерии и продолжать вести речь о восточногерманской и западногерманской литературе уже не представляется возможным. Также сомнительными выглядят отсылки к исчерпавшему себя постмодернизму или к некогда модной *pop*-литературе. Не случайно, подводя итоги последнего десятилетия, К. Кэммерлингс в монографии «Краткое счастье настоящего: немецкоязычная литература после 1989 года» (2011) задумывается об облике немецкой литературы уже в наступившем двадцатом столетии [3]. Похожий вопрос, только в отношении национальной литературной критики, задавал ранее и Х. Винкельс в монографии «Хорошие признаки: немецкая литература 1995–2005 гг.» (2005) [4]. Обоим интересует возможность нащупать некие метафизические элементы только формирующейся картины мира XXI века – элементы, отображаемые в художественных текстах. На

¹ *Aufbauliteratur* («литература строительства»), *Ankunftsliteratur* («литература прибытия») – условные обозначения для этапов развития восточногерманской литературы. *Angry young men* («рассерженные молодые люди») – К. Эмис, Дж. Уйэн, Дж. Осборн, Дж. Брэнн, Ш. Делани и другие авторы, отобразившие протест против английской действительности 1950-х гг. «Деревенская проза» – произведения С. Зальгина, В. Белова, В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Крупина и других писателей, обращавшихся к традиционным ценностям русской деревенской жизни. Так, непосредственно с концептом «строительства» новой действительности оказывались связанными, например, роман «Люди на нашей стороне» Э. Клаудиуса («Menschen an unserer Seite», 1951) и гимн ГДР «Воскресшая из руин» («Auferstanden aus Ruinen», 1949), принадлежавший И. Р. Бехеру. Термин «рассерженные молодые люди» есть производное от названия автобиографии Л. Пола «Рассерженный молодой человек» (1951). Деревенская жизнь является главным хронотопом романа «Братья и сёстры» Ф. Абрамова (1957) и рассказа «Матрёнин двор» А. Солженицына (1963).

это прямо указывают названия некоторых глав и параграфов – как в работе К. Каммлера («Что это было? Что происходит сейчас? О настоящем смерти и умирании»), так и в труде Х. Винкельса («Зло и поэт: об апокалиптическом настроении в немецкой литературе и в романе Хельмута Крауссера “Танатос”», «Турбокапитализм под временной лупой: роман Георга М. Освальда “Всё, что считается”», «Телевидение и воспроизведение: роман Кристофа Петерса “Платок из ночи”»).

Литературная критика настойчиво всматривается в произведения современных авторов, выполняя, по сути, прогностическую задачу и пытаясь уловить в текстах важнейшие ценностные ориентиры, которые определяют дальнейшее развитие литературы. Показательно в этой связи, что большая часть наград, полученных С. Левичарофф, выпадает как раз на рубеж 2000–2010-х гг., т. е. на время окончательного прощания с эпохой «послевоенной литературы» (*Nachkriegsliteratur*). Легко предположить, что немецкое литературоведение уловило в её произведениях важные, дискуссионные мысли, имеющие отношение к пути, по которому двинется или же может двинуться немецкое общество в XXI в.

Философско-художественное своеобразие творчества С. Левичарофф проявилось сразу же. Так, в 1994 г. она выпустила небольшую книгу «36 праведников» (*36 Gerechte*). Идея книги восходит к древнееврейской легенде о живущих в мире особенных людях. Они не отличаются от прочих, однако именно им человечество обязано своим существованием. Праведники тайно помогают страждущим, и потому Бог только ради них сохраняет человечество. Само число праведников окончательно установилось в традиции к XVIII в., а сюжет о скрытых спасителях людей вошёл в мировую литературу².

Писательница иронично переосмыслила классический сюжет, обратив взор на *праведников* настоящего времени, «чудесно агрессивных и очаровательных», которые, как «само собой разумеющееся, хотят спасти Землю», но у которых «больше нет своего дела», потому что мир, в сущности, слеп, он не нуждается в их услугах и не нуждается в спасении [5].

Истинная глубина этого небольшого произведения открывается не сразу. Дело в том, что античная аллюзия в этом произведении – далеко не единственный смыслообразующий компонент. Если мы сопоставим две даты:

² См. произведения А. Шварц-Барта, Н. Закс, Шолом-Алейхема, Д. Хармса и др.

1994 и 1993 гг. – время публикации книги и время образования Европейского союза, – станет ясной скрытая проекция уже на современные европейские дела.

Сама по себе идея Союза, выросшая и укрепившаяся благодаря прочно вставшему на ноги Объединению Угля и Стали, поначалу была теснейшим образом связана с христианством. Именно христианской видел объединённую Европу французский премьер-министр, набожный католик Робер Шуман. Таким же ревностно верующим христианином был и создатель флага Евросоюза – страсбургский художник Арсен Хейц, который предполагал взять за образец Богородичную хоругвь: на синем фоне образ Богородицы, у головы которой расположены двенадцать звёзд. Наконец, папа римский Иоанн Павел II предлагал упомянуть в преамбуле к Конституции Евросоюза особенную роль христианства в становлении европейской культуры. От всего этого атеистическое европейское общество, сделавшее ставку на безликий мультикультурализм, как известно, отказалось.

Таким образом, современный *праведник*, по мысли С. Левичарофф, действительно оказывается в абсолютно трагической ситуации собственной не востребованности. И его ощущение *инаковости* среди тех, кто «спасает» мир в глобальных масштабах, только увеличивается. Парадоксально, что агрессивным существом видится обществу сам *праведник*, а вовсе не те, кто пытаются заставить сначала Европу, а затем и остальной мир жить по правилам счастья, основанным не на божественной истине, а на законах экономики и т.п.

Некоторое время спустя, приняв участие в литературном конкурсе им. Ингеборг Бахманн (1998), С. Левичарофф прочитала отрывок из романа «Понг» (*Pong*, 1998), написанный от лица сумасшедшего человека:

«Безумцу мир нравится таким, каков он есть, потому что он живёт в его центре. Не где-то в каком-то центре, а в опасном центре, в яйце Цвинга³. Небрежно выброшенные из этого деликатного пространства волосы могут заставить мир пошатнуться, а затем и отправить на петляющий курс Луна – Солнце – Млечный Путь *ade* системно *e' – e'*. Всё это безумец знает наверняка и остерегается, например, поднять руку слишком высоко, чтобы не случилось

³ Здесь игра слов. «Zwing» – от глагола «принуждать, заставлять» (нем.). *Zwinger* – тюрьма; клетка для зверей; пространство между внешней и внутренней стенами крепости.

несчастья: падения валунов, большие куски на мелкие, ещё бóльшие на уже величественные – так разорвутся хрупкие сочленения, на которых висит мир. Ему, это легко понять, разрешены только крошечные движения, и ему больно, когда его переносят с одной кровати в другую или помещают в искривлённую комнату, потому что он любит мир таким, какой он есть, он любит его, он любит его. А иначе? Ещё какие-нибудь заботы? К сожалению, забот не счесть.

Беспокойство, что пуговица отрывается.

Беспокойство, что его просто нацарапали.

Опасение, что его небесные связи исчезают.

Опасение, что через его пупок вдувают морозный воздух.

Опасение, что неверные супруги подадут на него в суд.

Но человек состоит не только из шумной заботы и осторожности. Внезапно у него появляется огромный аппетит. Кроме того, жажда, которая даёт ему возможность испытать Тихий океан. Снова сколько-то высидел, поздравляя себя после каждого глотка и укуса. <...>

Но ему нравится не только мир в целом, но и в его частях. В частях, которые, возможно, вредны, но тем не менее любимы им, да именно потому, что любимы сердцем, которое настойчиво стучит о внутреннюю стенку тела» [6].

Святитель Николай Сербский, по остроумному замечанию протоиерея Андрея Ткачёва, «ещё до Первой Мировой... называл среднего европейца заразным пациентом, убежавшим из клиники и заражающим всех вокруг» [7]. О похожих ассоциациях свидетельствует и одно из интервью С. Левичарофф 2013 г. Она заметила: «Сумасшедший управляет другой каруселью ассоциаций. Нормальный человек испытывает подобное в лучшем случае ночью, перед тем как заснуть. Но не днём. У действительно сумасшедших, которые могут в это погрузиться, – что сегодня, как правило, прерывается лекарствами, – безумие расцветает совсем по-другому. Это Конституция бытия, которая меня очень интересует, потому что она косвенным образом даёт представление о том, что вы называете нормальным. Кроме того, я всегда имела дело с сумасшедшими. <...> С новым поколением, полностью погруженным в компьютер, мы ещё увидим совершенно новые и очень впечатляющие формы безумия, в этом я уверена» [8]. «Искривлённая комната» в романе С. Левичарофф – метафора современного социума, в котором пребывает рядовой гражданин.

Подобное обращение к моральной проблематике повествования и умение писательницы ставить перед обществом неудобные вопросы являются далеко не случайными. С. Левичарофф как личность во многом сформировалась в годы учёбы в Свободном университете Берлина, где она изучала религиоведение. По этой причине уже раннее творчество С. Левичарофф стало свидетельством её подчёркнутого интереса к духовному измерению современной человеческой жизни.

В полной мере этот интерес проявил себя в романе «Свершение» (*Consummatus*, 2006). Используя игровую, постмодернистскую манеру повествования, сплетая воедино происходящее наяву и существующее лишь в иллюзорно-фантомных воспоминаниях человека, писательница настойчиво направляет своего читателя к поиску ответов на ключевые вопросы бытия. И главный их них – вопрос о свершении и совершенстве, о возможной или невозможной трансформации мира к лучшему. Происходящее в романе включено ею в евангельский контекст: так, совершенно прозрачной является отсылка к последним словам Иисуса Христа, произнесённым на кресте: «Consummatum est» («свершилось»).

Не менее важно то, что размышления персонажей вновь связаны и с более современным историко-культурным контекстом, с историей Германии двадцатого столетия. С. Левичарофф с первых же страниц повествования разворачивает объёмную метафору духовной неопределённости, культурной шаткости современного существования. Её герой множеством невидимых нитей связан с прошлым, однако связь эта вызывает в нём лишь пассивную, неопределённую ненависть и желание ускользнуть, вывернуться из-под власти минувшего.

«Я, человек с малым регистром для поступков, с большим – для чего-то духовно-нравственного. Номо *minimus* и *homo maximus* соединены под одной кожей и вовсе не для счастья. К чему бы я ни обратил свой взор, я не избавлюсь от мёртвых. Они давят мне на сердце и свистят в лёгких. Устраивает ли меня это или нет, мёртвые всегда вокруг меня» – такое переживание собственного бытия открывается нам в сознании Ральфа Циммерманна, протагониста повествования, сидящего субботним утром в штутгартском кафе и размышляющего о жизни [9, С. 8].

Это *давление мёртвых* можно соотнести, например, со словами из нобелевской речи

Г. Грасса: «Всякий раз нас снова настигало прошлое» [10, с. 329]. Или с его же утверждением, адресованным восприятию периода 1933–1945 гг.: «Мне понятно желание немцев подвести черту под прошлым и жить как все. Но не стоит обольщаться. До этой „нормальности“ нам ещё далеко» (цит. по: [11]). С. Левичарофф, как и Г. Грасс, в метафорической форме изображает давление груза истории на сознание отдельной личности, показывает внезапно проявляющуюся малость индивидуума перед коллективным началом XX в.

Показательно, что в похвальном слове в честь лауреата на вручении Бюхнеровской премии 2013 г. У. Мэрц обратила внимание на внутреннее родство произведений С. Левичарофф произведениям Ф. Кафки. «Игровой язык Левичарофф, сочетающий домашний диалект и возвышенные неологизмы, имеет мало общего с Кафкой. Но в области фантастического реализма она и в самом деле его наследница», – сказала она на церемонии награждения [12].

Писательница подтверждает это. У неё есть и другие любимые авторы, например Жан Поль, но: «Самым горячим кандидатом на мою действительно большую любовь всегда является Франц Кафка», – говорит С. Левичарофф [13]. И если фигура Ф. Кафки находится в самом начале двадцатого столетия, то С. Левичарофф стоит у его завершения, когда возможно подведение итогов.

Культовые фигуры Г. Грасса и Ф. Кафки – далеко не единственные, что возникают перед мысленным взором читателей романа. Помимо них здесь и основатель идеологии «*homo universale*», крупная фигура в истории поп-арта Э. Уорхол; вокалист группы «The Doors» Дж. Моррисон; валлийский киноактёр, звезда шестидесятых Р. Бёртон; валлийский поэт, прозаик, драматург и публицист Д. Томас; валлийский рок-музыкант, член американской группы «The Velvet Underground» Дж. Кейл; звезда немецкой поп-сцены пятидесятых Р. Шурике; поэт и профессор-германист Фр. Гундольф⁴; чешский поэт и публицист М. Голуб; основоположник современной шведской литературы и театра Ю. А. Стриндберг; американский киноактёр, известный ролями невозмутимых шерифов и спецagentов, Т. Л. Джонс; американско-британский поэт-модернист Т. С. Элиот; американский поп-певец, голос поколения шестидесятых Р. Дилан; ирландский прозаик и

⁴ Среди его студентов был будущий министр пропаганды Третьего рейха Й. Геббельс.

журналист Ф. О’Брайен; австрийский психолог З. Фрейд; известнейший писатель-путешественник, зоолог и директор франкфуртского зоопарка Б. Гржимек; историк-медиевист Э. Канторович; немецкоязычные поэты и писатели прошлого и настоящего: Г. Э. Лессинг, И. В. Гёте, Жан Поль, К. фон Brentано, Г. Келлер, Г. фон Клейст, Р. М. Рильке, С. Георге, Г. фон Гофмансталь, Э. Ласкер-Шюлер, Г. Бенн, Р. Шнайдер, Б. Брехт, М. Фляйсер, Э. Хеншайд, П. Хандке, Г. фон Реццори; философы И. Кант и М. Хайдеггер; Иосиф Аримафейский и Мартин Лютер; фотограф и фотохудожник Х. Ньютон; актёры и актрисы К. Дуглас и Л. Оливье, М. Дитрих и М. Рёкк, Э. Тейлор и Л. Ремик; режиссёр Л. Рифеншталь; а ещё индийский писатель и кинорежиссёр С. Рай, художник А. Кифер⁵, немецкий актёр-комик В. Райхерт... Так постепенно складывается грандиозная мозаика духовных, этических и эстетических поисков завершившегося столетия.

Одна из множества аллюзий позволяет выйти к главному проблемному вопросу в романе. Так, в песне, завершающей дебютный альбом группы «The Doors», звучат слова:

This is the end, beautiful friend

This is the end, my only friend, the end [14]⁶.

Их сопоставление со словами Иисуса, произнесёнными на кресте, заставляет задуматься: так что же произошло («свершилось») с человеком – амбивалентным существом, пребывающим в насквозь амбивалентном мире? Воспринимать ли нам слово «*consummatus*» как обозначение совершенства, перехода в высший мир или как обозначение краха наших принципов существования?

Игровой, подчас постмодернистский характер текстов С. Левичарофф не должен вводить её читателя в заблуждение. За иронией и стилистическими парадоксами скрыты серьёзные вопросы, требующие однозначных ответов. Писательница отчётливо разделяет в своих книгах тёмное и светлое начала жизни, божественное и дьявольское её наполнение. В многочисленных интервью она прямо говорит об этом, например: «Если мы являемся образом

⁵ В 1969 г. устроил в Карлсруэ провокационную инсталляцию, чтобы показать живучесть идей нацизма.

⁶ Дж. Моррисон утверждал: «Иногда боль слишком сильна, чтобы её исследовать или даже терпеть... Хотя это не делает её пагубной или непременно опасной. Но люди боятся смерти даже больше, чем боли. Странно, что они боятся смерти. Жизнь ранит гораздо сильнее, чем смерть. В момент смерти боль заканчивается. Да, я полагаю, она является другом» (см.: [15]).

Бога или мы созданы по Его образу, живет ли Бог в нашей душе? Эти вопросы актуальны, но, к сожалению, религия как источник знаний забыта» [16].

При этом С. Левичарофф понимает, что роль религии в современном обществе уже не столь велика. «Для меня религиозное образование абсолютно необходимо», – открыто заявляет С. Левичарофф [17, S. 94]. Однако, по её же словам, это у бабушек и дедушек ещё имелась в душе искорка веры, но ныне, даже в деревнях, она не может назвать ни одного, кто был бы по-настоящему верующим [17, S. 92]. К большому сожалению, христианство в современной Европе закоснело в «цивилизационном корсете» [17, S. 93], превратилось в формальность, сложенную из ритуалов и мифов. Христианскую литературу повсеместно подменяют новомодными, приводящими в содрогание художественными проектами в пустующих церквях [17, S. 95]. Одну из причин этого она видит в потере церковью своей репутации во времена нацизма, когда трусливо молчали как католики, так и протестанты [17, S. 95]. Причём не стоит думать, будто проблема касается только Германии, – это общеевропейский процесс. «Это затрагивает всё европейское пространство», – замечает С. Левичарофф [17, S. 95]. А новомодное введение женского атрибута в религию (как переход от мужской абстракции к природному, женскому началу), опирающееся как на католическую традицию почитания Пресвятой Девы Марии, так и на агрессивный феминизм XIX–XX вв., ведёт, по её мнению, к явному соскальзыванию человека из христианства в обычную натурфилософию, в неоязычество [17, S. 97].

Не удивительно, что авторская позиция С. Левичарофф часто вызывала нападки со стороны либеральных публицистов. Так, например, Г. Диц в «Шпигеле» сравнил писательницу с «мещанкой», со шваброй в руках «сражающейся с настоящим», а её понимание литературы язвительно назвал моющим средством против современности [18].

Не менее резкие обвинения обрушились на С. Левичарофф после её публичной речи «Об осуществимости. Научное положение о рождении и смерти» («Von der Machbarkeit. Die wissenschaftliche Bestimmung über Geburt und Tod», 2014), в которой она выступила против искусственного оплодотворения и права лесбиянок заводить детей [19]. Позицию писательницы обозначили как антинаучную, антисовременную, граничащую с «новым

клерикальным фашизмом» [20]. Д. Книппхальс назвал выступление «ужасной тирадой», в которой писательница попыталась «рекламировать жёсткий христианский фундаментализм» [21], а Дрезденский государственный театр, бывший площадкой выступлений, в публичном заявлении дистанцировался от мнения С. Левичарофф. Лишь немногие средства массовой информации и культурные организации выступили в поддержку писательницы, заявившей о существовании крупной проблемы в современном укладе жизни.

Обращение к историко-литературному контексту позволяет лучше понять действительную значимость художественных исканий С. Левичарофф и связь её произведений с эпохой.

Так, например, в 2013 г. завершился жизненный путь сразу трёх заметных фигур послевоенной германской словесности – Э. Нойча, Э. Лёста и М. Райх-Раницкого.

Э. Нойч являлся одним из самых успешных авторов бывшей ГДР, в своих произведениях стремившимся отобразить сложный процесс формирования социалистического сознания в обществе. Объединение Германии и исчезновение ГДР стало для него таким же трагическим событием, как и для многих восточногерманских писателей.

Э. Лёст, напротив, из-за идеологических расхождений с властью ещё в 1981 г. переселился в Западную Германию и вернулся на восток лишь после падения Берлинской стены. Трагический опыт жизни в ГДР, взаимоотношения страдающей личности и безжалостной системы – вот главные темы творчества Э. Лёста в 1990-е гг.

Наконец, литературный критик М. Райх-Раницки – это та фигура, что стояла над всем литературным процессом, пытаясь запечатлеть его сущностные стороны, пробуя выстроить исторический и литературный канон немецкой художественной литературы.

Их смерть в одном году обретает символическое значение, превращаясь в зримое завершение эпохи, обозначая естественное, историческое исчерпание её противоречий.

Похожим рубежным событием стала эпохальная смена римских пап. Бенедикт XVI, немец по национальности, в 2013 г. добровольно отказался занимать высший пост в иерархии католической церкви. Так же неожиданно новым папой был избран аргентинский кардинал, принявший имя Франциск и обозначивший себя как «папа бедных».

В целом весь 2013 г. для немецкого общественного сознания оказался временем заметных потрясений. Здесь можно вспомнить не только события, имеющие отношение к *внешнему* миру, например, подтвердившееся в попытках на МКС существование «тёмной материи» или очередное расширение Евросоюза при одновременно вынужденном ужесточении иммиграционного законодательства в отдельных странах. *Внутри* Германии происходило не меньшее количество событий, разрушающих привычный облик мира. Так, выяснилось, что спецслужбы США длительное время прослушивали телефон федерального канцлера А. Меркель, а Федеральный конституционный суд Германии объявил неравенство браков и зарегистрированных партнёрств неконституционным (см.: [22]).

Подобные события, взятые в совокупности, как нельзя лучше объясняют решение жюри высшей литературной премии Германии, присудившего награду за 2013 г. именно Сибилле Левичарофф – писательнице, «которая в своих романах с неиссякаемой энергией наблюдения, повествовательной фантазией и лингвистической изобретательностью заново исследует и ставит под сомнение границы того, что мы считаем своей действительностью, раскрывает при этом основные вопросы существования в тонком столкновении с великими литературными традициями и с освежающе незатейливой игрой, расширяя наше восприятие немецкого настоящего в области сатирического, легендарного и фантастического» [23].

Решение жюри Бюхнеровской премии указывает на важность присутствия в современном литературном процессе автора с недвусмысленной нравственной позицией. Парадоксально утверждая второстепенность литературы и искусства в сравнении с красотой Бога [17, S. 97], С. Левичарофф в то же время пытается вернуть в литературу её божественное начало, апеллирует к её способности говорить о бессмертии человеческой души и задумываться о неконечности земного существования. «Все становится Богом, точнее сказать – всё, что умерло. <...> Бог прирастает ежесекундно», – написала С. Левичарофф [9, S. 204]. В этом отношении современная литература действительно может стать «полноправной собеседницей философии» [24]. И выделение фигуры С. Левичарофф среди прочих немецких авторов, введение её в число лауреатов высочайшей литературной награды Германии показывает один из возможных путей, по которым может двинуться художественная мысль в XXI столетии.

Список литературы

1. Карцева З. И. «Женский роман» в новой болгарской прозе // Гендер и литература в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 2013. № 1. С. 157–170.
2. Болдырева А. Н. Чешская идентичность и транснациональный роман Либуше Мониковой «Die Fassade» // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2017. № 3–4 (19–20). С. 21–34.
3. Kämmerlings R. Das kurze Glück der Gegenwart. Deutschsprachige Literatur seit '89. Stuttgart : Klett-Cotta, 2011. 207 S.
4. Winkels H. Gute Zeichen. Deutsche Literatur 1995–2005. Köln : Kiepenheuer und Witsch, 2005. 398 S.
5. Radisch I. Die Welt retten! // Die Zeit. 1995. 5. Mai. URL: https://www.zeit.de/1995/19/Die_Welt_rennen_/komplettansicht (дата обращения: 26.12.2023).
6. Lewitscharoff S. Pong // 27. Tage der deutschsprachigen Literatur. URL: http://archiv.bachmannpreis.orf.at/bp98/s_lewitscharoff_txt.html (дата обращения: 26.12.2023).
7. Ткачёв А. *прот.* 2023. 15 декабря. URL: https://t.me/o_andrey_tkachev/3916 (дата обращения: 26.12.2023).
8. Kister S. «Wahnsinn ist mein Hauptthema» : [Interview mit Sibylle Lewitscharoff] // Stuttgarter Zeitung. 2013. 16. Oktober. URL: www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt.interview-mit-sibylle-lewitscharoff-wahnsinn-ist-mein-hauptthema.2fa45ef6-3bd7-4585-ba26-8b4269b50c1f.html (дата обращения: 26.12.2023).
9. Lewitscharoff S. Consummatus. München : Dt. Verl.-Anst., 2006. 236 S.
10. Грасс Г. Моё столетие. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2001. 336 с.
11. Курхмайер В. Культура сегодня // Deutsche Welle. 1999. 5. Oktober. URL: http://www.dwelle.de/russian/archiv_2/km051099k.html (дата обращения: 17.08.2021).
12. März U. Laudatio // Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung. 2013. 26. Oktober. URL: <https://www.deutscheakademie.de/de/auszeichnungen/georg-buechner-preis/sibylle-lewitscharoff/laudatio> (дата обращения: 26.12.2023).
13. Kürten J. Lewitscharoff: «Der eignen Sprache verpflichtet» : [Interview] // Deutsche Welle. 2013. 26. Oktober. URL: <https://www.dw.com/de/lewischaroff-der-eigenen-sprache-verpflichtet/a-17166844> (дата обращения: 27.04.2020).
14. *The Doors – The End* : [текст и перевод песни]. URL: <https://music.yandex.ru/translate/track/206230#:~:text=This%20is%20the%20end%2C%20beautiful,hand%20In%20a%20desperate%20land> (дата обращения: 26.12.2023).
15. Анипченко Д. История песни The End – The Doors // Song Story – истории песен. URL: <https://song-story.ru/the-end-the-doors/> (дата обращения: 26.12.2023).
16. Hünninger A. H. Sie breitet ihre Arme aus, und das Glas geht zu Boden : [Interview mit Sibylle Lewitscharoff] // Die Welt. 2013. 9. Juni. URL: <https://www.welt.de/print/wams/kultur/article116950853/Sie-breitet-ihre-Arme-aus-und-das-Glas-geht-zu-Boden.html> (дата обращения: 27.04.2020).

17. Henke S., Spalinger N. Zeitgenössische Literatur und die Schönheit der Religion : Sibylle Lewitscharoff im Gespräch // Kunst und Religion im Zeitalter des Postsäkularen. Bd. 37. Bielefeld : transcript Verlag, 2012. S. 91–98. <https://doi.org/10.1515/transcript.9783839420409.91>
18. Diez G. Die Kleinbürgerin, die die Gegenwart bekämpft // Der Spiegel. 2013. 7. Juni. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/literatur/georg-diez-ueber-buechnerpreis-gewinnerin-sibylle-lewitscharoff-a-904356.html> (дата обращения: 26.12.2023).
19. Lewitscharoff S. Von der Machbarkeit. Die wissenschaftliche Bestimmung über Geburt und Tod // Eine Veranstaltungsreihe des Staatsschauspiels Dresden und der Sächsischen Zeitung. URL: http://www.staatsschauspiel-dresden.de/download/18986/dresdner_rede_sibylle_lewitscharoff_final.pdf (дата обращения: 26.12.2023).
20. Diez G. Herrenreiterin des Kleingeists // Der Spiegel. 2014. 6. März. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/lewitscharoff-kolumne-zur-skandal-rede-der-buechnerpreistraegerin-a-957342.html> (дата обращения: 26.12.2023).
21. Knippfals D. Eine schreckliche Tirade // Die Tageszeitung. 2014. 6. März. URL: <https://taz.de/Rede-von-Sibylle-Lewitscharoff/!5047073/> (дата обращения: 26.12.2023).
22. Ehrich I. Was die Abhöraffaire um Kanzlerin Merkel zeigt // n-tv.de. 2013. 29. Oktober. URL: <https://www.n-tv.de/politik/Deshalb-hoert-die-NSA-Bundeskanzlerin-Angela-Merkel-und-andere-Politiker-ab-article11621676.html> (дата обращения: 26.12.2023).
23. Sibylle Lewitscharoff // Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung. 2013. 26. Oktober. URL: <https://www.deutscheakademie.de/de/auszeichnungen/georg-buechner-preis/sibylle-lewitscharoff/urkundentext> (дата обращения: 26.12.2023).
24. Баскакова Т. «О звездах и метеорах»: пространство немецкой литературы // Иностранная литература. 2021. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2021/3/o-zvezdah-i-meteorah-prostranstvo-nemeczkoy-literatury.html> (дата обращения: 26.12.2023).

Поступила в редакцию 27.12.2023; одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 27.12.2023; approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 333–339

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 333–339

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-333-339>, EDN: IKDTLZ

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+929Соколов

Мифопоэтика в романах Саши Соколова: от онтологического мифа «Школы для дураков» к деконструкции мифа «Палисандрии»

А. О. Салахова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Салахова Альбина Олеговна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, AlyBellamy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7768-9713>

Аннотация. В статье исследуется мифопоэтика в романах Саши Соколова «Школа для дураков» и «Палисандрия». В XX в. авторы широко обращаются к неомифологизму в разных его проявлениях – от мифотворчества прозаиков и поэтов начала века до национально-фольклорного типа мифологизма в прозе эпохи застоя. В романах Соколова продолжается первая ветвь развития мифопоэтики в виде модернистского мифа в «Школе для дураков» и постмодернистской деконструкции мифа – в «Палисандрии». В статье показано, что первый и последний романы Соколова обладают контрастными формами мифологизма. В «Школе для дураков» через циклический хронотоп автор моделирует онтологический миф о вечном возвращении, в котором главными мифологемами выступают метаморфозы и авторская мифологема Насылающего Ветер. В этом мифе творцом выступает главный герой романа. В «Палисандрии» наблюдается противоположный процесс – развенчание мифа о вечном возвращении и становление мифа о «безвременье» посредством многочисленных симулякров-инкарнаций главного героя. В статье говорится об изменении принципов мифологизации от первого к третьему роману – от онтологического мифа «Школы для дураков» Соколов приходит к деконструкции мифа и постмодернистскому отрицанию в «Палисандрии». Романы Соколова глубоко мифопоэтичны. В своем творчестве он неоднократно обращается к мифологическим образам и аллюзиям из классических мифов, а также к литературным архетипам. Исходя из всего перечисленного, можно утверждать, что неомифологизм – один из главных принципов творчества Соколова. На примере текстов Саши Соколова в статье показан один из путей трансформации неомифологизма от модернизма к постмодернизму.

Ключевые слова: мифопоэтика, Саша Соколов, онтологический миф, миф о вечном возвращении, циклический хронотоп, инициация, деконструкция мифа

Для цитирования: Салахова А. О. Мифопоэтика в романах Саши Соколова: от онтологического мифа «Школы для дураков» к деконструкции мифа «Палисандрии» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 333–339. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-333-339>, EDN: IKDTLZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Mythopoeitics in the novels of Sasha Sokolov: From the ontological myth of *A School for Fools* to the deconstruction of the myth of *Palisandria*

A. O. Salakhova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Albina O. Salakhova, AlyBellamy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7768-9713>

Abstract. The article examines mythopoeitics in Sasha Sokolov's novels *A School for Fools* and *Palisandria*. In the 20th century authors widely turn to neo-mythologism in its various manifestations – from the myth-making of prose writers and poets of the beginning of the century to the national-folklore type of mythologism in the prose of the era of stagnation. In Sokolov's novels, the first branch of the development of mythopoeitics continues in the form of modernist myth in *A School for Fools* and postmodern deconstruction of myth in *Palisandria*. The article shows that Sokolov's first and last novels have contrasting forms of mythology. In *A School for Fools*, via a cyclic chronotope, the author models the ontological myth of eternal return, in which the main mythologems are metamorphoses and the author's mythologem of the Sender of the Wind. In this myth, the creator is the main character of the novel. In *Palisandria* the opposite process is observed – the dispelling of the myth of eternal return and the formation of the myth of "timelessness" through numerous simulacra-incarnations of the main character. The author of the article talks about the change in the principles of mythologization from the first to the third novel – from the ontological myth of *A School for Fools* Sokolov comes to the deconstruction of myth and postmodern negation in *Palisandria*. Sokolov's novels are deeply mythopoeitic. In his work, Sokolov repeatedly

turns to mythological images and allusions from classical myths, as well as literary archetypes. Based on all of the above, it can be argued that neomythologism is one of the main principles of Sokolov's oeuvre. Using the example of Sasha Sokolov's texts, the article shows one of the ways of transforming neomythologism from modernism to postmodernism.

Keywords: mythopoetics, Sasha Sokolov, ontological myth, myth of eternal return, cyclic chronotope, initiation, deconstruction of myth.

For citation: Salakhova A. O. Mythopoetics in the novels of Sasha Sokolov: From the ontological myth of *A School for Fools* to the deconstruction of the myth of *Palisandria*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 333–339 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-333-339>, EDN: IKDTLZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В XX в. в ответ на кризис позитивизма наблюдается повышенный интерес к мифу. Неомифологизм становится одной из главных культурных парадигм и главным принципом прозы данного периода [1, с. 237].

Возрожденный интерес к мифу проявился в русской литературе на рубеже XIX–XX вв. Мифотворчество становится своеобразной формой поэтического мышления у поэтов и прозаиков начала XX в. [2, с. 224]. Затем в литературе эпохи застоя наблюдается мифологизация природного начала, национально-фольклорный тип мифологизма [3], который позволял авторам глубже передать традиционное устройство национальной жизни. В романах Соколова продолжается и развивается первая ветвь мифопоэтики в виде модернистского мифа («Школа для дураков») и постмодернистской деконструкции мифа («Палисандрия»).

Специфика модернистского мифотворчества – в отражении трагедии социального отчуждения и одиночества индивида, и в этом ее коренное отличие от социального и нарочито гармонизирующего первобытного и древнего мифа. По Е. М. Мелетинскому, «модернистский миф перестает быть коллективной категорией сознания» [4, с. 429], он превращается в анти-миф. Постмодернизм, в отличие от модернизма, десакрализует миф, обостряя и выворачивая наизнанку мифопоэтические приемы [5, с. 63]. Важным аспектом связи мифа и постмодерна становится момент первотворения, упорядочивания хаоса в космос [5, с. 65].

Мифопоэтика как одна из доминант творчества Соколова была отмечена исследователями творчества Соколова достаточно давно [6, с. 183; 7; 8, с. 223], однако от его первого романа «Школа для дураков» к третьему «Палисандрия» использование этой доминанты претерпевает значительные изменения. От онтологического мифа «Школы» Соколов приходит к деконструкции этого мифа, развенчанию мифологем первого романа в «Палисандрии». На наш взгляд, первый и третий романы Соколова обладают контрастными формами мифологизма.

В «Школе для дураков» Соколов моделирует миф о вечности бытия и сотворении мира. Главный герой романа – мальчик Нимфея, он же ученик такой-то, страдает от раздвоения личности, причем две ипостаси главного героя противоположны и отражают различное восприятие действительности. Если первая его ипостась отражает романтическое видение мира, то вторая – рациональное [9, р. 612]. Двойственность образа ученика такого-то, возможно, отсылает к близнечным мифам, в которых братья-близнецы противопоставлены один другому: чаще всего один близнец воплощает положительное начало, а другой – отрицательное. Мифологическое мышление не разделяло близнецов как самостоятельных личностей – они считались «различными ипостасями одного человека, равного при этом всему космосу» [1, с. 169]. По В. В. Иванову, «между братьями-близнецами в близнечных мифах с самого рождения устанавливается соперничество» [10, с. 174], и в «Школе для дураков» действительно наблюдается соперничество двух личностей ученика такого-то – в учебе и особенно любви к Вете Акатовой. Амбивалентность присуща не только образу главного героя – почти все персонажи «Школы» имеют одну или несколько ипостасей (например, у Шейны Соломоновны это ведьма Тинберген, у Веты Акатовой – Роза Ветрова, девочка с собачкой и меловая девочка, у учителя Норвегова – Савл, Леонардо и академик Акатов и т. д.).

Нимфея обладает дискретным мифологическим мышлением. В бытии «Школы для дураков» ученик такой-то является демиургом и творит собственный онтологический миф, вписанный в реальность пятой пригородной зоны. Это миф о вечном возвращении с циклическим пространственно-временным хронотопом. Такой тип мышления позволяет главному герою полностью выпасть из профанного мировосприятия и войти в «измерение мифа с его циклической пространственно-временной моделью мира» [11, с. 123]. Передаче этого мироощущения способствуют потоки сознания

главного героя, напоминающие инкорпорирующий синтаксис, характерный для первобытного мышления, а также одновременные глагольные конструкции: «я лицемерил (буду лицемерить)» [12, с. 168], «недавно (сию минуту, в скором времени) я плыл (плыву, буду плыть)» [12, с. 36] и т. д. Они позволяют Нимфее одновременно находиться в прошлом, настоящем и будущем [11, с. 123], не зависеть от линейного движения времени.

Одним из главных романских топонимов становится река Лета, воды которой текут в обратном направлении [12, с. 226]. Аллюзия на источник Леты из древнегреческих мифов неслучайна: воды Леты не только несут забвение, но и даруют возможность родиться заново, т. е. символизируют собой цикличность времени. Река Лета представляет собой сакральный центр, место эпифании романского хронотопа, деля его на мир живых и мир мертвых, хаотическое не-пространство – именно за Летой живет умерший Норвегов [11, с. 123–124].

Циклический хронотоп «Школы для дураков» позволяет ввести в авторский миф Соколова мифологему метаморфоз. Категория метаморфоз присутствует в романе на разных уровнях: стилистическом («меня называют Веткой я Ветка акации я Ветка железной дороги я Вета» [12, с. 17]), предметном (превращение товарняка в материализацию языка, а затем в воплощение России [12, с. 49]), образом (превращение меловой девочки во дворе школы в девочку с собачкой [12, с. 118], метаморфоза плотника из Притчи о плотнике в птицу [12, с. 202]). Метаморфозы происходят с персонажами романа (вспомним, что многие из них имеют несколько ипостасей) и, разумеется, с Нимфеей. На протяжении повествования ученик такой-то претерпевает различные превращения – в речную лилию Нимфея Альба, в вальс, во взрослого человека, в инженера, в ученого-энтомолога. Метаморфозы в «Школе для дураков» зависят от циклического хронотопа – цикличность позволяет непрерывно регенерировать реальность [6, с. 186], преодолевать смерть и хаос мира взрослых и безобразного мира идиотов. Главный герой вовлекает себя и все, что оказывается в поле его зрения, в процесс постоянных превращений, тем самым обеспечивая бесконечность бытия благодаря мифу о вечном возвращении.

Метаморфозы позволяют главному герою реализовать космогонический миф. Нимфея становится создателем, который творит романский миф об устройстве бытия пятой пригородной

зоны. Сотворение претерпевает различные этапы восхождения к мифу. Сначала главный герой забывает «все сразу» [12, с. 38] и исчезает, чтобы после переродиться в различных ипостасях, затем он срывает речную лилию Нимфея Альба – таким образом главный герой проходит обряд инициации, который «проходили поэты и сказители в первобытных обществах» [1, с. 360]. После этого ученик такой-то начинает слышать и видеть то, что недоступно остальным: «Я слышал, как на газонах росла нестриженная трава, как во дворах скрипели детские коляски, <...> как в школьном дворе ученики первой смены стремглав бежали укрепляющий кросс: ветер доносил биение их сердец» [12, с. 172]. Наконец, герой превращается в Нимфею и творит миф о Насылающем Ветер.

Мифологема Насылающего Ветер связана с образом умершего учителя географии Павла Норвегова [12, с. 223]. В течение романа его имя преодолевает лингвистические метаморфозы – из Павла Петровича он превращается в Савла и наоборот. Такая метаморфоза взята Соколовым из книги «Деяния святых апостолов». Павел Петрович – обличитель неправды и фальши мира спецшколы. Как Савл потерял и вернул зрение, так и Норвегов потерял и возвратил память. Павла Петровича иногда даже называют «ветрогон» [12, с. 12], что является анаграммой фамилии Норвегов [6, с. 192]. Образ Норвегова, так же как образ главного героя, амбивалентен. Норвегов, несомненно, связан с миром смерти (прежде всего, он сам мертв, он живет в пространстве мертвых, за Летой, и общаться с Норвеговым в состоянии только Нимфея), однако вместе с тем он связан и с мифом о метаморфозах, и с мифологемой Насылающего Ветер.

Норвегов является одним из наставников, духовных учителей ученика такого-то. Помимо него наставниками главного героя также выступают Леонардо и академик Акатов. Эти три образа – Норвегов, Леонардо, Акатов – можно считать своеобразными ипостасями архетипа Духа, мудреца и наставника. Каждый из троих персонажей способствует духовному становлению главного героя. У каждой ипостаси во внешнем облике присутствует особый отличительный элемент, неоднократно подчеркивающийся в романе: у Леонардо это хитон, у Акатова – научный пыльник, у Норвегова – отсутствие обуви. С образом Леонардо, как и Норвегова, связана мифологема Ветра: «...при помощи мельниц произведу я ветер в любое время» [12, с. 32], – говорит Леонардо.

М. Липовецкий высказывает мысль об амбивалентности мифологемы Насылающего Ветер [6, с. 193] – с одной стороны, она олицетворяет духовную свободу, созидательное начало мифа о метаморфозах, отражает творческий импульс («мы кричим сегодня на весь белый свет: да здравствует Насылающий Ветер! Разгневанно» [12, с. 121]), с другой – сопрягается с мотивом смерти и безобразием мира идиотов спецшколы.

Миф о метаморфозах и Насылающем Ветер обуславливается творческим началом Нимфеи. Безумие главного героя связано с сюрреалистической свободой и творчеством, восприятие героем реальности приобретает эстетический смысл. В этом отношении нельзя обойти образ автора. Он выступает одновременно и как повествователь, который формирует собственный миф и пишет книгу о своих персонажах, и как слушатель, который записывает чужие мысли и переносит их на бумагу, и как полноценный персонаж, который сам появляется на страницах романа и с которым ведет беседы ученик такой-то. В этих беседах автор становится в каком-то смысле учеником главного героя, перенимая эстетический метод мальчика. Перед нами уже не просто автор, а скриптор [13, с. 384]. Примечательна в отношении фигуры автора вторая глава «Теперь рассказы, написанные на веранде». Если в других главах и автор, и ученик такой-то одновременно вовлечены в творческий процесс, то здесь мы видим перед собой труд исключительно автора. Во второй главе автор как бы подтверждает объективность существования и мальчика, и его родителей, и самой пятой пригородной зоны, закрепляет наличие мифа, который сотворил герой в первой главе. Нимфея же, в свою очередь, вписывает в свой миф всех персонажей романа, включая автора. И Нимфея, и автор, верят в непрерывность метаморфоз и, следовательно, бесконечность жизни: «Мы отлетаем от станции все дальше, растворяясь в мире пригородных вещей, звуков и красок, и с каждым движением все более проникаем в песок, в кору деревьев <...>. Мы преломляемся в голосах птиц и людей, мы обретаем бессмертие несуществующего» [12, с. 217–218]. Исследователи отмечали, что миф «Школы для дураков», несмотря на наличие категории смерти, является поистине жизнеутверждающим [1, с. 361; 6, с. 195] – это достигается именно благодаря мифу о метаморфозах.

В «Палисандрии» моделируется новый миф – на этот раз через постмодернистскую деконструкцию ключевых мифологем «Шко-

лы», в первую очередь мифологемы метаморфоз. В «Палисандрии» метаморфозы «Школы для дураков» вырождаются в однообразные инкарнации; миф о безвременьи с его постмодернистской пустотой и симулякрами заменяет миф о вечном возвращении. Главный герой «Палисандрии» – гротескный Палисандр Дальберг, одновременно мужчина и женщина, юноша и старец, графоман и творец, маргинал и высший государственный деятель. Двойственность образа главного героя прослеживается уже в его имени: палисандр – дерево из рода *Dalbergia*. В образе Палисандра находят отражение классические мифы и литературные архетипы, такие как Янус, Нарцисс, Дон Жуан, царь Эдип, Гумберт Гумберт и др. Саша Соколов сам указывает на интертекстуальность его героя: «Он соткан весь из литературных эмоций, литературных фантазий. За счет своей литературности – реминисценций, намеков, аллюзий, многочисленных цитат – Палисандр весь из прошлого» [14]. Соколов использует различные литературные образы и архетипы, выворачивая их наизнанку. Например, в отличие от Гумберта Гумберта, Палисандр выбирает в партнеры людей значительно старше его, в отличие от Нарцисса, он пугается собственного отражения в зеркале и т. д. Тотальная интертекстуальность лишает образ Палисандра индивидуальности. Он депсихологизирован и ориентирован на литературный шаблон. Это делает Палисандра универсальным героем (Жолковский называет его универсальность «сверхчеловеческой» [15, с. 36]).

В «Палисандрии» наблюдается сложная система повествовательных уровней. Главным нарратором, которому Соколов передоверяет авторскую власть, является Палисандр – ненадежный рассказчик, который пишет свои мемуары для потомков в лице абстрактного Биографа. Голос Биографа в романе также звучит – в предисловии, датированном 2757 годом. Иногда в повествовании происходит смена фокализации, и Палисандр говорит о себе то в первом лице, как положено в мемуарах, то в третьем, как бы от лица того самого безличного Биографа («Меня передернуло. “Что это с вами? – обеспокоился Модерати. – Вам дурно?” “Мне странно”, – сказал Палисандр» [16, с. 503]). Однако и пародийный эпиграф, и предисловие Биографа не выбиваются из характерной стилистики самого Палисандра [6, с. 274], что в купе со сменой фокуса наррации заставляет читателя усомниться в существовании фигуры Биографа.

Авторский же голос Соколова в тексте практически не появляется за исключением Эпилога, в котором прослеживается смена стилистики и голос автора становится более четким.

Сквозной мотив «Палисандрии» – мотив времени, точнее, безвременья [16, с. 545]. В Прологе время останавливается в тот момент, когда дядя Палисандра, Лаврентий Берия, вешается на часах Спасской башни [16, с. 285] – тогда же наступает эпоха безвременья. Миф о безвременьи характеризуется игрой с историческими событиями, разрушением и созданием исторических мифов (так, Романовы у Соколова живут в Кремле, скрываясь под фамилией Булганиных [16, с. 487]), профанацией образов исторических деятелей (например, Андропов в юности пел в цыганском хоре особого назначения, а Микоян устраивал спиритические сеансы [16, с. 333]). Особое ирреальное пространство Эмска, идиллический хронотоп советской истории порождаются безвременьем [16, с. 505]. По М. М. Бахтину, «единство места жизни поколений ослабляет и смягчает все временные грани между индивидуальными жизнями и между различными фазами одной и той же жизни» [17, с. 374]. Это объясняет, к примеру, почему Палисандр во время пребывания в Эмске считает себя восемнадцатилетним юношей, хотя на самом деле он гораздо старше, – он как бы застывает во времени.

Кремль называется Эдемом, раем истории, времена детства Палисандра в нем, а также правление Сталина – Золотым веком. Мифологизация советской истории воплощена в мифе о Сталине-Кроносе, верховном божестве Кремля, конфликт Палисандра и Брежнева – своеобразная вариация мифа борьбы старого и нового богов [18, с. 102]. Одновременно с этим «боги» Кремля десакрализуются: Сталин оказывается трусливым, Брежнев – сладострастным, Андропов – коварным. Мотив времени в романе тесно связан с мотивом смерти – после наступления эпохи безвременья смерть становится невозможной («Смерти нет!» [16, с. 423]). В пределах Эмска никто не умирает (кроме Сталина и Берии, которые, однако, умирают еще до эпохи безвременья), что согласуется с идиллическим хронотопом Кремля.

Изгнание Палисандра из кремлевского рая и последующие странствия – своего рода инициация культурного героя, важнейший обряд перехода [19, с. 226]. В инициационных мифах гонителем часто оказывается родной отец испытываемого: в «Палисандрии» герой изгоняется

с подачи Андропова, который становится для Палисандра отцовской фигурой. Пребывание Палисандра у Мажорет соответствует испытанию юноши, находящегося во власти хтонической лесной старухи [19, с. 227]. При этом Мажорет также является двойником главного героя. Палисандр так и говорит: «Мажорет – это я» [16, с. 539]. В ее образе прослеживаются литературные реминисценции с Эммой Бовари, Лолитой и Манон Леско [16, с. 539]. Возможно, на связь главного героя и Мажорет также указывает ее интерес к лошадям (Мажорет была завсегдаем конных скачек в Эпсоне [16, с. 541]) – Палисандр в одном из своих воплощений был конем. Палисандр сбегает от Мажорет именно потому, что она проигрывает на тотализаторе в скачках и, чтобы отдать долг, намеревается отдать Палисандра в сераль [16, с. 559]. В образе Мажорет прослеживаются связи с Эриниями и особенно с Цирцеей – как Цирцея держит в плену Одиссея на своем острове, так Мажорет держит Палисандра в плену у себя в Мулен де Сен Лу. Кроме того, инцестуальные мотивы (в одной из инкарнаций Мажорет – единоутробная сестра матери главного героя, в другой – мачеха Палисандра) указывают на возможную связь с мифом об Эдипе.

Соколов в «Палисандрии» деконструирует миф о вечном возвращении «Школы для дураков». В мифе человек «растворен в мире, причастен к его высшим закономерностям» [6, с. 280], а в вечности «Палисандрии» для категории закономерности нет места. Вечность «Палисандрии» – это череда симулятивных инкарнаций, она фактически целиком складывается из «я» Палисандра [16, с. 470], что дает Липовецкому основание называть мифологизм «Палисандрии» «эгоцентрическим» [6, с. 281]. Палисандр вспоминает, что в одной из своих инкарнаций был конем, в другой ходил на лекции Юнга, в третьей он – Аполлон, в четвертой – эмский сирота. Временные границы размываются настолько, что Палисандр может «вспоминать» будущее, именно такое объяснение находит феномен «ужебыло» [16, с. 500]. Прошлое, настоящее и будущее сливаются в зыбкую, однообразную вечность, которая наполнена инкарнациями-симулякрами, и в итоге становится невозможным отличить одно воплощение от другого [16, с. 546]. Важно отметить: хотя многочисленные инкарнации создают видимость динамики, романное время статично, фактически все воплощения Палисандра – симуляции. Это отличает инкарнации

Палисандра от метаморфоз «Школы для дураков», которые пребывают в постоянной динамике и связаны с мифом о вечном возвращении.

Одной из черт мифического измерения романа является тотальная эстетизация. Палисандр стремится эстетизировать окружающий его мир, а учитывая, что «я» Палисандра и есть вся вечность, сама реальность эстетизируется. Мир видится Палисандру театральными подмостками: сцена встречи с Модерати представляется как «феерическая инферналия домашнего очага» [16, с. 500], городские объекты становятся реквизитом [16, с. 355], советские чиновники попадают в Кремль «из мира сценического искусства и эстрады» [16, с. 333], а для окончания некоторых действий Палисандр использует фразу «Дал занавес» [16, с. 465]. Представлением становится даже расстрел фиктивного Лаврентия Берии [16, с. 479]. Тотальная эстетизация и театрализация еще больше усиливают симулятивность и зыбкость палисандровой реальности.

Безвременье дает Палисандру возможность комбинировать между собой разнообразные дискурсы – куртуазный, диссидентский, публицистический, соцреалистический и другие, что создает иллюзию полифонизма. Соколов обращает внимание на графические приемы письма: заменяет целые абзацы многоточиями, дублирует тире («я же почти что ребенок, а вы – – вы так страшно юны» [16, с. 547]), заменяет сам вопрос вопросительным знаком («?» – удивился я» [16, с. 436]). Это дает впечатление некоего замедления действия, остановки, что подчеркивает общий принцип отсутствия времени в романе. Мифопоэтическое измерение романа формируется во многом с помощью языка.

В финале сталкиваются все романские мифологемы, происходит их взаимное уничтожение. Таков неизбежный итог эгоцентрического мифа «Палисандрии» – монологическое сознание Палисандра поглощает мироздание без остатка: «Не плачь, ведь тебя больше нету. Как и меня. Нас нету» [16, с. 567]. Свобода Палисандра отменяет сама себя вплоть до стирания личности героя, вокруг которой выстраивается весь авторский миф: «Я не смогу дать себе отчета, <...> кто этот некто, обозначаемый, с Вашего позволения, буквой я» [16, с. 544]. Духовной свободы творческого мифа о Насылающем Ветер не может быть в однообразной вечности дежавю палисандрового измерения, так как здесь все «ужебыло», и каждое состояние легко перетека-

ет в свою противоположность. Можно сказать, что Соколов доводит до крайности мифологический принцип бинарных оппозиций.

В финале романа Палисандр возвращается в Эмск, завершив переходный обряд, и наступает конец эпохи безвременья. Вместе со временем возвращается смерть: «Жизнь обрывалась <...> безвкусно и медленно, словно тот ничтожный бульварный роман, что заканчивается велеречивой смертью героя» [16, с. 575]. Таким образом, если «Школа для дураков» манифестирует бесконечность жизни, то «Палисандрия» – неизбежность смерти. Эгоцентрический миф «Палисандрии» невозможно контролировать даже Палисандру вследствие максимальной авторской свободы главного героя, различия между его состояниями стираются до такой степени, что нельзя отличить одно от другого, – вот почему в финале происходит обесценивание и отрицание всех мифологем романа. В отличие от «Школы для дураков», бытие «Палисандрии» негармонично, здесь все «ужебыло», каждое явление перетекает в свою противоположность и обратно, и в итоге не остается ничего, кроме пустоты, в том числе эстетической. Отрицается даже безвременье – ключевая мифологема «Палисандрии»: когда Палисандр возвращается в Россию, безвременью наступает конец и возвращается смерть, отождествляемая с пустотой. Тотальное отрицание и деконструкция не позволяют мифу о безвременьи существовать, он уничтожает сам себя.

В романах Саши Соколова представлена тенденция развития модернистского и постмодернистского мифа в литературе. Мифопоэтика в его творчестве является способом построения художественного текста на основе неомифологии, которая была заложена в модернизме и переосмыслена в постмодернизме, – именно поэтому, на наш взгляд, мифопоэтику в романах Соколова можно рассматривать как предтечу мифопоэтики в современном русском романе. Изучение мифопоэтики в романах Саши Соколова поможет лучше понять рецепцию неомифологизма в современном русском романе.

Список литературы

1. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. 384 с.
2. Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. Литература и мифы // Мифы народов мира / гл. ред. С. А. Токарев : в 2 т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 220–226.

3. Зайнуллина И. Н. Миф в русской прозе конца XX – начала XXI веков : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 117 с.
4. Мелетинский Е. М. Миф и двадцатый век // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М. : РГГУ, 1998. С. 419–429.
5. Галанина Е. В. Миф как реальность и реальность как миф : мифологические основания современной культуры. М. : Академия естествознания, 2013. 130 с.
6. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.
7. Karriker A. Narrative Shifts and Cyclic Patterns in «A School for Fools» // Canadian-American Slavic Studies. 1987. Vol. 21, iss. 3–4. P. 287–299. <https://doi.org/10.1163/221023987X00079>
8. Дарк О. Миф о прозе // Дружба народов. 1992. № 5–6. С. 219–234
9. Karriker A. Double Vision: Sasha Sokolov's *School for Fools* // World Literature Today. 1979. Vol. 53, № 4. P. 610–614. <https://doi.org/10.2307/40133017>
10. Иванов В. В. Близнечные мифы // Мифы народов мира / гл. ред. С. А. Токарев : в 2 т. Т. 1. М. : Советская энциклопедия, 1980. С. 174–176.
11. Салахова А. О. Мифопоэтический хронотоп в романе Саши Соколова «Школа для дураков» // Филологические этюды. 2023. Вып. 26 : в 3 ч. Ч. 3. С. 122–126. EDN: AWWQPD
12. Соколов Саша. Школа для дураков : роман. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 256 с.
13. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
14. Матич О. Саша Соколов. Три поразительных и очень разных романа. К 45-летию литературного творчества // Новый журнал. 2020. № 300. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2020/300/sasha-sokolov-tri-porazitelnyh-i-ochen-gaznyh-romana.html> (дата обращения: 24.11.2023).
15. Жолковский А. Стилистические корни «Палисандрии» // Восьмая международная летняя школа по русской литературе. Статьи и материалы. Пос. Цвелодубово (Ленинградская обл.) : Свое изд-во, 2012. С. 29–60.
16. Соколов Саша. Школа для дураков. Между собакой и волком. Палисандрия. Эссе. Триптих. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 736 с.
17. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. 504 с.
18. Ащеулова И. В. Деконструкция советской истории в романе Саши Соколова «Палисандрия» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–4 (62). С. 101–104. EDN: TXHQVX
19. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринт. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Поступила в редакцию 06.03.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 06.03.2024; approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 340–345

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 340–345

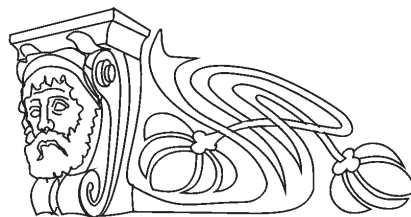
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-340-345>, EDN: JWJQUJ

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+929Юзефович

Образы буддийских иерархий в романе Л. А. Юзефовича «Поход на Бар-Хото»

Л. В. Дубаков

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь, Китай, 518172, провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзида-сюэюань, д. 1

Дубаков Леонид Викторович, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета, dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Аннотация. В статье производится анализ образов буддийских иерархий и их функций в романе Л. А. Юзефовича «Поход на Бар-Хото» в рамках большого исследования, посвящённого изучению «буддийского текста» современной русской литературы. Сюжет «Похода на Бар-Хото» представляет собой развитие «Записок Солодовникова» из романа «Князь ветра»: писатель концентрирует и переосмысляет в новом произведении и те буддийские образы и мотивы, которые были созданы им ранее, а у главного героя появляется биография – в том числе религиозная. Гневные защитники буддизма (докшиты и дакини) (или тёмные духи, их подменившие) и высокие светлые иерархии (будды и бодхисаттвы) в этой книге определённым образом характеризуют персонажей, которые с ними соприкасаются, выражают сложные комплексы их чувств (искусительная и завоевательная чувственность Лины; творческая умиротворённость Солодовникова), отчасти определяют их внешний облик (неуверенность походок Зундуй-гелуна и Цаганжапова). Также они выступают в качестве метафор, позволяющих раскрыть сущность неоднозначных явлений, таких как, например, стремление к национальному самостоянию, переходящему в национальную гордыню, или очарование войной и отвращение к ней. Кроме того, буддийские иерархии «Похода на Бар-Хото» являются символами трансцендентной реальности, контакт с которой обусловлен внутренней сутью героя и при этом меняет его судьбу (посмертное возможное приобщение к мудрости князя Дамдина; принятие мира, исполненного страстей и страданий, погружающимся в прошлое, пишущим мемуары Солодовниковым). Наконец высокие буддийские иерархии, демонстрируя условность своей формы и проявляя агенциональный характер, преображают в романе окружающее пространство, становясь частью интерьера и пейзажа, светом и сиянием, растворяющим земные человеческие противоречия. Также в статье проводится параллель между имеющими схожие мотивы романом Леонида Юзефовича и повестью Вс. Иванова «Возвращение Будды» с точки зрения духовных изменений, что происходят с их главными героями: Солодовников и профессор Сафонов, соотносясь с высоким буддийским образом, обретают способность к неотмирному, надмирскому взгляду на реальность.

Ключевые слова: Л. А. Юзефович, буддизм, буддийские иерархии, функции сакральных образов

Для цитирования: Дубаков Л. В. Образы буддийских иерархий в романе Л. А. Юзефовича «Поход на Бар-Хото» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 340–345. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-340-345>, EDN: JWJQUJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Images of Buddhist entities in L. A. Yuzefovich's novel *Campaign to Bar-Khoto*

L. V. Dubakov

Shenzhen MSU-BIT University, 1 International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province 518172, China

Leonid V. Dubakov, dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Abstract. The article deals with the analysis of the images of Buddhist entities and their functions in L. A. Yuzefovich's novel *Campaign to Bar-Khoto* as part of a large research concerned with studying the “Buddhist text” of the modern Russian literature. The plot of *Campaign to Bar-Khoto* is a development of “Solodovnikov’s Notes” from the novel *Prince of the Wind*: in the new novel the writer focuses on and reinterprets those images and motifs (Buddhist ones among them), which he created earlier, and the hero has a biography – including the religious one. The angry defenders of Buddhism (dharma-palas and dakinis) (or dark evil spirits who replaced them) and high light entities (buddhas and bodhisattvas) in this book outline the characters who come into contact with them in a specific way, express the complexities of their feelings (Lina’s tempting and conquering sensuality; Solodovnikov’s creative serenity), and partly determine their appearance (the uncertainty of Zunduy-gelun’s and Tsaganzhapov’s gait). They also act as metaphors to reveal the essence of ambiguous phenomena, such as, for example, the desire for national independence evolving into national pride, or the fascination with war and disgust for it. In addition, the Buddhist entities of *Campaign to Bar-Khoto* are symbols

of a transcendent reality, contact with which is conditioned by the inner essence of the hero and at the same time changes his fate (posthumous possible accession to the wisdom of Prince Damdin; acceptance of the world filled with passions and sufferings by Solodovnikov, who plunges into the past and writes his memoirs). Finally, the high Buddhist entities, demonstrating the conventionality of their form and revealing their agential nature, transform the surrounding space in the novel, becoming part of the interior and landscape, light and radiance, dissolving earthly human contradictions. The article also draws a parallel between Leonid Yuzefovich's novel and Vsevolod Ivanov's story *The Return of the Buddha* in terms of the spiritual changes that occur to the protagonist: Solodovnikov and Professor Safonov, correlating with the high Buddhist image, acquire the ability to an otherworldly, supra-worldly view of reality.

Keywords: L. A. Yuzefovich, Buddhism, Buddhist hierarchies, functions of sacral images

For citation: Dubakov L. V. Images of Buddhist entities in L. A. Yuzefovich's novel *Campaign to Bar-Khoto*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 340–345 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-340-345>, EDN: JWJQUJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

О буддийских концепциях, практиках и мотивах в творчестве Л. А. Юзефовича написано уже несколько работ [1–5]. Действие книг писателя часто происходит в Монголии и Бурятии, и потому буддизм в той или иной форме часто оказывается в центре его произведений. Более того, отмечается, что буддизм не только обуславливает тематический строй юзефовичевских книг, но и влияет на отдельные составляющие их поэтики. Современное литературоведение исследует присутствие буддизма в художественных произведениях в рамках концепции «буддийского текста», что восходит к «петербургскому тексту» В. Н. Топорова [6]. Так, например, «буддийский текст» анализируется как часть ориентального дискурса русской литературы в книге Р. Ф. Бекметова [7].

Леонид Юзефович не раз в своём творчестве обращался к буддизму. Буддийские элементы образа барона Р. Ф. Унгерна фон Штернберга осмысляются в книге «Самодержец пустыни» (1993) и повести «Песчаные всадники» (1984). Буддийские мотивы присутствуют в романах «Князь ветра» (2001), «Журавли и карлики» (2008), в рассказе «Убийца» (2018), в некоторых стихотворениях. Буддийские практики актуализируются в «Князе ветра», в «Песчаных всадниках», в «Убийце».

Новый роман Л. А. Юзефовича «Поход на Бар-Хото» (2023) полон многочисленных повторов: схожую проблематику, образы героев, отдельные сюжеты и мотивы можно обнаружить в названных выше «Самодержце пустыни», в «Песчаных всадниках», в «Князе ветра». Однако, по справедливому замечанию Ю. Г. Сапрыкина, в «Походе на Бар-Хото» «важные для автора мотивы и темы как бы сконцентрированы, очищены до состояния кристаллической решетки» [8]. При этом нужно также добавить, что некоторые из них в новой книге приобретают иные или дополнительные значения.

Одна из важных тем творчества Леонида Юзефовича – соотношение двух версий буддизма: буддизма, чья этика основывается на учении Будды Шакьямуни, исходит из Четырёх благородных истин и Восьмеричного благородного пути, делает акцент на сострадании и мире, и буддизма, который, придя в Восточную Азию, приобрёл специфические национально-культурные черты, включив в свой пантеон и переосмыслив местные божества и трансформировав некоторые магические культы. Этот последний фактически оказался двойственной религией по своему этическому заряду: преодоление местного языческого и страстного компонента к началу XX в. совершилось в нём не полностью, поскольку в значительной степени такое преодоление зависит от уровня сознания, от чистоты самих верующих.

Главный герой «Похода на Бар-Хото» Б. А. Солодовников в начале своих мемуаров говорит о буддизме как о религии «тайновидения и сверхчувственной мудрости» [9, с. 17], позже «на смену этим умозрениям пришло живое чувство» [9, с. 17], и это чувство оказалось непростым, потому что в Монголии «в милосердном учении Будды с его директивой щадить всё живое имелся, оказывается, свой подвальный этаж, куда нет входа наивным адептам жёлтой религии» [9, с. 98]. Для писателя и его героя вопрос о восприятии учения Будды – не отвлечённый вопрос, это вопрос о возможности или невозможности превращения человека в «сверхчеловека» и о ницшеанском выходе за пределы добра и зла и об их последствиях, вопрос о возможности или невозможности подлинной гармонии.

Этот вопрос рассматривается Л. А. Юзефовичем через обращение к образам буддийских иерархий. Один из таких образов – это фигура Чжамсарана, гневного монгольского «докшита», или «защитника Учения». Чжамсаран – божество, чья ярость направлена на врагов

буддизма. Зундуй-гелун (прототипом которого является, в частности, Джа-лама, а литературной версией – Джамби-гелун из «Князя ветра»), убивая человека, совершает ритуал освящения знамен: «...в нём поселилась некая сила, соприродная его душе, но не вполне обжившаяся в его теле» [9, с. 216]. Квалифицировать этот эпизод с религиозной точки зрения непросто: возможно, правильнее здесь говорить об одержании персонажа – но даже не двойственной иерархией (или тёмным языческим духом, подменившим докшита в сознании героя), а скорее идеей: Зундуй-гелун не читал «Волю к власти» Ф. Ницше «и вряд ли слышал о нём от Дамдина, но что-то такое носилось тогда в воздухе от Германии до Монголии» [9, с. 253]. Эта идея о необходимости сокрушающей внечеловеческой воли ради национального возрождения погубит вначале князя Дамдина, что выступает за прощение врагов, но оказывается сломлен поступком Зундуй-гелуна, которого он ранее поддерживал и идейно вдохновлял, а затем погубит бывшего подхорунжего Цаганжапова, который в конце романа, согласившись с якобы правильным поведением Зундуй-гелуна и пропитавшись национальной гордостью и ненавистью, предстанет «маленьким, сердитым, в пиджаке с чужого плеча» [9, с. 260] стариком с лыжной палкой в руке (на «скользкой» дороге). При этом проблема Зундуй-гелуна, Цаганжапова и других участников похода на Бар-Хото (а шире – людей революционной воли к власти) состоит не столько в обращении к Чжамсарану, сколько в совершаемой ими подмене: цель опасной, но всё же трансформации человеческого духа в том числе через проведение ритуала (который на самом деле должен быть символическим) оборачивается целью национальной, классовой, государственной победы, достигаемой через пролитие реальной чужой и своей крови. А обоснования насилия базируются на буквально, а значит, неверно понятой буддийской догматике и будто бы оскорблённом чувстве национального самостояния.

Другой образ буддийской иерархии в романе – это дакиня. Дакиня – буддийское божество, которое, подобно Чжамсарану, хранит буддийское учение и его практиков. В другом понимании дакини – это злые духи, соблазняющие практиков. Юзефович приводит в романе легенду, связанную с этой иерархией: спереди она выглядит как прекрасная девушка, а сзади у неё «спины нет, все внутренности наружу» [9, с. 94]. Образ дакини появляется у Юзефовича

в романе «Князь ветра» [3, с. 1088–1089]: Елена Карловна Довгайло, позже – Ергонова, обращающая внимание Путилина, что застёжки на платье порядочной девушки должны быть не спереди, а сзади, оказывается убийцей дважды – когда она спасает мужа и когда мстит за любовника. Она привлекательна, но «за её спиной» – в её прошлом два убийства, мотивированные мыслями о возлюбленных. В «Походе на Бар-Хото» версией дакини оказывается Цыпилма, жена Дамдина: так, тот замечает, что дакиня – «отличная <...> аллегория женской сущности» [9, с. 94], имея в виду частое противоречие между привлекательной внешностью и трудным характером. И в большей степени с этим образом соотносится возлюбленная Солодовникова Лина. В конце книги образ деревянного фаллоса, созданного якобы для уловления сексуальной энергии дакинь, прилетающих соблазнять монахов («детородный мужской орган в человеческий рост, услада лишенных спины демонических самок» [9, с. 243]), окажется художественным произведением одного из любовников Лины. Но важнее, что Солодовников также сравнит с дакиней войну, которую в её неприукрашенном облике увидит Дамдин: «Такова, в сущности, и война – с той лишь разницей, что вначале мы видим ее со спины, с парадами и развернутыми знаменами, а потом она оборачивается к нам оскаленным ртом трупа» [9, с. 219]. Война, подобно дакине, противоречива: она способна сохранить государственность, отведя угрозу и восстановив национальный дух, и одновременно она порождает огромное количество страданий и смертей, привлекательность войны в начале оборачивается отвращением к ней в середине и особенно в конце.

Ещё один образ буддийской иерархии романа – Белая Тара. Белая Тара – одно из буддийских божеств, связанных с проявлением сострадания и милосердия. Солодовников, пишущий мемуары, делает это «под взглядом семи ее всевидящих миндалевидных очей» [9, с. 69]. Статуэтка Белой Тары спасена им из вагона с металлическими буддийскими божествами, которых везли на переплавку. Божество милосердия с глазами даже на ступнях, чтобы видеть страдания существ во всех мирах, включая нижние, это фактически муза Солодовникова. После войн и посреди утрат, вспоминая и переосмысляя увиденное и пережитое, Солодовников вдохновляется Белой Тарой: «взгляд семи ее глаз напоминает» ему «о том, зачем все мы проходим наш земной путь» [9, с. 160].

Ответа на этот вопрос в тексте нет, но в целом он понятен. Схожий образ присутствует в рассказе Юзефовича «Убийца». У повествователя на подоконнике стоит статуэтка бодхисаттвы Гуань Инь, бодхисаттвы Сострадания. Сияние Гуань Инь, растворённой в пейзаже, покрывает в рассказе зло и страдание неземным лунным светом, даря надежду на возможность будущего спасения [4, с. 672].

У Гиршовича в «Походе на Бар-Хото» на столе стоит бронзовый бодхисаттва Маньчжушри. Этот бодхисаттва Мудрости – ещё одна иерархия, говорящая о возможности трансцендирования жизни, полной земных заблуждений и страданий. Гиршович – журналист, и потому его комната для «покровителя просвещения с поднятым мечом» [9, с. 236] – это вполне подходящее место. На этой статуэтке сфокусируется внимание также, когда Гиршович покажет фотографию Лины, что вызовет у Солодовникова боль, которую потребует купировать мудростью. Но бодхисаттва Маньчжушри будет упомянут повествователем и в связи с князем Дамдином: «Бодхисаттва Маньчжушри мечом рассек мрак его заблуждений, поэтому никакого оружия при нем не было, в руке он держал бутон лотоса – знак покоя и совершенной радости» [9, с. 281]. Повествователь, думается, выдаёт желаемое за действительное: вряд ли самоубийца Дамдин приблизился перед смертью и в посмертии к покою и радости, – но, как и в рассказе «Убийца», умиротворяющая и просветляющая энергия буддийской иерархии адресована не столько герою, сколько читателю. В верлибре Леонида Юзефовича «Рассекая мрак» статуэтка бодхисаттвы Маньчжушри также оказывается спасена «от мученической смерти / в плавильной печи» и находится в доме героя стихотворения, напоминая ему о тщете борьбы за «мировое господство» или как минимум о конечности и скоротечности жизни, которая покрывает творческие порывы ежедневной мирской пылью [10].

Буддийские иерархии в «Походе на Бар-Хото» выражают собой те или иные качества – волю за границами добра и зла в их обычном понимании, милосердие и сострадание, мудрость, также в своём антропоморфном или ксеноморфном облике они соотносятся с героями произведения и при этом изображаются повествователем как живые существа со своей судьбой, что часто, в отличие от людей, выводит их за пределы если не материи, то формы. Так, Солодовников спасает Белую Тару, обращая

в связи с этим внимание на то, что безногого Будду из Эрдени-Дзу увезли на переплавку, и «если его мучили фантомные боли в отрубленных Абатай-ханом конечностях, страдания прекратились; он возродился в облике бронзовых подшипников, втулок и стержней, устойчивых к воздействию агрессивных сред вроде морской воды, или дверных ручек и люстр московского метро» [9, с. 160–161]. Будда из Эрдени-Дзу – святыня монгольского народа – продолжает свою жизнь, меняя форму, но сохраняя суть – беззаветное служение живым существам.

Можно заметить, что сюжет перевозки статуи Будды по железной дороге и обретения Им новой жизни напоминает о повести Вс. Иванова «Возвращение Будды» (1923), в финале которой главный герой профессор Сафонов обнаруживает свою буддовость [11, 12], в какой-то степени становится «гыгеном», или гэгеном, воплощённым божеством – вместо Дава-Дорчжи, презревшего свой буддийский путь.

Эту трансформацию в ивановской повести фиксируют два эпитафия – к первой и к последней главе. Первый эпитаф: «...Один Будда являлся в бесчисленных видах, и в каждом из бесчисленных видов – является Будда» [13, с. 18] – основывается на буддийской теории Татхагатагарбхи («Её истинная сущность – всезнающее сознание, покойное и чистое по своей собственной природе и характеризующееся как вечность, блаженство, истинное Я, чистота. <...> Эта сущность наделена всей полнотой этих качеств, не имеющих какого-либо недостатка, и называется Вместилищем Так Приходящего (Татхагатагарбха), а также называется Дхармовым телом (Дхармакая Так Приходящего)» [14, с. 79], согласно которой «единое и абсолютное сознание (экачитта) прямо называется истинным и пробужденным Я всех живых существ» [15, с. 292]. Или иначе: «...речь идёт о зародыше “буддовости” (буддхатва), природы будды, потенциально присутствующей в любом живом существе и обуславливающей принципиальную возможность обретения им состояния будды» [15, с. 290]. В этой связи образ неба, наполненного запахами земли, и последнее слово повести может быть прочитано и как намёк на отдалённую возможность примирения беспокойной жизни перед вечностью, и как намёк на грядущее соприкосновение профессора с единым сознанием мира.

Последний эпитаф повести – это сборная цитата из стихотворения вдохновлённого буддизмом китайского поэта Тао Юань-Миня

«С самой юности чужды...» из цикла «Возвратился к лесам и полям»: «...В дымке, в дымке села далеких людей. Люблю свой дымок на пустыре. На дверях и на дворе нет мирской пыли, в пустом шалаше живет в довольстве свобода. Я долго был в клетке» [13, с. 68]. Эти же строки в более прозрачном переводе Л. З. Эйдлина звучат так: «Во дворе, как и в доме, / ни пылинки от внешнего мира, / Пустота моих комнат / бережёт тишину и покой. / Как я долго, однако, / прожил узником в запертой клетке / И теперь лишь обратно / к первозданной свободе пришёл» [16, с. 42]. В этих стихах обращают на себя внимание слова и образы, которые могут быть прочитаны сквозь буддийское миропонимание [17, с. 8]: противопоставление сансарического бытия мирской жизни, лишённой свободы, и подлинной пустотной реальности, открывающей человеку изначально освобождение. Цитируя книгу Е. А. Торчинова: «...как под слоем глины и грязи скрывается золотая статуя, так и в каждом живом существе скрыта природа будды, которую можно реализовать» [15, с. 290], можно отметить, что, вероятно, неслучайно в конце повести статуя Будды остаётся полностью без золота, а профессор Сафонов умирает с золотым зубом во рту. Равно как неслучайно и название повести, говорящее не столько о возвращении статуи Будды в Монголию, сколько о начале пробуждения истинной природы главного героя и о его возвращении к своей сути: профессор преодолевает сансарический сон окружающего («Взгляд толпы рассеянный, сонный», «сонноглазые люди», «сонно смахивает пепел со щек», «Дава-Дорджи, сытый и сонный», «Глаза сонные, как паутина», «сонные солдаты», «пески несутся сонными струями», «В песочных струях сонны люди», «Сонноподобный песчаный город» [13, с. 28, 29, 32, 57, 64, 72, 75, 78] и «созерцает беспредельный ясный свет пустотного Дхармового Тела, тождественный его собственной изначальной природе» [18, с. 75], ведь «только имея бодрость и ясный ум <...> можно творить» [13, с. 75] и жить по-настоящему.

Образы буддийских иерархий в романе «Поход на Бар-Хото» служат писателю в качестве символов трансцендентной реальности, с которой соприкасается сознание героев произведения. И это соприкосновение определённым образом меняет их сознание. Зундуй-гелун и Цаганжапов, подменяя сложную духовную практику и стремление к недифференцированной реальности стремлением к ограниченной

национальной особости и волей к власти, вступают в контакт с разрушающей языческой энергией, не полностью трансформированной буддизмом. Князь Дамдин, увидев то, как именно реализуется его проект, по ощущению повествователя, как будто прозревает в посмертии бесконечное пространство мудрости Маньчжуши, а его образ в сиянии ярких, золотых красок утрачивает все свои анатомические огрехи [9, с. 280], если не грехи. Солодовников пишет свои мемуары, будучи ведомым Белой Тарой и чувством любви к Монголии и к людям, любви, которая беспричинна. В последней главе «Похода на Бар-Хото» главный герой говорит о реке Селенге, название которой напоминает ему об античной богине Селене (см. также рассказ «Город на реке» [19]). И для него это лунная река. Комплекс авторских ассоциаций, таким образом, увязывает воедино Селенгу, Селену и Белую Тару – лунную богиню. Молочный лунный свет Белой Тары оказывается способен убелить «памятник красноармейцам-интернационалистам» [9, с. 267], умягчая, как в рассказе «Убийца», страдания Гражданской войны. Белый цвет первого снега оказывается способен преобразить землю Бурятии и Монголии, вместе с тем утишая внутренний мир главного героя, не ставшего буддистом, но оставившего возле этой земли и этой религии своё сердце, ощутившего в старости их трансцендентную гармонию.

Список литературы

1. Ишимбаева Г. Г. Фаустовский сюжет в буддийской транскрипции («Князь ветра» Л. Юзефовича) // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2013. № 6. С. 147–149. EDN: RPTQQV
2. Дубаков Л. В. Буддийские аспекты образа барона Р. Ф. Унгерна фон Штернберга в повести «Песчаные всадники» Л. А. Юзефовича // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 16–23. <https://doi.org/10.17223/15617793/483/2>
3. Дубаков Л. В. Концепции буддийской пустотности и иллюзорности в романе Л. А. Юзефовича «Князь ветра» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32, вып. 5. С. 1085–1092. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-5-1085-1092>
4. Дубаков Л. В. Функции буддийских практик в творчестве Л. А. Юзефовича // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28, № 4. С. 671–678. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-671-678>
5. Дубаков Л. В. Человек как буддийская мнимость в романе Л. А. Юзефовича «Журавли и карлики» //

- Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27, № 4. С. 669-676. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-669-676>
6. *Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное. М. : Прогресс : Культура, 1995. С. 259–367.
 7. *Бекметов Р. Ф.* Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань : РИЦ «Школа», 2018. 328 с.
 8. *Сапрыкин Ю. Г.* Утешение посреди тлена. О «Походе на Бар-Хото» Леонида Юзефовича. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4008666/?ysclid=lsaeg26fd6883627957> (дата обращения: 07.02.2024).
 9. *Юзефович Л. А.* Поход на Бар-Хото. М. : Редакция Елены Шубиной, 2023. 288 с.
 10. *Юзефович Л. А.* Рассекая мрак. URL: https://vk.com/id708238621?w=wall708238621_4347%2Fall (дата обращения: 07.02.2024).
 11. *Дарьялова Л. Н.* «Возвращение Будды» Г. Газданова и «Возвращение Будды» Вс. Иванова: опыт художественной интерпретации. URL: <https://www.hrono.ru/statii/2001/dar9.html> (дата обращения: 07.02.2024).
 12. *Сорокина Г. А.* Повесть Вс. Иванова «Возвращение Будды»: идеи революции и буддизма // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 2 (30). С. 156–163. EDN: WDZIXX
 13. *Иванов Вс. В.* Возвращение Будды : повесть; Чудесные похождения портного Фокина : повесть; У : роман / сост. и вступ. ст. Т. В. Ивановой. М. : Правда, 1991. 480 с.
 14. Тракта́т о пробуждении веры в Махаяну // Философия китайского буддизма / пер. с кит. Е. А. Торчинова. СПб. : Азбука-классика, 2001. С. 43–157.
 15. *Торчинов Е. А.* Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 384 с. (Orientalia).
 16. *Тао Юань-мин.* Лирика / пер. с кит. [сост., вступ. статья и примеч.] Л. Эйдлина. М. : Художественная литература, 1964. 150 с. (Сокровища лирической поэзии).
 17. *Дагданов Г. Б.* Чань-буддизм в творчестве Ван Вэя / отв. ред. Л. З. Эйдлин. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1984. 134 с.
 18. *Торчинов Е. А.* Буддизм: Карманный словарь / прил. П. В. Берснева. СПб. : Амфора, 2002. 188 с.
 19. *Юзефович Л. А.* Город на реке // Тотальный диктант : [сайт]. URL: <https://totaldict.ru/dictants/gorod-na-reke/> (дата обращения: 07.02.2024).

Поступила в редакцию 26.02.2024; одобрена после рецензирования 02.04.2024;

принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 26.02.2024; approved after reviewing 02.04.2024;

accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024

ЖУРНАЛИСТИКА

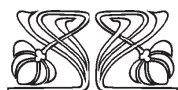
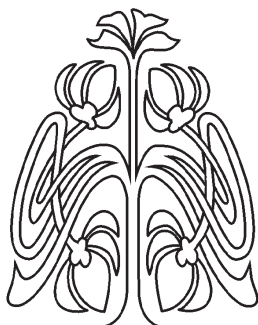
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 346–353

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 346–353

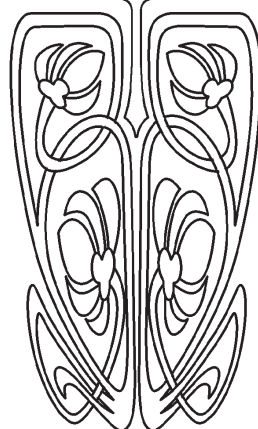
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-346-353>

EDN: HIBUFI

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Научная статья

УДК [616-036.21:578.834.1]:[070:316.77]

Пандемия COVID-19 в зеркале СМИ: проблема медиавоздействия

А. В. Землянский

Московский педагогический государственный университет, Россия, 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

Землянский Александр Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, av.zemlyanskii@mpgu.su, <https://orcid.org/0000-0003-4795-0102>

Аннотация. Статья посвящена изучению и анализу роли СМИ как инструмента воздействия на массовое сознание в период пандемии коронавируса. Медиаисследователи пытались проанализировать степень влияния СМИ на принимаемые реципиентами решения, такие как отказ от вакцинации, несоблюдение карантинных мер, нарушение других ограничений, которые вводились во время глобального кризиса в области здравоохранения. Одной из причин деструктивного поведения граждан разных государств стала инфодемия – перенасыщение глобального медиаполя недостоверной и непроверенной информацией. В этих условиях на СМИ возлагались различные задачи – от информирования аудитории о процессах, связанных с новым заболеванием, до пропаганды вакцинации. Это привело к тому, что медиа прибегали к различным моделям воздействия на аудиторию, которые описываются как в классических теориях влияния СМИ, так и современных. В статье проанализированы публикации с позиций медиавоздействия, а также исследования, цель которых – выявление механизмов влияния медиа на общество в период пандемии COVID-19. В результате исследования сделан вывод, что воздействие медиа на общество представляет собой структурно и функционально сложный процесс, на который оказывает влияние множество факторов, таких как информационная политика конкретных СМИ, индивидуальные характеристики журналистов и реципиентов информации, политическая обстановка и др. Также было установлено, что во время пандемии искажения в процессе коммуникации происходят не случайным образом, а по определенным моделям, описанным в различных теориях сильного медиавоздействия, в частности, теории волшебной пули, фрейминга, формирования повестки дня и других.

Ключевые слова: медиавоздействие, медиаэффект, информация, СМИ, пандемия коронавируса, инфодемия

Для цитирования: Землянский А. В. Пандемия COVID-19 в зеркале СМИ: проблема медиавоздействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 346–353. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-346-353>, EDN: HIBUFI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

COVID-19 Pandemic in the media mirror: The issue of media influence

A. V. Zemlyanskiy

Moscow State Pedagogical University, 1/1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow 119991, Russia

Alexander V. Zemlyanskiy, av.zemlyanskii@mpgu.su, <https://orcid.org/0000-0003-4795-0102>

Abstract. This article deals with the study and analysis of the role of media as a tool for influencing mass consciousness during the COVID-19 pandemic. Media researchers attempted to analyze the extent of media's impact on recipients' decisions, such as vaccine refusal, non-compliance with quarantine measures, and violation of other restrictions imposed during the global health crisis. One of the reasons for the destructive behavior of citizens in different countries was the infodemic – the oversaturation of the global media landscape with unreliable and unverified information. In these circumstances, the media had various tasks, from informing the audience about processes related to the new disease to promoting vaccination. This led to the media resorting to various models of influencing the audience, described in both classical theories of media influence and modern ones. The author of the article analyzed publications from the perspective of media influence, as well as research aimed at identifying the mechanisms of media influence on society during the COVID-19 pandemic. As a result of the study, the author concludes that the influence of media on society is a structurally and functionally complex process influenced by numerous factors such as the information policies of specific media outlets, individual characteristics of journalists and information recipients, the political environment, etc. It was also established that during the pandemic, distortions in the communication process occur not randomly but according to specific models described in various theories of strong media influence, including the magic bullet theory, framing, agenda-setting, and others.

Keywords: media influence, media effect, information, media, COVID-19 pandemic, infodemic

For citation: Zemlyanskiy A. V. COVID-19 Pandemic in the media mirror: The issue of media influence. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 346–353 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-346-353>, EDN: HIBUFI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В период пандемии коронавируса в общественном и научном дискурсе актуализировалась проблема медиавоздействия. Медиавоздействие, или медиаэффект, – это влияние, которое способны оказывать материалы СМИ на аудиторию с целью формирования или закрепления определенных убеждений, стереотипов или идей. Сила медиаэффекта во многом зависит от таких характеристик, как пол, возраст, уровень образования и т. д., а также от психологического состояния конкретного реципиента. При этом медиавоздействие может иметь разную степень проявления, продолжительность (краткосрочное или долговременное), характер воздействия (позитивный или негативный) и уровень интенсивности (жесткий или мягкий). В рамках изучения способов минимизации или усиления медиаэффекта исследователи рассматривают его различные аспекты. Так, американские исследователи Дж. Брайант и Д. Зильманн выделяют социальное, культурное и психологическое воздействие, оказываемое СМИ [1]. Энни Лэнг из Университета Индианы уточняет, «какие типы контента и каким образом влияют на реципиентов в той или иной ситуации» [2].

Американский медиаисследователь По-рисмита Бора предлагает разделить историю развития медиатеорий на четыре этапа, или

фазы [3]. Первая – фаза значительных эффектов – начинается в 1920-х гг. Несмотря на то что на данном этапе пресса, кино и радиовещание еще не оказывали значительного влияния на повседневную жизнь общества, им приписывалась весомая роль в процессе формирования установок и коррекции поведения аудитории в зависимости от желаний и потребностей коммуникаторов.

Исследователи того периода опасались большого влияния, которое новые (на тот момент) СМИ могли оказать на социум. Массовые пропагандистские кампании, начавшиеся во время Первой мировой войны, еще больше подтвердили эти опасения. Американский политолог Гарольд Лассуэлл, основатель Чикагской школы социологии, который часто упоминается как главный исследователь первой фазы изучения воздействия и влияния СМИ, в своих исследованиях применял методы социальной психологии, психоанализа и психиатрии. Он утверждал, что общество может эффективно контролироваться меньшинством с помощью пропаганды [4].

Таким образом, ранние исследования были сосредоточены на использовании СМИ в качестве пропагандистского инструмента и утверждали, что медиа всемогущи. Широко распространенное опасение, что воздействие СМИ может перевесить другие источники

общественного влияния (например, семью), привело к появлению **теории «волшебной пули»** [4]. Согласно этой теории, появившейся в 1930-х гг., СМИ используют в качестве своего оружия информацию и «атакуют» ею аудиторию, которая выступает в роли пассивного приёмника в информационно-коммуникативном процессе.

Американские исследователи Сандра Болл-Рокич и Мелвин Дефлер в середине 1970-х гг. разработали концепцию, основная идея которой заключается в том, что во время социальной нестабильности реципиенты становятся в большей мере зависимы от медиа, так как нуждаются в оперативной и достоверной информации. Именно в такие периоды роль СМИ значительно возрастает, а идеи, транслируемые медиакомпаниями и инфлюенсерами, быстрее завладевают аудиторией [5]. Также в силу тревожности из-за кризисных явлений у реципиентов снижается способность критически оценивать получаемую информацию. Так, группа российских ученых, изучавшая в период пандемии фейковые нарративы о коронавирусе, пришла к выводу, что публикации в СМИ недостоверной информации становились причиной повышенного спроса на иммуномодулирующие препараты, а также некоторые продукты (чеснок, имбирь), хотя их эффективность в борьбе с инфекцией не была доказана [6, с. 73].

В качестве примера сильного воздействия на аудиторию на первом этапе пандемии в январе–мае 2020 г. также рассмотрим высказывания известных российских ведущих двух федеральных каналов. Врач-терапевт, кардиолог, доктор медицинских наук и ведущая программы «Жить здорово!» на Первом канале Елена Малышева написала в своих соцсетях: «Я считаю, что этот вирус – чудо чудесное. Дети не умирают, не болеют, не попадают в реанимацию до 20 лет. Там находятся люди 70–80–90 лет – спросите у любого врача, это именно так» [7]. Такие заявления Малышева делала и в качестве приглашенного эксперта, например, в эфире высокорейтингового развлекательного ток-шоу «Вечерний Ургант» [8].

Российский врач-кардиолог Александр Мясников, ведущий программы «О самом главном» на канале «Россия 1», назвал ситуацию с низкой заболеваемостью в стране «русским чудом» [9]. Он заявил, что летальность COVID-19 в России намного ниже показателей в той же Германии и что наша страна переносит пандемию значительно легче соседних стран. По

мнению Мясникова, это обуславливается различиями в системах здравоохранения России и Европы. Телеведущего также можно назвать сторонником теории заговора в отношении происхождения нового вируса, что подтверждается его словами: «Ищите тех, кому эта пандемия выгодна» [10].

Режиссер и ведущий авторской программы «Бесогон ТВ», которая транслируется на канале «Россия 24», в выпуске «У кого в кармане государство?» рассказал о проекте Билла Гейтса по чипированию жителей Земли и уничтожению населения под видом вакцинации [11]. Подобная теория существует и о вышках 5G интернета – их точно так же «обвинили» в распространении коронавируса. Всё началось с интервью бельгийского доктора газете «Het Laatste Nieuws», в котором тот заявил, что вышки 5G опасны для здоровья вплоть до летального исхода [12]. Позже интервью удалили с сайта издания, но к тому времени оно стало вирусным в социальных сетях. После этого прошла серия массовых поджогов вышек в Великобритании, России и ряде других стран.

Также с января по март 2020 г. российское СМИ «Комсомольская правда» регулярно публиковало различные статьи о тех или иных теориях заговора. 23 и 26 марта вышли публикации «Американские вирусологи создали коронавирус еще в 2015 году» [13] и «О таинственном вирусе советские газеты писали еще 40 лет назад» [14]. Позже ни ВОЗ, ни российские органы власти не подтвердили версию об искусственном происхождении COVID-19. Это отмечала Генпрокуратура РФ на своем официальном сайте, где также были опубликованы опровержения фейковых видеороликов о разработке коронавируса в качестве биооружия с целью чипирования населения и установления глобального мирового порядка [15].

Таким образом, публикация непроверенной информации о новом вирусе привела к тому, что многомиллионная аудитория была введена в заблуждение относительно опасности заболевания. Отчасти это подтверждают выводы исследования ВШЭ, опубликованные в мае 2020 г. [16]. В результате проведенного опроса выяснилось, что треть респондентов (32,9%) считали пандемию выдумкой или неопасной для человечества. Из них 43,0% признались, что нарушали режим самоизоляции и посещали родственников; еще 54,0% опрошенных выходили на прогулки, когда это было запрещено.

Еще одним результатом публикации инфодемических нарративов (недостоверной или частично достоверной информации) стал провал первого этапа кампании по вакцинированию в России. Это подтверждается исследованиями. Так, центральная общественная приемная председателя «Единой России» провела в сентябре 2020 г. всероссийский онлайн-опрос около 20 тыс. чел., 73% из которых тогда ответили, что не готовы к вакцинации [17].

Таким образом, на начальном этапе кризиса, когда в обществе наблюдалась повышенная тревожность, СМИ прибегли к тактике успокоения, широко распространяя непроверенную информацию, которая быстро (согласно «теории подкожной иглы» [4]) была внедрена в сознание реципиентов и впоследствии оказала на их поведение существенное воздействие. Всё это эмпирически подтверждает не только теорию волшебной пули, но и **гипотезу «культивации»** Дж. Гербнера, который утверждал, что часто повторяющаяся информация в СМИ влияет на восприятие и может привести к «подмене» реальности [18]. Данная теория чаще всего применяется в исследовании видеоконтента. Ее основная идея: чем больше времени зритель проводит перед экраном, тем вероятнее, что его представления о реальности будут соответствовать транслируемому. Проще говоря, у человека, который постоянно смотрит телевизор, может сформироваться картина мира, которая не соответствует реальной. Например, сцены насилия в новостных репортажах или в телесериалах чаще всего более агрессивны, чем те, с которыми сталкивается зритель в реальной жизни. И хотя уровень образования аудитории также предопределяет силу медиавоздействия (люди с высшим образованием реже попадают в псевдореальность, которую создает телеконтент), реципиент в результате потребления соответствующей информации всё равно начинает воспринимать мир как более опасный, чем он есть на самом деле. Данный феномен исследователи назвали синдромом «злого мира» [18].

Еще одна теория, которая описывает происходящие события во время пандемии в медиасреде, – **теория формирования повестки дня** [19]. В 1963 г. профессор Гарвардского университета Бернард Коэн заметил, что пресса «потрясающе успешна в том, чтобы говорить своим читателям, о чем думать. Мир для разных людей будет выглядеть по-разному, в зависимости от карты, нарисованной для них писателями, редакторами и издателями газеты,

которую они читают» [20, р. 13]. Он развивает мысль американского исследователя Уолтера Липпмана, высказанную в начале 1920-х гг., в рамках которой СМИ «создают картины в наших головах» [21]. Когда СМИ фокусируют свое внимание на определенных событиях или вопросах, они тем самым формируют повестку дня. Широко теория формирования повестки дня стала известна в 1970-х гг. благодаря исследователям Максвеллу Маккомбсу и Дональду Шоу и их фундаментальному труду «Функция средств массовой информации по установлению повестки дня» [22].

Так, в период пандемии СМИ пришлось внести коррективы в редакционный процесс, чтобы удовлетворить потребности аудитории в получении информации о новом заболевании. Например, главный редактор медиа «Лайфхакер» сообщала, что «авторы экстренно начали погружаться в самые разные темы, а все, кто работал с медицинской тематикой, трудятся особенно тщательно». По ее словам, произошли изменения и в планировании: «Материалы, которые традиционно планировали на весну, стали неактуальными, но резко потребовались новые» [23].

Как отмечается в исследовании издания Time, «в течение января 2020 года, первого месяца вспышки 2019-нCoV, в более чем 41 000 англоязычных печатных новостных статей упоминалось слово “коронавирус”, и почти 19 000 материалов содержали его в заголовках» [24]. Таким образом, издания удовлетворяли запрос своей целевой аудитории на жизненно важную информацию, стараясь публиковать больше новостей на тему пандемии.

Но есть и обратный пример. Одно из исследований показало, что в то время, когда число случаев и скорость распространения COVID-19 в Индии стремительно росли, в ежедневных национальных газетах «The Hindu» и «Times of India» наблюдалось осязаемое снижение количества новостей о COVID-19 [25]. Таким образом государственные власти при помощи СМИ пытались воздействовать на массовую аудиторию: сократив количество материалов о коронавирусе, они хотели снизить интерес к теме и избежать паники.

На втором этапе освещения пандемии – назовем его алармистским, когда власти осознали масштаб распространения заболевания и перешли к решительным действиям по борьбе с коронавирусом, – СМИ подключились к этому процессу, перейдя от тактики успокоения к

тактике устрашения. При этом, как и на первом этапе, аудитория подвергалась «бомбардировке» новыми нарративами, только теперь их основной фрейм был такой: «вирус очень опасен, и необходимо строго соблюдать все требования в отношении использования индивидуальных средств защиты и общественного здоровья». СМИ, чтобы усилить уровень воздействия на аудиторию, использовали такие выражения, как «вирус-убийца», «новая чума», «китайская зараза», «уханьская зараза», «зло», «бич божий», «пятый всадник апокалипсиса», «страшнее ядерной войны», «биологическое оружие» и т. д. В британской газете *The Telegraph* так описывалось происходящее на улицах Уханя: «Пациенты в масках падают в обморок. Сотни перепуганных граждан, рискуя заразить друг друга, выстраиваются в узких больничных коридорах, ожидая, когда их осмотрят врачи в белых защитных костюмах. Измученный медик кричит» [26]. Как можно заметить, в этих примерах угроза коронавируса подавалась гиперболизированно, с яркими эмоциональными оценками, и нередко связывалась с жителями Китая, что в итоге привело к стигматизации определенных социальных и национальных групп. Преподнося таким образом информацию, новостные издания оказывали влияние на общественное мнение, например, «запугивая» аудиторию, чтобы она соблюдала определенные предписания (ношение средств индивидуальной защиты и т.д.). Так и проявляется **эффект фрейминга**, т. е. при подаче новостей факты подбираются таким образом, чтобы подчеркнуть определенный угол зрения на проблему. Способ подачи, время выхода в эфир, степень охвата аудитории, выбор канала коммуникации – всё это также может влиять на восприятие информационного сообщения, например, создать, изменить или усилить определенную точку зрения.

Таким образом, фрейминг – это эффективный способ, с помощью которого СМИ могут формировать общественное мнение. Та часть аудитории, которая обычно плохо информирована, особенно восприимчива к подаче информации и, следовательно, наиболее подвержена влиянию фрейминга.

Приведем в пример исследование, авторы которого рассматривали стратегию освещения глобального медицинского кризиса с точки зрения фрейминга [27]. Анализ помог выявить шесть основных тем, а также различия в освещении и интерпретации пандемии COVID-19. Исследование показало, что франкоязычные

канадские СМИ были более склонны к изображению пандемии COVID-19 как чрезвычайной ситуации и акцентировали внимание на помощи канадцам, оказавшимся за границей, в то время как англоязычные канадские СМИ чаще использовали фрейминг «китайской» вспышки коронавируса и социального воздействия пандемии. *Radio-Canada* – единственное франкоязычное СМИ, которое чаще других использовало фрейминг экономического кризиса, в то время как телесеть *TVA Nouvelles* представляла кризис COVID-19 в основном как кризис здравоохранения.

Приведем еще один пример применения эффекта фрейминга. Два австрийских телевизионных канала – *Servus TV* и *ORF* – были раскритикованы за предвзятое освещение пандемии коронавируса. Так, *Servus TV* (а именно еженедельную новостную программу *Der Wegscheider*) обвинили в преуменьшении и замалчивании опасностей COVID-19 [28], в то время как *ORF*, наоборот, – в нагнетании обстановки [29].

В начале 1970-х гг. теорию сильного воздействия СМИ подкрепили новые модели, например, **«спираль молчания»** – концепция, разработанная Элизабет Ноэль-Нойман [30]. Суть теории в следующем: те, кто придерживаются мнения меньшинства, предпочитают не высказывать свою позицию, чтобы избежать социальной изоляции. Это объясняет роль СМИ в формировании доминирующего общественного мнения. Также, согласно теории «спирали молчания», если СМИ пропагандируют определенное мнение, то оно эффективно заглушает оппозиционное мнение через иллюзию консенсуса. При этом «спираль молчания» работает и внутри самих СМИ, когда речь заходит непосредственно о журналистах: спорный контент и непопулярные мнения не публикуются, поскольку в лучшем случае не найдут у аудитории отклика, а в худшем спровоцируют общественный конфликт. Данная теория апеллирует к социальной психологии и исследованию конформности, автором которого является Соломон Аш [31]. В исследовании Аша, посвященном влиянию группового давления, было установлено, что испытуемый с большей вероятностью выразит позицию большинства, даже если он сам с ней не согласен.

Теория «спирали молчания» продемонстрировала свою актуальность и в ходе пандемии коронавируса. В одном из исследований она была применена для изучения тенденций

и механизмов формирования общественного мнения в социальных медиа [32]. В период с 1 июля по 30 августа 2020 г. в Армении во время пика заболеваемости было проведено четыре опроса. Исследование показало, что большинство респондентов (67%) были хорошо информированы об ограничениях, связанных с пандемией, и предпочитали открыто соглашаться с официальной позицией властей, чтобы не демонстрировать свое критическое отношение к преобладающей в обществе позиции, в то время как по факту нарушали правила социальной изоляции и другие ограничения. Только 20% респондентов признались, что не соблюдали установленные меры. Между тем, согласно многочисленным заявлениям правительственных чиновников, ответственных за борьбу с вирусом, именно нарушение норм самоизоляции во время пандемии стало главной причиной беспрецедентного распространения коронавируса в Армении. Также среди армянских пользователей соцсетей выявлена тенденция, согласно которой они предпочитали не рисковать своей репутацией и пытались избежать возможной критики, если общественная дискуссия шла вразрез с их мнением.

Таким образом, можно заключить, что искажения в процессе коммуникации происходят не хаотично, а на основе определенных моделей, которые рассматриваются в теориях медиавоздействия. Исследование роли СМИ в периоды глобальных кризисов, таких, например, как пандемия коронавируса, является важным аспектом для понимания, как информация влияет на формирование общественных настроений и убеждений. Во время кризиса медиа часто становятся ключевыми игроками в информационном пространстве. При этом работа СМИ усложняется, так как необходимо, с одной стороны, доносить актуальную информацию до аудитории, а с другой – учитывать ее психологическое состояние, чтобы не вызвать панику.

Так, пандемия COVID-19 продемонстрировала актуальность как классических, так и современных теорий медиавоздействия, в частности теории «волшебной пули», описывающей существенное влияние распространяемой информации на реципиента. На первом этапе пандемии, когда общество находилось в состоянии повышенной тревожности и рассчитывало получить исчерпывающую информацию о новом заболевании от СМИ, как в России, так и за рубежом политики и журналисты пытались успокоить аудиторию, поэтому преуменьшали

опасность вируса. Инфодемические нарративы, проникая в сознание реципиента, в дальнейшем привели к тому, что пользователи отрицали наличие самого вируса, считали пандемию заговором одной из мировых держав или фармацевтических гигантов, отказывались от вакцинации и использования индивидуальных средств защиты в общественных местах.

Многие новостные редакции в период пандемии вынуждены были перестроить свою работу, чтобы удовлетворить запросы целевой аудитории в информации о новом заболевании. В зависимости от целей и задач самого медиа они формировали информационную повестку таким образом, чтобы сделать акцент на определенном аспекте проблемы либо, наоборот, замалчивали его. Именно так работал эффект фрейминга, описанный в одной из теорий медиавоздействия.

Когда власть, а вслед за ней и журналисты осознали опасность нового заболевания, они попытались, используя те же методы, что и на начальном этапе, с помощью мощного информационного потока изменить мнение аудитории. Как показали исследования и результаты опросов, однажды сформировав отношение к кризису, аудитория проявляла невосприимчивость к новой информации, транслируемой как властями, так и журналистами. Более того, в информационном пространстве оказалось такое количество информации о вирусе, что провести фактчекинг самостоятельно пользователи не могли, так как часто одно и то же медиа публиковало противоположные данные. Это привело к распространению не только пандемии, но и инфодемии, а она, в свою очередь, повлияла на хаотизацию медиaprостранства.

Таким образом, возникшая в период пандемии COVID-19 инфодемия подчеркивает необходимость ответственного журнализма: скрупулезности в проверке фактов, борьбы с дезинформацией. Понимание того, как медиа воздействуют на массовое сознание и какие механизмы влияния при этом используются, помогает руководителям СМИ и обществу разрабатывать стратегии коммуникации, чтобы эффективно управлять ситуацией и обеспечивать общественную безопасность в условиях кризиса.

Список литературы

1. Bryant J., Zillmann D. Media effects. *Advances in Theory and Research* // Lawrence Erlbaum Associate. 2002. URL: <http://ndl.ethernet.edu.et/>

- bitstream/123456789/58135/1/15.Jennings%20Bryant.pdf (дата обращения: 09.01.2024).
2. *Lang A.* Discipline in Crisis? The Shifting Paradigm of Mass Communication Research // *Communication Theory*. 2013. Vol. 23, iss. 1. P. 10–24. <https://doi.org/10.1111/comt.12000>
 3. *Borah P.* Media effects theory // *The International Encyclopedia of Political Communication*. 2016. <https://doi.org/10.1002/9781118541555.wbiepc156>. URL: https://www.researchgate.net/profile/Porismita-Borah/publication/314119579_Media_Effects_Theory/links/59d5d9f9a6fdcc8746989933/Media-Effects-Theory.pdf (дата обращения: 09.01.2024).
 4. *Lasswell H.* Propaganda technique in the World War. New York : Peter Smith, 1927. 233 p.
 5. *Семёнова А., Корсунская М.* Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. М. : Ин-т социологии РАН, 2010. 324 с. 1 электрон. опт. диск; 12 см.
 6. *Меретукова О., Нестерова С., Харин В., Стрельцов О., Маторина О.* Анализ особенностей информационно-психологического воздействия на личность в условиях пандемии COVID-19 // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2021. Вып. 2 (279). С. 66–78. <https://doi.org/10.53598/2410-3691-2021-2-279-66-78>
 7. «Этот вирус – чудо чудесное». Елена Малышева объяснила, что назвала COVID-19 чудом потому, что умирают только старики // *Аргументы недели*. 2020. URL: <https://argumenti.ru/society/2020/04/661267> (дата обращения: 09.01.2024).
 8. Елена Малышева. Вечерний Ургант // *Вечерний Ургант*. 2020. URL: <https://www.itv.ru/shows/vecherniy-urgant/vypuski/elena-malysheva-vecherniy-urgant-1248-vypusk-ot-17-02-2020> (дата обращения: 09.01.2024).
 9. Доктор Мясников рассказал о «русском чуде» в связи с коронавирусом // *Взгляд*. URL: <https://vz.ru/news/2020/4/11/1033794.html> (дата обращения: 09.01.2024).
 10. Доктор Мясников о панике из-за коронавируса: «Ищите, кому выгодно» // *Вести*. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3233653> (дата обращения: 09.01.2024).
 11. *Михалков Н.* У кого в кармане государство? // *Бесогон TV*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MEtaaNuVCI> (дата обращения: 09.01.2024).
 12. *Temperton J.* How the 5G coronavirus conspiracy theory tore through the internet // *Wired*. URL: <https://www.wired.co.uk/article/5g-coronavirus-conspiracy-theory> (дата обращения: 09.01.2024).
 13. *Осинов А.* «Мы скрестили атипичную пневмонию и вирус летучих мышей». Американские вирусологи создали смертельный коронавирус еще в 2015 году // *Комсомольская правда*. 2020. URL: <https://www.kp.ru/daily/27107/4182568/> (дата обращения: 09.01.2024).
 14. *Абрамов А.* О таинственном вирусе советские газеты писали еще 40 лет назад // *Комсомольская правда*. 2020. URL: <https://www.kp.ru/daily/27109.4/4184715/?ysclid=lq2dvv827w46625629> (дата обращения: 09.01.2024).
 15. Генпрокуратура признала фейком ролики о создании коронавируса ради чипизации людей // *Интерфакс*. 2020. URL: <https://www.interfax.ru/russia/707413> (дата обращения: 09.01.2024).
 16. *Новости здравоохранения* // *Высшая школа организации и управления здравоохранением*. 2020. URL: <https://www.vshouz.ru/news/analitika/wcs-4009/> (дата обращения: 09.01.2024).
 17. Более 70% россиян не хотят делать прививку от коронавируса, показал опрос // *РИА Новости*. 2020. URL: <https://ria.ru/20201005/privivka-1578199577.html> (дата обращения: 09.01.2024).
 18. *Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N.* Growing up with television: The cultivation perspective // *Against the mainstream: The selected works of George Gerbner / ed. by M. Morgan*. 1994. P. 193–213. URL: https://www.researchgate.net/publication/232498956_Growing_up_with_television_The_cultivation_perspective (дата обращения: 09.01.2024).
 19. *The Impact of Media: Sharing Our Minds and Hearts* // *Red Dot Films*. 2021. URL: <https://www.reddotfilms.net/the-theoretical-and-practical-problems-associated-with-viewing-the-media-in-terms-of-effects> (дата обращения: 09.01.2024).
 20. *Cohen B.* The press and foreign policy. University of California, 1993. 281 p. URL: <https://archive.org/details/pressforeignpoli00coherich/page/n11/mode/2up> (дата обращения: 09.01.2024).
 21. *Lippmann W.* Public Opinion. New Brunswick, NJ : Transaction Publishers, 1998. 418 p.
 22. *McCombs M., Shaw D.* The Agenda-Setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. Vol. 36, № 2. P. 176–187.
 23. *Левин А.* Как пандемия COVID-19 изменила СМИ и что будет дальше // *Курсив*. 2020. URL: <https://kz.kursiv.media/2020-05-20/kak-pandemiya-covid-19-izmenila-smi-i-cto-budet-dalshe/> (дата обращения: 09.01.2024).
 24. *Ducharme J.* News Coverage of Coronavirus in 2020 is Very Different Than it Was For Ebola in 2018 // *Time*. 2020. URL: <https://time.com/5779872/coronavirus-ebola-news-coverage/> (дата обращения: 09.01.2024).
 25. *Swathi P., Dinesh B.* Snowballed Covid-19 Spread and Waned News Coverage in Indian Newspapers // *Annals of the Romanian Society for Cell Biology*. 2021. Vol. 25, iss. 6. P. 11299–11306.
 26. *Smith N., Newey S.* Coronavirus: Fears rise of Chinese cover-up as 56 million in lockdown and hospitals overwhelmed // *The Telegraph*. 2020. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2020/01/24/coronavirus-fears-rise-chinese-cover-up-40-million-lockdown/> (дата обращения: 09.01.2024).

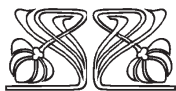
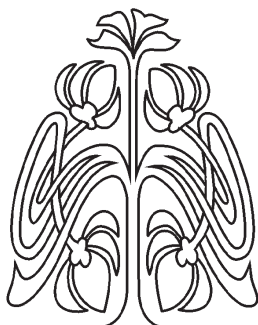
27. Poirier W., Ouellet C., Rancourt M., Bécharde J., Dufresne Y. (Un)Covering the COVID-19 Pandemic: Framing Analysis of the Crisis in Canada // Canadian Journal of Political Science. 2020. Vol. 53, iss. 2: Special Section: COVID-19 Short Research Papers. P. 365–371. <https://doi.org/10.1017/S0008423920000372>
28. Govedarica V. EinSender für Corona-Leugner? // Tagesschau. 2021. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/servus-tv-corona-101.html> (дата обращения: 09.01.2024).
29. Arendt F., Forrai M., Mestas M. News Framing and Preference-Based Reinforcement: Evidence from a Real Framing Environment During the COVID-19 Pandemic // Communication Research. 2023. Vol. 50, iss. 2. P. 179–204. <https://doi.org/10.1177/00936502221102104>
30. Noelle-Neumann E. Spiral of Silence // Griffin E. A First Look at Communication Theory. McGraw-Hill Higher Education, 2008. P. 372–382.
31. Mcleod S. Solomon Asch Conformity Line Experiment Study // Simply psychology. URL: <https://www.simplypsychology.org/asch-conformity.html> (дата обращения: 09.01.2024).
32. Atanesyan A., Hakobyan A., Reynolds B. Communicating COVID-19 on Social Media: The Effects of the Spiral of Silence // Russian Sociological Review. 2021. Vol. 20, № 4. P. 66–85. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2021-4-66-85>

Поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2024; принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

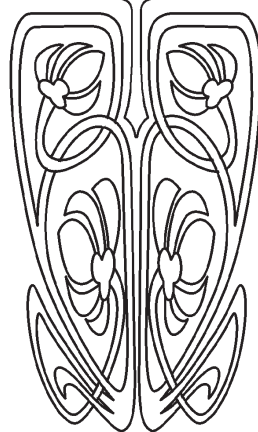
The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 28.01.2024; accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 354–357

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 354–357

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-354-357>

EDN: HXAXRH

Рецензия

УДК [[811.161.1+811.512.1]373.23.45](049.32)

Тюркизмы в русском языке: проблема освоения и функционирования в концепции П. У. Бакирова

Рецензия на: *Бакиров П. У. Тюркские наименования лиц в русском языке : монография. Термез : ИЦП ТерГУ, 2023. 176 с.*

О. И. Дмитриева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дмитриева Ольга Ивановна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской филологии и медиаобразования на базе МОУ ГЭЛ, oidmitrieva55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3849-7502>

Аннотация. Рецензия посвящена монографии профессора Термезского государственного университета П. У. Бакирова «Тюркские наименования лиц в русском языке», посвященной 70-летию вуза, в котором работает автор. В центре внимания исследователя находится проблема освоения языковых заимствований и специфики их функционирования в языке-реципиенте. Объектом изучения является тюркская лексика, имеющая давнюю историю освоения ее русским языком. В монографии на материале тюркизмов тематической группы «наименование лиц» дается комплексное описание заимствованной лексики в семантическом, структурно-словообразовательном, функционально-стилистическом аспектах. На основе обращения к лексикографическим и текстовым источникам автором определен состав этнонимов-тюркизмов, обозначающих названия лиц, показаны основные особенности их функционирования в разные периоды истории русского языка, обозначена специфика фонетического и грамматического их освоения в системе русского языка. Особое внимание П. У. Бакиров обращает на формирование системных отношений в лексико-семантической подсистеме тюркских по происхождению наименований лиц, прежде всего полисемических и синонимических. Особый интерес представляют разделы, содержащие описание словообразовательного потенциала заимствований и развития у них фразеологических связей. В книге описывается динамика формирования отдельных тематических групп исследуемой подсистемы тюркской по происхождению лексики (названия лиц по роду деятельности, по социальному положению, по родству, по поведению и чертам характера, по отношению к религии и др.). Полный список проанализированных автором монографии тюркизмов, представленный в Приложении, построен в соответствии с принятой в работе тематической классификацией.

Ключевые слова: П. У. Бакиров, заимствованная лексика, тюркизмы, наименования лиц, освоение тюркизмов русским языком

Для цитирования: *Дмитриева О. И. Тюркизмы в русском языке: проблема освоения и функционирования в концепции П. У. Бакирова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 354–357. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-354-357>, EDN: HXAXRH*

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

Turkisms in the Russian language: The problem of assimilation and functioning in the concept of P. U. Bakirov
Review of: Bakirov P. U. *Turkic names of persons in Russian*. Termez, ITsP TerGU, 2023. 176 p. (in Russian)

O. I. Dmitrieva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga I. Dmitrieva, oidmitrieva55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3849-7502>

Abstract. The review is devoted to the monograph by Professor P. U. Bakirov of Termez State University "Turkic names of persons in the Russian language", dedicated to the 70th anniversary of the university where the author works. The researcher focuses on the problem of mastering linguistic borrowings and the specific features of their functioning in the recipient language. The object of study is the Turkic vocabulary, which has a long history of being assimilated by the Russian language. The monograph, based on the material of the Turkisms of the thematic group "names of persons", provides a comprehensive description of borrowed vocabulary in semantic, structural, word-formation, functional and stylistic aspects. By means of referring to lexicographic and textual sources, the author defines the composition of ethnonyms-Turkisms denoting the names of persons, shows the main features of their functioning in different periods of the history of the Russian language, identifies the specific characteristics of their phonetic and grammatical development in the system of the Russian language. P. U. Bakirov draws attention to the formation of systemic relations in the lexical and semantic subgroup of names of persons of Turkic origin, primarily polysemy and synonymy. Of particular interest are the sections containing a description of the word-formation potential of borrowings and the development of their phraseological connections. The book describes the dynamics of the formation of individual thematic groups of the studied lexico-semantic subsystem of Turkisms (names of persons by occupation, social status, kinship, behavior and character traits, in relation to religion, etc.). The complete list of Turkisms analyzed by the author of the monograph, presented in the Appendix, is organized according to the thematic classification adopted in the monograph.

Keywords: P. U. Bakirov, borrowed vocabulary, Turkisms, names of persons, assimilation of Turkisms by the Russian language

For citation: Dmitrieva O. I. Turkisms in the Russian language: The problem of assimilation and functioning in the concept of P. U. Bakirov. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 354–357 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-354-357>, EDN: HXAXRH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Книга «Тюркские наименования лиц в русском языке» написана Поёном Ураловичем Бакировым. Выпускник Саратовского государственного педагогического института, декан факультета русской и таджикской филологии Термезского государственного университета Республики Узбекистан, в своих исследованиях он неизменно обращается к проблеме взаимодействия языков, прежде всего русского и узбекского.

На протяжении многих лет в поле внимания ученого был паремиологический материал как база сопоставительного лексико-семантического и когнитивного анализа русского, узбекского и других языков. Пословицы и поговорки рассматриваются в его исследованиях в качестве важного средства отражения национального сознания, языковой картины мира каждого народа [1]. Систематизация языкового материала в границах тематических групп, таких как «родина», «семья», «мир, дружба и толерантность», «здоровье», «книга и знание», позволяет исследователю не просто обосновать утверждение, что пословицы и поговорки – это энциклопедия народной жизни [2], но и в ходе сопоставительного лексико-семантического и когнитивного

анализа языкового материала убедительно продемонстрировать совпадение взглядов разных народов на такие общечеловеческие ценности, как *семья, дети, мир*, выявить специфические особенности национального сознания, отраженные в паремиях. Исследования ученого в области паремиологии в значительной степени имеют лингвокультурологический характер, что не исключает, а напротив, предполагает строгое и последовательное их базирование на широком языковом материале. Комплексный и системный подход к анализируемому языковому объекту можно считать характерной чертой научных исследований П. У. Бакирова, которая отчетливо обнаруживается и в рецензируемой монографии.

Монография «Тюркские наименования лиц в русском языке» посвящена проблеме языковых заимствований и функционирования заимствованной лексики. В центре внимания автора находятся тюркские наименования лиц в русском языке, которые подвергаются системному и многоаспектному описанию в семантическом, структурно-словообразовательном, функционально-стилистическом аспектах.

Межъязыковое взаимодействие на лексическом уровне – это непрерывный процесс в истории каждого национального языка. Длительные и разнообразные контакты с тюркоязычными народами и, как результат таких контактов, заимствования из тюркских языков представляют собой важный этап в эволюции словарного состава русского языка с раннего периода его развития. Такие слова, являющиеся по происхождению тюркизмами, как «товарищ», «хозяин», «казначей», «казак», «кинжал», столь прочно закрепились в языковом сознании, что часто вообще не воспринимаются носителями как заимствованные. Часть тюркской лексики функционировала только в письменных источниках, относящихся к отдельным периодам языковой истории, но не вошла в широкое употребление, в то время как многие заимствования активно закрепились в русском языке и стали производящей базой дальнейшего словопроизводства [3].

Изучение тюркских и – шире – восточных заимствований (ориентализмов) имеет давние научные традиции. Эта лексика рассматривалась в этимологическом, семантическом, стилистическом, функциональном аспектах на материале как письменных памятников, художественных текстов, так и словарей [3, с. 6]. Новизна исследования П. У. Бакирова состоит в том, что объектом многоаспектного и комплексного анализа в нем становятся тюркизмы, относящиеся к тематической группе наименований лиц, которые ранее не были предметом специального изучения.

Автор стремится выявить и систематизировать общие тенденции функционирования тюркских наименований лиц в русском языке, особенности их вхождения в язык, закономерности формирования тематических групп. Подсистема наименований лиц исследуется автором монографии в динамике, что позволяет обозначить специфику функционирования относящихся к этой группе тюркизмов в отдельные исторические периоды, определить их семантическое и стилистическое своеобразие.

В первой и второй главах монографии содержится обзор основных работ, посвященных изучению тюркских заимствований, обосновывается методика отбора и описания языкового материала. Особый научный интерес представляют третья и четвертая главы книги. В главе III «Основные направления в освоении наименований лиц русским языком» показано, как происходит процесс фонетической и морфо-

логической адаптации тюркизмов к системным особенностям русского языка, как формируются новые словообразовательные связи и отношения. Часто в ходе освоения нового языкового материала могут происходить процессы опрощения исконно членимых структур (например, утрачивается самостоятельный аффикс -ман- в слове *атаман*, -ак- в слове *кунак*), разложение (усложнение) ранее не членимых основ (например, слово *казначей* было заимствовано как непроемное в полном своем составе, однако в соотношении со словом *казна* в русском языке воспринимается как производное от него). В дальнейшем своем функционировании заимствования включаются в словопроизводительные отношения, характерные для русской словообразовательной системы.

Глава IV «Тюркские наименования лиц в лексико-семантической структуре языка» посвящена проблеме семантического и стилистического освоения тюркизмов лексической системой русского языка. В ходе семантического освоения заимствований, как показывает автор, часто происходит сужение или расширение значения (например, заимствуемое значение слова *казак* – `независимый вольный человек` приобретает дополнительный смысл `представитель определенной социальной группы`), переосмысление имен собственных в нарицательные (*разгильдяй*, *мамай*) и другие лексико-семантические процессы: развитие многозначности, синонимии. Затрагивается в главе и вопрос об особенностях функционирования тюркизмов в книжной и живой разговорной речи, однако наблюдения такого рода делаются только на основе анализа стилистических помет в лексикографических источниках. Автор монографии обозначает проблему развития у заимствований-тюркизмов фразеологических связей. Фразеологизмов, одним из компонентов которых являются наименования лиц, в русском языке, как отмечается в исследовании, немного. Такие обороты, как *вольный казак*, *мамаево нашествие*, *калиф (халиф) на час*, *сам себе хозяин*, рассматриваются не только в аспекте их стилистической маркированности / немаркированности, но и в синонимических связях с другими фразеологизмами русского языка.

Полный список проанализированных автором монографии тюркизмов, представленный в Приложении (с. 151–174), построен в соответствии с принятой в работе тематической

классификацией, поэтому дает системное представление о составе тематических групп исследуемой лексико-семантической подсистемы (наименования лиц по степени родства, социальному положению, роду деятельности и др.).

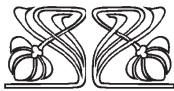
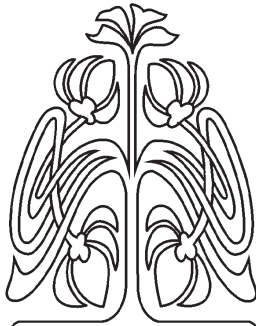
Монография П. У. Бакирова «Тюркские наименования лиц в русском языке» может представлять интерес не только для языковедов, но и для широкого круга филологов, интересующихся вопросами лингвокультурологии, для преподавателей русского языка как иностранного.

Список литературы

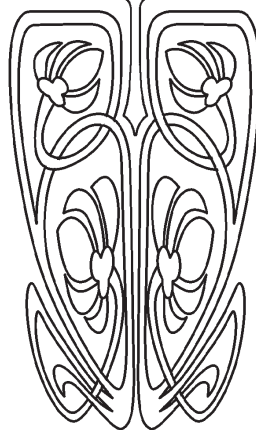
1. Бакиров П. У. Семантика и структура номинацентрических пословиц (на материале русского, узбекского и казахского языков). Ташкент : Фан, 2006. 298 с.
2. Бакиров П. У. Пословицы – энциклопедия народной жизни. Ташкент : Akademnashr, 2018. 174 с.
3. Гилязетдинова Г. Х. Ориентализмы в русском языке Московского государства XV–XVII вв. Казань : Казанский ун-т, 2010. 202 с.

Поступила в редакцию 29.04.2024; принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 29.04.2024; accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36011
Оформить подписку на печатную версию
можно в интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (bonjour.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7 (845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,

Институт филологии и журналистики

Тел./факс: +7 (845-2) 21-06-48

E-mail: iiyu@mail.ru

Website: <http://bonjour.sgu.ru>

ISSN 1817-7115

24003

9 771817 711502

ISSN 1817-7115 (Print). ISSN 2541-898X (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Филология. Журналистика. 2024. Том 24, выпуск 3

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

